

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2021

2(48)

Ψλ

**ВОПРОСЫ
ПСИХОЛИНГВИСТИКИ**

2 (48) 2021
Москва

**JOURNAL
OF
PSYCHOLINGUISTICS**

2 (48) 2021
Moscow

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБУН ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

ОЧУ ВО «МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ»

Регистрационный ПИ № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911 (print), ISSN 2658-6908 (online)

DOI: 10.30982/2077-5911

Подписной индекс 37152 «Объединенный каталог. Пресса России. Газеты и журналы»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Тарасов Евгений Федорович, *главный редактор*, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Уфимцева Наталья Владимировна, *заместитель главного редактора*, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Терентий Ливиу Михайлович, кандидат политических наук, доктор филологических наук, ректор Московской международной академии, Москва (Россия)

Баласникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Сергей Валерьевич, *ответственный секретарь*, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

Жукова Лариса Станиславовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, профессор, директор Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва (Россия)

Митирева Любовь Николаевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией нейропсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Бубнова Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежной филологии Московского городского педагогического университета, Москва (Россия)

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, руководитель департамента прикладной лингвистики и иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород (Россия)

Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом теоретического и прикладного языкознания, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского государственного педагогического университета, Шымкент (Казахстан)

Ионова Светлана Валентиновна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания ФГБОУ ВО Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва (Россия)

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московской международной академии, Москва (Россия)

Красных Виктория Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры общей теории словесности Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор Вьетнамского института лексикографии и энциклопедий Вьетнамской академии общественных наук, Ханой (Вьетнам)

Мартин Ф. Линч, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

Мягкова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры методики обучения лиц с ограниченными возможностями, Хайфский университет, Хайфа (Израиль)

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Поляков Федор Борисович, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, директор Центра коммуникативных исследований Воронежского государственного университета, Воронеж (Россия)

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета (Россия)

Чжао Цюэ, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета Китая, Харбин (Китай)

Черниговская Татьяна Владимировна, доктор биологических наук, доктор филологических наук, профессор, заведующая лабораторией когнитивных исследований и кафедрой проблем конвергенции естественных и гуманитарных наук СПбГУ, член-корреспондент Российской академии образования, Санкт-Петербург (Россия)

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; профессор кафедры общего и русского языкознания ГИ Новосибирский государственный университет, Новосибирск (Россия)

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК.

Индексируется РИНЦ, E-library, КиберЛенинка, Google Scholar, ERIH PLUS.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Москва 2021

© ФГБУН Институт языкознания РАН, 2021

© ОЧУ ВО «Московская международная академия», 2021

© Авторы, 2021

Подписано в печать 28.06.2021. Формат 70x100/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л.13,5 Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru

COFOUNDERS:

INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW INTERNATIONAL ACADEMY

Registration number № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911 (print), 2658-6908 (online)

DOI: 10.30982/2077-5911

EDITORIAL BOARD

Evgeny F. Tarasov, *chief editor*, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Ufimtseva, *deputy editor*, Doctor of Philology, Professor, Head of Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Liviu M. Terenty, Candidate of Political Science, Doctor of Philology, Rector of the Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Philology, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Sergey V. Dmitryuk, *executive secretary*, Candidate of Philology, Editor of the Publishing Department of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Larisa S. Zhukova, Candidate of Philology, Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Irina Yu. Markovina, Candidate of Philology, Professor, Director of Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov University, Moscow (Russia)

Lubov N. Mitireva, Candidate of Philology, Head of Foreign Languages Department Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Tatyana V. Akhutina, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Laboratory of Neuropsychology, Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Irina A. Bubnova, Doctor of Philology, Professor, Head of Foreign Philology Chair, Moscow City University, Moscow (Russia)

Elena S. Gritsenko, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Applied Linguistics and Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod (Russia)

Valery Z. Demyankov, Doctor of Philology, professor, Head of General and Applied Linguistics Department, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Dmitryuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, South Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent (Kazakhstan)

Svetlana V. Ionova, Doctor of Philology, Professor of the Department of General and Russian linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow (Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Professor at Chair of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow (Russia)

Alla V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of the Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Victoria V. Krasnykh, Doctor of Philology, Professor of the Department of Discourse and Communication Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia)

Ly Toan Thang, Doctor of Philology, Professor, Vietnam Institute of Lexicography and Encyclopedia, Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi (Vietnam)

Martin F. Lynch, Ph.D., Professor, the University of Rochester, Rochester (USA)

Elena Yu. Myagkova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of theory of language and translation, Tver State University, Tver (Russia)

Irina G. Ovchinnikova, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Learning Disabilities, Haifa University, Haifa, (Israel)

Maria A. Pilgun, Doctor of Philology, Professor, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Fedor B. Polyakov, Doctor, Professor, Director of the Institute of Slavic Studies, the University of Vienna, Vienna (Austria)

Iosif A. Sternin, Doctor of Philology, Professor, Director at Communications Studies Centre, Voronezh State University, Voronezh (Russia)

Elena V. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language as a Foreign, South Ural State University (Russia)

Zhao Qiuye, Doctor of Philology and Pedagogics, Professor, Director of the Institute of Slavic Languages, Harbin Pedagogical University of China, Harbin (China)

Tatiana V. Chernigovskaya, Doctor of Biological Sciences, Doctor of Philology, Professor, Head of the Laboratory of Cognitive research and the department of problems of convergence of natural and human sciences St. Petersburg State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, St. Petersburg (Russia)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor at Chair of General and Russian Linguistics Novosibirsk State University, Novosibirsk (Russia)

The journal is included with the peer-reviewed scientific publications. It is approved for publication of the research results of doctoral and habilitation theses by the Higher Attestation Committee (VAK).

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI), E-library, CiberLeninka, Google Scholar, ERIH PLUS.

4 issues per year.

The journal has been published since 2003.

All rights reserved.

The materials of the journal may not be translated or copied in whole or in part without the written permission of the publisher, except for brief excerpts in connection with reviews or scholarly analysis.

Moscow, 2021

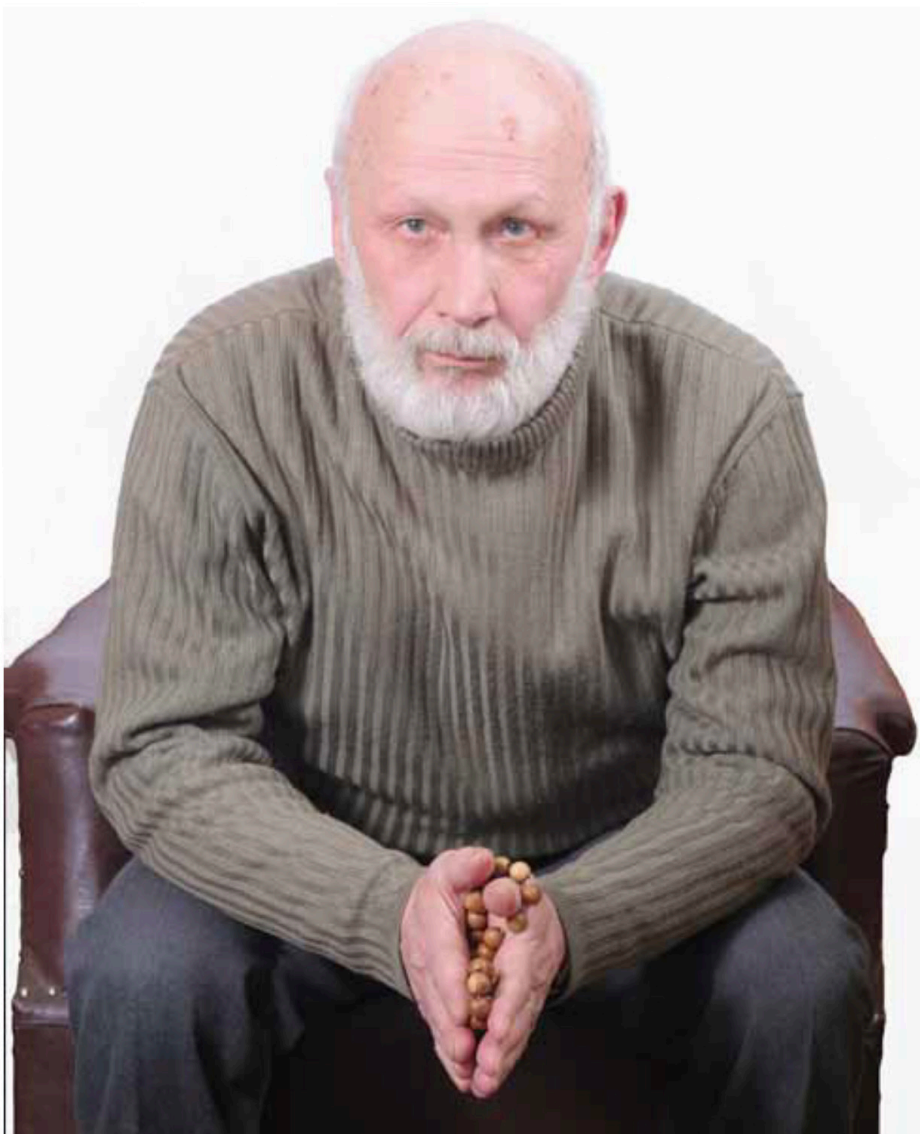
© Institute of Linguistics of Russian Academy Of Sciences, 2021

© Moscow International Academy, 2021

© Authors, 2021

ПАМЯТИ ЮРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА СОРОКИНА ПОСВЯЩАЕТСЯ	
Дмитрюк Н.В. (<i>Шымкент, Казахстан</i>)	
«И это все о нем»	10
Белянин В.П. (<i>Торонто, Канада</i>)	
Воспоминания о Юрии Александровиче Сорокине	20
Базылев В.Н., Краси́льникова В.Г. (<i>Москва, Россия</i>)	
Чтение – дело весьма увлекательное, или о продолжении исследований Ю.А. Сорокина	28
Боронин А.А. (<i>Москва, Россия</i>)	
О гибридном объекте в лингвистике в контексте научного наследия Юрия Александровича Сорокина	38
Васильева Н.В. (<i>Москва, Россия</i>)	
Гармония нон-конформизма: о терминотворчестве Ю.А. Сорокина	48
Красных В.В. (<i>Москва, Россия</i>)	
Функционально-культурная неграмотность: еще один «цивилизационный риск»? (Продолжая разговор с Ю.А. Сорокиным)	58
Марковина И.Ю., Матюшин А.А., Ленарт Иштван (<i>Москва, Россия</i>), Фам Хьен (<i>Ханой, Вьетнам</i>)	
Экспериментальное изучение восприятия русских и вьетнамцев русскими респондентами (Памяти Ю.А. Сорокина)	74
Пищальникова В.А. (<i>Москва, Россия</i>)	
Ю.А. Сорокин: текст как саморазвивающаяся сущность	86
Романов А.А., Новоселова О.В. (<i>Тверь, Россия</i>)	
Лингвокогнитивный анализ конвергентного пространства конструкта угрозы	96
Гудков Д.Б. (<i>Москва, Россия</i>)	
Мифология русского политического дискурса (на примере неологизмов)	118
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
Журавлев И.В. (<i>Москва, Россия</i>)	
Вygотский, Ильенков и проблема соотношения мысли и слова	130
Клюканов И.Э. (<i>Москва, Россия; Чини, США</i>)	
Межвидовая коммуникация: теоретические и методологические аспекты	144
Кошелев А.Д. (<i>Москва, Россия</i>)	
О генезисе у ребенка понятий и лексических значений	156
Тарасов Е.Ф. (<i>Москва, Россия</i>)	
Принцип системности при анализе речевых процессов	171
Яйич Новоградец Марина, Чагаль Ивана (<i>Загреб, Хорватия</i>)	
Иноязычная тревожность в овладении русским языком как иностранным	179
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Жукова Л.С. (<i>Москва, Россия</i>)	
XII Конгресс Международного общества прикладной психолингвистики (ISAPL)	
Никуличева Д.Б. (<i>Москва, Россия</i>)	199
Круглый стол «Психолингвистическое исследование полиглотии и его применение для целей изучения языков»	204
IN MEMORIAM	
Некролог А.А. Залевской	210
ИНФОРМАЦИЯ	
	212

TO THE MEMORY OF YURI ALEXANDROVICH SOROKIN	
Natalya V. Dmitryuk (<i>Shymkent, Kazakhstan</i>) “And It’s All About Him...”	10
Valery P. Belyanin (<i>Toronto ON, Canada</i>) Memoirs about Yuri A. Sorokin	20
Vladimir N. Bazylev, Varvara G. Krasilnikova (<i>Moscow, Russia</i>) Reading Is a Very Fascinating Business, or a Continuation of the Research of Yu. A. Sorokin	28
Aleksandr A. Boronin (<i>Moscow, Russia</i>) On the Hybrid Linguistic Research Object Within the Context of the Scientific Heritage of Yuri A. Sorokin	38
Nataliya V. Vasil’eva (<i>Moscow, Russia</i>) Harmony of Non-Conformism: Yu.A. Sorokin and His Terminological Creativity	48
Victoria V. Krasnykh (<i>Moscow, Russia</i>) Functional-Cultural Illiteracy: Another “Civilizational Risk”? (Continuing the Conversation with Yu.A. Sorokin)	58
Irina Yu. Markovina, Alexey A. Matyushin, Istvan Lenart (<i>Moscow, Russia</i>) Hien Pham (<i>Hanoi, Vietnam</i>) Perception of Russians and Vietnamese by Russian Respondents: an Experimental Study (in Memory of Yu. A. Sorokin)	74
Vera A. Pishchalnikova (<i>Moscow, Russia</i>) Yuri A. Sorokin: Text as a Self-Developing Entity	86
Alexey A. Romanov, Olga V. Novoselova (<i>Tver, Russia</i>) Linguocognitive Analysis of Convergent Space of the Threat Construct	96
Dmitry B. Gudkov (<i>Moscow, Russia</i>) Mythology of Russian Political Discourse (A Case Study of Neologisms)	118
THEORETICAL AND EXPERIMENTAL STUDIES	
Ignatij V. Zhuravlev (<i>Moscow, Russia</i>) Vygotsky, Ilyenkov and the Problem of Correlation Between Thought and Word	130
Igor E. Klyukanov (<i>Moscow, Russia; Cheney, WA, USA</i>) Interspecies Communication: Theoretical and Methodological Aspects	144
Alexey D. Koshelev (<i>Moscow, Russia</i>) On the Genesis of the Child’s Concepts and Lexical Meanings	156
Evgeny F. Tarasov (<i>Moscow, Russia</i>) Systemacy Principle in the Analysis of Speech Processes	171
Jajich Novogradec Marina, Chagalj Ivana (<i>Zagreb, Croatia</i>) Foreign Language Anxiety in the Acquisition of Russian as a Foreign Language	179
SCIENTIFIC LIFE	
Larisa S. Zhukova (<i>Moscow, Russia</i>) Online 12 th ISAPL International Congress. June 3–5, 2021.	199
Dina B. Nikulicheva (<i>Moscow, Russia</i>) Round Table: Psycholinguistic Study of Polyglottery and Its Application to Language Learning	204
IN MEMORIAM	
Obituary of Alexandra A. Zalevskaya	210
INFORMATION	
	212

Юрий Александрович Сорокин
(07.05.1936 – 08.10.2009)

7 мая 2021 года Юрию Александровичу Сорокину исполнилось бы
85 лет.

Когда-то давно, к очередному юбилею нашего научного подразделения ЮСо (так с любовью называли его между собой ученики и коллеги) написал «МЫ жили и работали СЧАСТЛИВО»!

И теперь, оглядываясь на прожитую научную жизнь, понимаешь, как точно он выразил самое главное в нашем научном союзе. Да, мы были необыкновенно счастливыми людьми, мы жили в атмосфере непрерывного научного творчества, в котором не было границ и запретов: «нужно было разбираться в том, о чем шумят ненародные витии – лингвисты и психологи, чтобы не выглядеть профанами, отыскивать свое, и, по возможности, нетривиальное, внутри отвердевших осыпей взглядов и мнений и доказывать еще оспариваемое право на научное существование», можно было совершать *«набеги в сопредельные с психолингвистикой домены («мы не заимствуем, мы СВОЕ берем»)*. И все это казалось таким естественным! Чего стоила только одна дружеская «равнопартнерская манера беседовать и спорить, отстаивая важное и отбрасывая мелочи, ценить не обещания, а дела, не маскарады честолюбий и претензий, а счастливые идеи и нетривиальные мысли, знать многое и о многом», к которой приучал и приучил нас Алексей Алексеевич Леонтьев!

МЫ ЖИЛИ СЧАСТЛИВО!

И во многом благодаря тому, что рядом всегда был и остается с нами
наш дорогой ЮСо!

Вечная и благая ему память!

ПАМЯТИ ЮРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА СОРОКИНА ПОСВЯЩАЕТСЯ

УДК 81

ББК 81.1

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-10-19

Эссе

«И ЭТО ВСЕ О НЕМ...»

Дмитрюк Наталья Васильевна

Южно-Казахстанский государственный педагогический университет

Аннотация

Предлагаемое эссе представляет собой воспоминания о Юрии Александровиче Сорокине, научном руководителе кандидатской диссертации автора в период ее обучения в аспирантуре, и сопровождается небольшой подборкой стихов Глеба Арсеньева (творческий псевдоним Ю.А. Сорокина).

Ключевые слова: Ю.А. Сорокин, этно-, психо-, социоллингвистика, ассоциативные реакции, неопсихоллингвистика, поэзия, верлибр, духовность

Человек есть то, что остаётся после него.

Китайская мудрость

Юрия Александровича Сорокина нет с нами вот уже почти двенадцать лет, и это время совсем не забвения: оно погружает нас в его мысли, предчувствия, обнаруживает его невероятную восприимчивость к переменам и парадоксам обновляющегося мира, открывает пронизательность и прогностическую ценность даже попутно брошенных реплик, высказываний, приоткрывает завесу в удивительно тонкий мир его необычной поэзии.

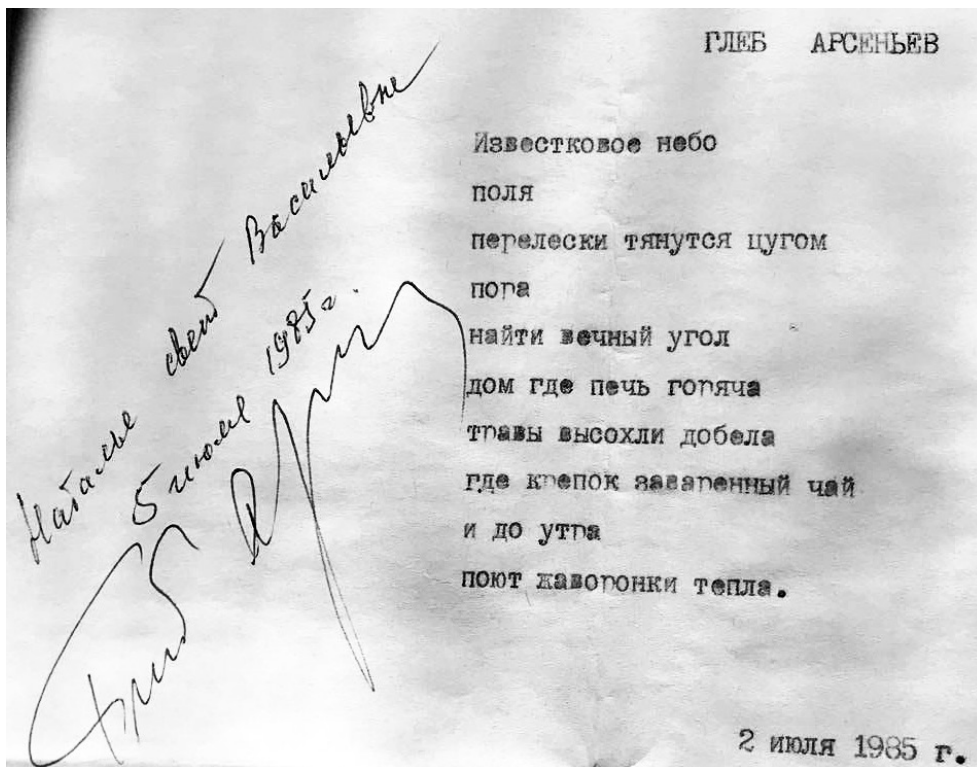
Юрий Александрович Сорокин, научный руководитель моей кандидатской, или ЮСо, как он сам иногда себя называл, был, кажется, глубоким интровертом, и за его внешней контактностью, легкой иронией, неподдельным интересом к собеседнику (всегда куча вопросов!) – абсолютно прочная завеса в свой личный мир, куда он редко кого впускал. Не терпел фальши, лицемерия, всегда был самим собой, прямолинеен и внутренне свободен, что выражалось и внешне, в стиле одежды («Юрик, сегодня у нас аттестация, ты хотя бы рубашку надел – что за футболка, нижнее белье какое-то!» – «Да нет, это верхнее белье, нижнее у меня джинсы»). Так ему было удобно. Удобно говорить то, что думаешь, удобно общаться с интересными ему людьми, удобно ходить с тяжеленным портфелем, битком набитым книгами, которые он читал, «проглатывал» удивительно быстро, и всегда находил что-то редкое, новое, успевал прочитывать, кажется, все, что выходило «свеженькое» в новых отраслях лингвистических знаний – на стыке наук этно-, психо-, социо-, мента-... и так далее лингвистики. Помните по четвергам книжную лавку между первым и вторым этажом Института языкознания? и ее хозяина Анатолия, который мог и на заказ разыскать и принести нужную редкую книгу? Пройти мимо и не купить ничего было просто невозможно – глаза разбегались и выхватывали и то, и другое, и третье... Юрий Александрович называл это «книжное лакомство», да еще устраивал проверочки: тянул за собой посмотреть новинки и подмигивал интригующе: «Идем, там как раз для тебя, по твоей теме! Ну, найди, найди!». И начинался квест: казалось, что всё это богатство – именно по моей теме, все пригодится, хватаешь все

подряд и под насмешливым взглядом «шефа» понимаешь – промахнулась, не увидела, пропустила! Добродушное «Эх, ты! С гегелевской «Феноменологией духа» ассоциации не возникло?», и Анатолий взглядом показывает – Валерий Подорога, «Феноменология тела». И мне нравилось, когда Юрий Александрович ругал меня балдой и лентяйкой – тоже знак определенной доверительности и сокращенной дистанции, и холодела, когда он переходил на «вы» и чеканил отрывисто: «Куда Вы дели единички? В них может быть очень важное, чего нельзя упустить! Что за обглоданные словарные статьи без единичных реакций?». И ведь как прав оказался! В свое время, может, стоило бы быть более внимательными и к одиночным, нетипичным ассоциациям, к тем болевым точкам, несущим угрозу и негатив, которые способны вызвать в нас протест или непонимание – об этом же сейчас напоминают И.А. Бубнова и В.В. Красных в своей «Неопсихолингвистике» (события на Украине, такой братской и дружественной, не один день назревали, а, тем не менее, эти процессы прошли для большинства не замеченными).

Юрий Александрович при всей своей цельности, непоколебимости взглядов и принципиальной позиции (а, может быть, и благодаря этому) сочетал в себе, казалось бы, противоречивые черты и свойства: сам из семьи староверов, в церковь не ходил, «попам» не верил, но всегда носил крест и знал про себя что-то такое, что мог ощущать только глубоко верующий человек. Мог быть резким и нетерпимым, не гнушался и крепкого меткого словечка – и был удивительно чуток к чужой боли, знал, как нужно помочь, и делал это с величайшим тактом, откуда-то брал, «считывал с подкорки» такие слова, которые только единственно и были нужны и уместны – спасибо, Учитель, за редкое чувство эмпатии, со-переживания, со-чувствия...

И этот дар интуиции, видения мира таким, какой не каждому открывается, наверное, свойственен только очень одаренным людям. И это, безусловно, дар духовный, дар свыше, дар поэтический, сродни озарению, которое посещало Юрия Александровича в другой духовной оболочке и для которой был выбран псевдоним Глеб Арсеньев. Это необычная поэзия, стихи сотканы, порой, из штрихов и черточек, из одного взгляда, из ощущений и предчувствий, иногда коротенькие, из одной строфы, иногда с необычной архитектурой внутреннего ритма – но всегда с некой загадкой из другого, необычного, нам незнакомого и такого притягательного мира. И «вход» в этот мир в наши аспирантские времена был открыт совсем не каждому, и тем дороже мне были эти листочки с распечатанными стихами, которые Юрий Александрович будто небрежно, но как бы из-под полы, негласно подкладывал мне между страниц моей диссертации. Мне-то доставался чаще всего почти нечитаемый пятый экземпляр копирки, отпечатанный на пишущей машинке, но я была невероятно счастлива и горда таким безусловным знаком доверительности. Некоторые стихи не всегда мне были понятны – своеобразный поток ощущений, цепочки слов, без знаков препинания, нечто сродни образцам «высокой моды», что вызывало трепет и ощущение иного бытия, напоминая Хлебникова и тот мир высокой поэзии, несколько утраченный и загадочный. Но было твердое убеждение – таким стихам, «как драгоценным винам», – придёт черед! И, кажется, он уже пришел: может быть, настало время для серьезных литературоведческих исследований поэтического творчества Глеба Арсеньева: ждем диссертаций, статей, очерков.

И если правда, что человек есть то, что остается после него, то Юрия Александровича со временем мы узнаём все больше, и не только перечитывая и цитируя его научные работы, но и открывая для себя его необычный поэтический мир.

Глеб Арсеньев

Стрекочет сорока в лесу
водит кого-то нечистый
качаются на весу
судьбы потаенные числа
21 июня 1985 г.

Непробудная жара
изнеможенье птиц
восковое позавчера
из-под изразцов и ресниц
июль 1985 г.

Еще цветет в Рублеве земляника
душен травостой и непугливы птицы
муравьи снуют своей тропой великой
тьнь сосновая смолится.
28 июня 1985 г.

Никуда не денешься
ополовинили жизнь
мы словно на мысе Дежнёва
вдосталь перед руками
кипящего жита
вдоволь за нами земли.

30 июня 1985 г.

Прохладное выдалось лето
не дожди в переулках
капли тяжкого клея
год кануна
солнечной лени
пепельного скарабея

1 июля 1985 г.

Известковое небо
поля
перелески тянутся цугом
пора
найти вечный угол
дом где печь горяча
травы высохли добела
где крепок заваренный чай
и до утра
поют жаворонки тепла.

2 июля 1985 г.

Береты и челки рубашки апаш
и парусиновые туфли начищенные мелом
веселых взрослых страна как блажной Сиваш
обмелела.

4 октября 1985 г.

Жду стихов цвета гречишного меда
желтовато-черной пены бьющейся о лоток
цветущего пожара на лугах и клеверных ливней
жду самого себя
исполу зашептанных вечерами ауканья и гуленья

26 июня 1985 г.

Нам душно в бытии для нас
в точке теперь
мы ищем восклицаний и вопросов
игры с загадками об имясловии
теплой вечеряющей воды тайны

когда разлетаются пушинки
с одуванчика солнца
и мы ловим их глазами и губами
21 октября 1985 г.

Клоун

В меня
оранжевого и белого
глаз прожектора голубой
круговая тьма бреднем
аплодисменты плотвой
я собираю рыбешек
в шутовской карман
сегодня расщедрился больше
закупленный карнавал
швырнут чтоб высохли жабры
рвал чешую песок
на крючке жалость
крутится колесом
скорей бы в омут домашний
выпустить рыб и цветы
и цирковые марши
праздника всех святых.
ноябрь 1985 г.

Дождей булькающая пенязь
пузырилась в лужах и пенилась
морем разлитым
кедрами ливанскими
щедрая беспроторица
для одинокого прозренья
гольшей простота
трын трава
воровское беспамятство грома
разгула молнии
идут на таран
сыпятся искр
гнутых и ломаных
крошки их подберет
тихий скряга Шешковский
6 июля 1986 г.

Передо мною середина века
щурясь вглядываюсь
в меловые следы на досках судеб
ты прекрасен и радостен

марафон времени называемый жизнью
которая чокается с нами
стаканами с лукавым вином
дарит женщин и детей
высаживает цветы книг
шепчет на ухо бессмертные слова
но я еще не все их расслышал
обошел не все цветники
собрал не все женские улыбки
и не весь детский смех
расплескал не все вино
по скатертям здравиц
передо мною середина века
доски судеб
на которых записан
вечер смерти глаз губ и дыхания
я верю тебе пастух времени
но все же
зачем я жил

ноябрь 1985 г.

Умирают в Кунцеве
последние
яблоневые сады
кончается срок купчих
не отсудить
екатерининских парков колонны
под настильным огнем засыханья
без почестей хороним
калечную армию

1 сентября 1986 г.

Кто швырнул нам
овальный рой пчел
солнце чернотелое?
Первородный толчок
кто вложил
в пустоту баллисты?
Это твой херувим или черт
кинул россыпью
чернобыльскую
черную оспу
и мы в ступе души толчем
страхи царя Бориса.

24 сентября 1986 г.

У меня была душа кузнечика
уютно жилось ей
в полынной июльской жаре
она усыпляющее стрекотала
навстречу полдню
снилась мне и я смеялся
сейчас у меня душа кенгуренка
она вселилась в меня случайно
и до конца дней моих
ей полюбилось родниковое утро
бегущее вместе с ней
к муравчатому океану горизонта
к песням Дассена
к выпукло-коричневому глазу удивления
к бабочке дрожи
на незваной боязни
на неожиданном испуге
19 октября 1986 г.

Собрал с губ предновогодней ночи
снег улыбки
ведь догнал Одиссей черепаху
Улисс приручил улитку
31 декабря 1986 г.

Взлетная полоса
Он приготовился к разбегу
он приготовился к прыжку
туда
где ветра сириин белый
играет шкурками секунд.
3 мая 1987 г.

Зачем душе нужен сад?
Чтоб развешивать на кустах розы
сдавать квартиру прохладе
а теням собирать свой гербарий
чтоб нашлось место для гнезда малиновки ветра
и корма для гусениц и улиток терпения
живущего тихой щедростью
узнающего себя инобытия
сентябрь 1988 г.

Лишь бы погребли
в перелесках
среди сыроежек голубых
вровень с погребом земли
откуда бы я ходил по грибы
август 1986 г.

Поздно быть честолюбивым
пусть эту наживу заглатывают другие рыбы
поздно писать письма издалека
и тосковать о вине и хлебе
которые не увидеть
на празднике будущих глаз
поздно тщеславиться радуясь
нулевым отметкам на термометрах
писцов департамента словесности
пусть они благодушествуют
разглядывая под микроскопом
мазки своей амебной поэзии
поздно быть алхимиком
эта профессия умерла
вместе с верой в живую воду
и хозяйку Медной горы
поздно слепнуть
над претворением пяти элементов
и пяти стихий
в правду и кривду
зло и добро
поздно хлопотать о визе
в тридевятое царство
собирать лакомые книги
от них еще пуще
воркует голубиная тоска
поздно слушать вальсы
отца и сына Штрауса
вальсы Святого Духа
август 1986 г.

Игорю Клюканову

По щедрински
желчная метель
утюжит Тверь
клеенкою мороза
обита
городская дверь
на стенах расплескалась

кремовомолочно
неторопливая морока
похрустывает ледостава карамель
и ей не вытаять и за три моря
была и есть и будет
лишь твердь и Тверь.
12-13 декабря 1986 г.

Из цикла «Янтарные бусы для тебя»
Веревкой, свитой из женских волос можно наложить пути на быка
сандаловым свистком вырезанным из женской сандалиии
можно приманить оленя
я понял это глядя на твою ликующую темную красоту
брошенную мне рукой времени.
25 декабря 1985 г.

Твои стеклянные бусы холодны и нерадостны
подарю тебе янтарные
для тепла веселия и от сглаза
их карие горошины стихами Баратынского.
сентябрь 1988 г.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 23.05.2021

Дата принятия к печати: 24.06.2021

Сведения об авторе:

Дмитрюк Наталья Васильевна – доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка и литературы Южно-Казахстанского государственного педагогического университета.

Контактная информация:

160012, Казахстан, г. Шымкент, ул. Байтурсынова, 13, Южно-Казахстанский государственный педагогический университет

ORCID: 0000-0002-8527-0338

e-mail: nvdmitr@yandex.ru

Для цитирования:

Дмитрюк Н.В. «И это все о нем» // Вопросы психолингвистики №2(48) 2021, С. 10–19, doi 10.30982/2077-5911-2021-48-2-10-19

UDC 81.23
LBC 81
DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-10-19

Essay

“AND IT’S ALL ABOUT HIM...”

Natalia V. Dmitryuk

South Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent, Kazakhstan

Abstract

The proposed essay is a memoir about Yuri Alexandrovich Sorokin – the scientific supervisor of the author’s PhD thesis during her postgraduate studies, which is accompanied by a small selection of poems by Gleb Arsenyev (the creative pseudonym of Yu. A. Sorokin).

Keywords: Yu. A. Sorokin, ethno-, psycho-, sociolinguistics, associative reactions, neo-psycholinguistics, poetry, verlibr, spirituality

© Dmitryuk N.V., 2021

Bionotes:

Natalia V. Dmitryuk – Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language and Literature of the South Kazakhstan State Pedagogical University.

Contact information:

13 Baitursynova str., South Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent, 160012, Kazakhstan

ORCID: 0000-0002-8527-0338

e-mail: nvdmitr@yandex.ru

For citation:

Dmitryuk, N.V. (2021) And it’s all about him... Journal of Psycholinguistics. 2 (48), pp. 10–19. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-10-19 (in Russian)

УДК 81.139

ББК 81.1

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-20-27

Эссе

ВОСПОМИНАНИЯ О ЮРИИ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ СОРОКИНЕ

Белянин Валерий Павлович

Психотерапевт, York Regional Psychological Services, Торонто, Канада

Аннотация

В статье приводятся субъективные воспоминания о Сорокине Юрии Александровиче.

Ключевые слова: психолингвистика, библиопсихология, Институт языкознания АН СССР, Ю.А. Сорокин (1936–2009), Н.А. Рубакин (1842–1946)

В 2021 году исполнилось 85 лет со дня рождения Юрия Александровича Сорокина. Самого его уже нет в живых 11 лет, но я его помню и по сей день...

В 1976 году я был студентом 3 курса историко-филологического факультета Университета Дружбы Народов им. П. Лумумбы. У нас читали лекции преподаватели, которые получали явное удовольствие от чтения курсов. Я полюбил лингвистику, и понял, что это моё призвание.

Как-то на 16-й странице «Литературной газеты» была опубликована юмористическая заметка о том, как разные писатели пересказали бы один и тот же сюжет «Красной шапочки» – Тургенев, Пушкин, экзистенциалисты. Мне показался этот простой экзерсис очень важным для понимания сути текста – я уже тогда догадывался о том, что текст не только отражает реальность, но и видение реальности писателем. С этими идеями и пошёл писать курсовую у Михаила Николаевича Правдина. А потом однажды я пришел в гости на работу к своей тёще – сотруднице Института философии АН СССР М.А. Хевеши, и она спросила меня, не хочу ли я сходить в Институт языкознания, который находился во дворе их здания на Волхонке. Она сказала, что там есть Леонтьев Алексей Алексеевич, который занимается психолингвистикой. Меня это заинтересовало, т.к. в курсе методики преподавания русского языка нам рассказывали и об этой дисциплине. Я набрался смелости и отправился в небольшой двухэтажный особняк жёлтого цвета, который находился как бы во дворе Института философии АН СССР, что располагался тогда напротив бассейна «Москва».

Я пришёл удачно – в маленькой комнатке на первом этаже слева от входа, с окном, выходящим в стену, было несколько человек. Леонтьева не было – как мне сказали, он был в МГУ, читал лекции. Но в секторе была Наталья Владимировна Уфимцева и Юрий Александрович Сорокин. Сорокин принял меня на редкость радушно, я бы даже сказал, восторженно. Он сказал мне, что я должен почитать книгу Н.И. Жинкина «Механизмы речи» и пригласил прийти через две недели. Я прочитал эту немного разочаровавшую меня книгу и пришёл через две недели.

Юрий Александрович спросил меня, есть ли у меня доступ к испытуемым, и сказал, что может дать рекомендательное письмо для проведения эксперимента. Суть запланированного эксперимента была в том, чтобы предъявить испытуемым тексты

в разных вариантах. Сначала без фамилии автора, потом с фамилией автора. При этом каждый раз надо было измерять оценку текста по шкалам. По сути дела, мне был предложен семантический дифференциал, но я тогда не догадывался об этом. Я провел опросы, обработал результаты первых двух серий экспериментов, и Юрий Александрович предложил поменять фамилии авторов текста – тем текстам, которым испытуемые приписывали наибольшие баллы, надо было присвоить фамилии авторов, тексты которых получили меньшие баллы. Так, текстам Леона Измайлова была приписана фамилия Тэффи, а текстам Тэффи – авторство Измайлова. После проведения третьей серии экспериментов я отдал свои материалы Юрию Александровичу, и через неделю он вручил мне несколько страниц текста, которые назывались так: «Оценка художественного текста с учётом мены анхистонимов». Я спросил, что такое «анхистоним», и он сказал, что это просто фамилия автора. Я вчитывался в машинописный текст и надолго застрял на последнем параграфе, в котором было сказано примерно следующее: «Анхистонимы – это ктематонимы ментального плана, которые определяют вектор рецепции речевого продукта реципиентом».

Имелось в виду, что мы реагируем на имя автора, который придаёт тексту дополнительную значимость, или снижает её в зависимости от того, как мы оцениваем другие тексты автора текста, или его самого как личность. А «ктематоним» – это что-то вроде ярлыка на одежде, где написано название фирмы. Потом, когда статья вышла, я удивился тому, что Юрий Александрович поставил мою фамилию на первое место [Белянин, Сорокин 1983]. И лишь позднее я узнал, что так делается и в американских университетах, когда студенты проводят и описывают эксперимент, спланированный руководителем.

В какой-то момент я заинтересовался методикой дополнения (cloze procedure) и стал проводить эксперименты с «разрушенным» текстом. В УДН это приняли и даже назначили моим консультантом А.А. Леонтьева, который консультировал и знакомую мне Ирину Бутенко, писавшую диплом по разговорному языку у Н.И. Толстого в МГУ. Я поехал к Леонтьеву домой и рассказал ему о своём дипломе. Он одобрил. К психолингвистике заведующий кафедрой общего языкознания УДН Л.А. Новиков относился скептически, но отзывы А.А. Леонтьева и Ю.А. Сорокина сделали своё дело. А на защиту пришёл сам Юрий Александрович, выступил, и это дало все основания комиссии поставить мне за дипломную работу «отлично», а потом и получить красный диплом.

Уже на пятом курсе я подал заявление в аспирантуру УДН, но мне сказали, что мест у них мало, и посоветовали обратиться в Институт языкознания. Фактически мне отказали в том распределении, которое я хотел получить, но это меня не огорчило, так как я очень легко «прикрепился» в аспирантуру Института языкознания. Скорее всего, помогла мне в этом Наталья Владимировна Уфимцева, которая посоветовала поговорить с директором Института Г.В. Степановым. Денег никаких я не просил, статус соискателя был для всех самым необременительным, и я стал соискателем Сектора психолингвистики и теории коммуникации, а моим руководителем стал Ю.А. Сорокин.

После вуза меня распределили в Демократическую республику Афганистан. Перед отъездом Юрий Александрович подарил мне книгу на английском языке по социолингвистике для того, чтобы я сделал по ней реферат для кандидатского экзамена. Подобные книги в личном пользовании тогда были редкостью, но он отдал мне её, не

задумываясь. Потом я узнал, что у него дома была огромная библиотека, и он собирал книги как настоящий библиофил. Его стол в институте с трудом закрывался – там всегда были книги, которые ему дарили многочисленные посетители Сектора.

Вернувшись в 1980-ом году в СССР, я поступил на работу в ИРЯП им. А.С. Пушкина, а потом меня перевели в МГУ на подготовительный факультет для иностранных граждан. Я сдал все минимумы и начал писать кандидатскую диссертацию под руководством Юрия Александровича. Тема была очень широкая – психолингвистические аспекты восприятия текста – и сужалась долго и постепенно. Я начал с анализа устройства текста и к своей радости нашёл книжку, где было легко и просто написано про стилистику текстов научно-популярного жанра. Я в воодушевлении перепечатал оттуда несколько страниц и отдал текст на просмотр руководителю. Через неделю он молча вернул мне мои машинописные страницы. На полях были волнистые линии, и ни одно слово или выражение не было отредактировано. Я был в недоумении, а Сорокин сказал:

– А что тут править? Не надо так писать!

Я всё понял. И больше к научно-популярным книжкам не обращался, стараясь писать более строго и лапидарно. И мне долго импонировал его резкий научный стиль. При этом он использовал и даже создавал большое количество терминов (*соматикон, вербо- и психосоматика, психосемиотика, эмотивность, этнотип* и мн. др.). Я называл их сорокизмами и даже порой писал так же «герметично», словно подражая ему.

Когда на работе в МГУ узнали, что я пишу диссертацию, меня вызвала заведующая кафедрой О.М. Аркадьева и предложила поменять тему диссертации. Она сказала, что кафедра нуждается в исследовании методического аспекта морфологии падежной системы, и прежде всего, предложено падежа, и готова руководить моей работой. Я, не моргнув глазом, отказался, т.к. предложенная тема меня совершенно не интересовала, а Юрий Александрович мне давал всегда карт-бланш в моих интересах. И я мог писать хоть про научную фантастику, хоть про психологию, хоть про экспериментальные методы, главное, что это могло прилагаться к психолингвистике. Мой руководитель был и не впереди меня, и не сзади, он был рядом.

После длительной работы я представил ему основной текст диссертации. Он сказал очень просто:

– Можно выходить на предзащиту.

На предзащите и Р.М. Фрумкина и А.П. Василевич (которые были, как мне казалось, отдельной частью Сектора психолингвистики) сказали, что работа состоит из двух фрагментов, совсем не связанных между собой. Меня «завернули», дав полгода на дописывание.

Для того чтобы соединить две части работы, мне пришлось обратиться за помощью. Кто-то посоветовал мне пойти в Научно-исследовательский институт общей и педагогической психологии Академии педагогических наук СССР (НИИ ОПП АПН СССР), который находился напротив консерватории, недалеко от переехавшего на проспект Калинина Института языкознания (по нынешнему адресу Б. Кисловский пер. дом 1). Там я нашёл психиатра Л.Т. Ямпольского, который помог спланировать мне очень необычный эксперимент [Белянин, Ямпольский 1982]. Позднее он стал получать телефонные угрозы антисемитского содержания и уехал через Голландию в США, и я потерял с ним связь. Подход Ямпольского был психиатрическим по сути.

Но Сорокин принял и психиатрический подход, и необходимость психологического тестирования читателей и писателей, и поиск корреляции между личностью и текстовыми элементами. Казалось, что для него не было запретов, и естественно-научный подход к тексту был для него вполне приемлемым.

В целом сам факт наличия у меня научного консультанта помимо него Ю.А. Сорокин воспринимал нормально. Более того, он периодически направлял меня на беседы к разным людям. Так я часто общался с А.И. Новиковым и Р.Г. Котовым, которые были очень благосклонны к психолингвистам. В Сектор нередко заходили и В.Н. Телия, и Ю.С. Степанов, которые были для меня светилами, и мне было интересно присутствовать при захватывающих интеллектуальных дуэлях. Позднее, однако, когда в Институте языкознания возник конфликт с Михаилом Николаевичем Правдиным, Ю.А. Сорокин, казалось, сознательно отстранялся от дискуссий идеологического плана, не обсуждал это со мной, и, как мне виделось это тогда, всем своим видом говорил, что эти конфликты – не наука, а лишь отвлечение от науки. Даже в конфликте Б.Н. Серебренникова и В.З. Панфилова он, очевидно поддерживая позицию Б.Н. Серебренникова, никогда не переходил на личности, а просто придерживался понятной для него позиции, не углубляясь в мотивировки.

В целом, как мне кажется, Юрий Александрович всегда немного чурался официальных дел, и даже о предстоящей мне процедуре защиты особенно не рассказывал (это больше делала Наталья Владимировна Уфимцева), но сам он «переговорил» с секретарем Совета А.М. Шахнаровичем и пригласил выступить Б.Н. Серебренникова, который прийти, однако, не смог, так как был уже болен. Защита прошла хорошо. В.Н. Ярцева, которая вела совет, задала несколько вопросов, на которые я, совершенно не ожидая никаких вопросов, отвечал в комплиментарном стиле, типа, спасибо за интересный вопрос. Банкетов тогда особых не было, так как с продуктами было «не очень», но я пригласил сотрудников Сектора домой. Было скромно, но душевно.

После защиты кандидатской диссертации на работе у меня мало что изменилось, мою учёную степень как бы не заметили, но я «остался в науке», продолжая публиковаться, ездить на конференции и выступая на всех симпозиумах по психолингвистике, начиная с 6-го (в 1978 году). Сорокин забрасывал меня информацией про разные конференции и сборники, помогая связаться с организаторами.

В 1989 году меня приняли на полставки в Институт языкознания для работы над проектом идентификации личности по речи под кодовым названием «Аэрофлот», и это было очень увлекательно, поскольку Юрий Александрович постоянно генерировал идеи. Потом материалы были посланы «куда надо», и я не помню публикаций по этой теме.

В 1991 году весь Сектор психолингвистики пригласили работать в Институт иностранных языков им. М. Тореза, который уже с 1991 года стал называться Московским государственным лингвистическим университетом (МГЛУ). Началось всё очень серьёзно. Основной состав сектора психолингвистики и теории коммуникации (в лице Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой и Ю.А. Сорокина) был приглашён для беседы к И.И. Халеевой. Пригласили и И.Ю. Марковину (самую первую аспирантку Сорокина), и меня (второго аспиранта). Встреча была очень деловой, и было ясно, что И.И. Халеева знала о присутствующих много. Мне, в частности, она сказала, что берёт меня «при условии» (мне показалось, что я ослышался), если я защищу докторскую

и соглашусь стать там профессором. Подобные предложения бывают раз в жизни. Конечно, я согласился, тем более в таком почётном составе.

Преподавание в МГЛУ оказалось не таким простым, как представлялось сначала. Я приносил на лекции многостраничные материалы, но их оказывалось катастрофически мало для того, чтобы рассказать в спокойном, ровном тоне студентам, которые не знали о психолингвистике ничего. А я привык к лапидарному, ёмкому стилю писания статей, которому я обязан Сорокину. Только через пару лет я научился вести лекции, а на читать доклады. С Юрием Александровичем ситуация оказалась несколько сложнее. Он с энтузиазмом взялся за преподавание, а потом столкнулся с той же проблемой – студентам надо было рассказывать сложные вещи простым языком, а он этого делать не любил. В результате студенты стали жаловаться. Однажды, когда я пришёл в Институт языкознания, меня отозвал в сторону Евгений Федорович Тарасов и спросил, хочу ли я остаться в МГЛУ. Я сказал, что очень хочу, хотя это и трудно. Тогда он сказал, что я должен поговорить с Сорокиным, так как я – «его любимый аспирант» и спросить его, хочет ли он продолжать преподавать там. До меня тоже доходили какие-то слухи, и я подозревал, что Юрий Александрович потерял всякий интерес к преподаванию. Мой разговор с Сорокиным был трудным, но коротким. Он сказал, что преподавание его в этом виде не интересует. И тут же написал заявление по собственному желанию. Я воспринял это болезненно, но уже тогда понял, что он был человек науки, но не преподаватель.

Потом я вышел на защиту своей докторской диссертации. И Юрий Александрович стал моим оппонентом, хотя он внёс огромный вклад в мою работу. Защита проходила в МГУ, потому что в Институте языкознания были какие-то сложности с Учёным Советом, а секретарь Диссертационного Совета при филологическом факультете МГУ А. Поликарпов сказал мне, что их Совет тоже могут закрыть, т.к. защит в те годы (1992-1993) было мало, и тем самым ускорил бесконечный процесс дописывания диссертации. Защита прошла трудно, хотя среди оппонентов был и Ю.А. Сорокин, и Ю.Н. Караулов. А вот И.А. Зимняя дала очень негативный отзыв (как мне показалось ещё и потому, что после её увольнения из МГЛУ туда пригласили нас из Института языкознания. На защите выступил какой-то – как говорил Сорокин – интересант и стал рассказывать о «Розе мира» Даниила Андреева и о Блаватской. Сорокин вступил с ним в дискуссию, но я уже отключился.

По основному образованию Ю.А. Сорокин был китаистом. Я не слышал, как он разговаривал на китайском, но читал его статьи, посвящённые психолингвистическим проблемам перевода [Сорокин 1984]. И даже получил в подарок книгу его стихотворных переводов с китайского Ван Вэя. По несколько раз в год Юрий Александрович дарил мне свои публикации. Это были оттиски, статьи в сборниках, сами сборники или небольшие книги. Сначала он подписывал их, потом стал делать это всё реже и реже.

Отдельно я могу долго писать о библиопсихологии, которая была одной из страстей Юрия Александровича. Он открыл для меня Эмиля Геннкена (которого я потом, отсканировав, опубликовал в электронном виде); он открыл для меня архивы по эвропатологии Г.В. Сегалина и даже неявно запрещенный в СССР дзен-буддизм. Но больше всего он любил Н.А. Рубакина. Сорокин рассказывал мне, как получил доступ в отдел рукописей Ленинской библиотеки, как расшифровывал часами его записи, а потом просто подарил мне изданную в 1977 году книгу Н.А. Рубакина «Психология читателя и книги», где было его предисловие [Сорокин 1977]. Он также с сожалением

рассказывал мне, что архив Рубакина в Швейцарии был разграблен его секретаршей, и всё было потеряно. Я тоже увлёкся Рубакиным, а его жизнь и творчество стали и для меня примером научной увлечённости и горения. Позднее он участвовал в издании более полного собрания сочинений трудов Рубакина на 800 страниц [Сорокин 2006]. Когда он дарил её мне, он просто вынул её из стола и протянул, как бы говоря: «*Вот ещё один шаг сделал в популяризации важного и умного, но тут важнее Рубакин, а не я*». Я не попросил автограф, потому что как бы прочитал в его жесте послы – важна наука, важен Рубакин, а не он – Сорокин, сначала, а потом уже исследователь.

Однажды я узнал, что Сорокин публиковался когда-то под псевдонимом Глеб Арсеньев и был в опале у советского строя. Сам он об этом не рассказывал. Я так и не знаю, стеснялся ли он, боялся ли он, или просто «не ворошил прошлое». Кроме того, мы редко говорили с ним о политике, а если и говорили, то Юрий Александрович высказывался очень коротко и резко. Он вообще не любил объяснять то, что ему казалось само собой разумеющимся. Но было понятно, что его многое не устраивало.

Мне кажется, что он старался – что называется – не отвлекаться, не говорить о том, что не имело отношения к науке, словно сохраняя время и силы для того, что увлекало его по-настоящему – для психолингвистики. Таким он мне и запомнился – увлечённым, целеустремленным, и погруженным в бесконечный поиск многочисленных истин.

© Белянин В.П., 2021

Литература

Белянин В.П., Сорокин Ю.А. Оценка художественного текста с учётом мены анхистонимов // Современные методы исследования средств массовой коммуникации. Таллин: Периодика, 1983, С. 216–218.

Белянин В.П., Ямпольский Л.Т. Экспериментальное выявление психологического тезауруса жанра текста // Общение: структура и процесс. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1982, С.90–100.

Сорокин Ю.А. Библиопсихологическая теория Н.А. Рубакина (критический очерк) // Рубакин Н.А. Психология читателя и книги. М., 1977, С. 6–15.

Сорокин Ю.А. Какое библиопсихологическое наследство оставил нам Н.А. Рубакин // Рубакин Н.А. Библиопсихологическая психология. М, 2006. С. 5–9.

Сорокин Ю.А. Поэзия Ван Вэя (701–761) и чань-буддизм // Философские вопросы буддизма. Новосибирск: Наука, 1984. С. 102–113.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 28.05.2021

Дата принятия к печати: 22.06.2021

Сведения об авторе:

Белянин Валерий Павлович – доктор филологических наук, кандидат психологических наук, профессор по кафедре психолингвистики, психотерапевт, York Regional Psychological Services, Торонто, Канада

Контактная информация:

www.psyling.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4053-1335>

e-mail: psyling@gmail.com

Для цитирования:

Белянин В.П. Воспоминания о Юрии Александровиче Сорокине // Вопросы психолингвистики №2(48) 2021, С. 20–27, doi 10.30982/2077-5911-2021-48-2-20-27

УДК 81.139

ББК 81.1

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-20-27

Essay

MEMOIRS ABOUT YURI ALEXANDROVICH SOROKIN

Valery P. Belyanin

Registered Psychotherapist, York Regional Psychological Services,
Toronto ON, Canada

Abstract

The memoirs tell in a subjective way about the author's supervisor, prominent Soviet and Russian psycholinguist Yuri Sorokin.

Keywords: psycholinguistics, bibliopsychology, Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of USSR, Yury Sorokin (1936–2009), Nickolai Rubakin (1842–1946)

References

Belyanin, V.P., Sorokin, Yu.A. (1983) *Ocenka hudozhestvennogo teksta s uchetom meny anhistonimov* [Evaluation of Literary Tests taking into Consideration that the Names of the Authors were Changed]. In: *Sovremennyye metody issledovaniya sredstv massovoj kommunikacii* [Contemporary Methods of Research on Mass Communication]. Tallinn, Periodica publ., pp. 216–218. (in Russian).

Belyanin, V.P., Yampolskij, L.T. (1982) *Experimentalnoje vyjavenije psihologicheskogo tezaurusu ganra teksta* [Experimental Revealing of Psychological Thesaurus of the Genre of the Text]. In: *Obschenije: struktura I process*. [Communication: Structure and Process]. Moscow, Institut Yhazykoznanija AN SSSR, pp. 90–100 (in Russian).

Sorokin, Yu.A. (1977) *Bibliopsihologicheskaja teorija N.A. Rubakina (kriticheskij ocherk)* [Bibliopsychological Theory of N.A. Rubakin (critical essay)]. In: *Rubakin N.A. Psihologija chitatelja I knigi*. [Psychology of Reader and Book]. Moscow, pp. 6–15. (in Russian).

Sorokin, Yu.A. (2006) *Kakoe bibliopsihologicheskoe nasledstvo ostavil nam Rubakin* [What Bibliopsychological Heritage was set after N. Rubakin]. Moscow, 2006, pp. 5–9. (in Russian).

Sorokin, Yu.A. (1984) *Poezija Van Veja (701–761) i chan-buddizm* [Poetry of Wang Wei (701–761) and Zen Buddhism]. Novosibirsk, pp.102–113. (in Russian).

© **Belyanin V.P., 2021**

Article history:

Received: 28.05.2021

Accepted: 22.06.2021

Bionotes:

Valery P. Belyanin – Doctor of Philology, PhD in Psychology, Professor at the Department of Psycholinguistics, Registered Psychotherapist, York Regional Psychological Services, Toronto ON, Canada

Contact information:

www.psyling.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4053-1335>

e-mail: psyling@gmail.com

For citation:

Belyanin, V.P. (2021) Memoirs about Yuri Alexandrovich Sorokin. *Journal of Psycholinguistics*. 2 (48), pp. 20–27. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-20-27 (in Russian).

УДК 159.9

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-28-37

Научная статья

ЧТЕНИЕ – ДЕЛО ВЕСЬМА УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ, ИЛИ О ПРОДОЛЖЕНИИ ИССЛЕДОВАНИЙ Ю.А. СОРОКИНА

Базылев Владимир Николаевич

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Красильникова Варвара Георгиевна

1 МГМУ им. И.М. Сеченова, Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена памяти профессора Ю.А. Сорокина, его исследованиям проблем чтения в контексте развития отечественной психолингвистики рубежа XX-XXI вв. Заглаголивается проблема механизма преемственности научных идей в современном российском обществе и необходимость актуализации работ, посвященных исследованию книги как семантического объекта, библиопсихологии, собственно психолингвистическим аспектам изучения текста. Обсуждаются стратегически важные направления в изучении чтения как вида речевой деятельности применительно к поколению студентов-миллениалов: выявление реального положения дел с пониманием текста студентами поколения Z, исследование психологии взаимодействия студента-адресата учебного научного текста и автора учебника; встраивание приемов понимания текста в вузовские учебники. Презентируются выводы авторского экспериментального исследования: чтения студентами-медиками первого курса научного учебного текста. Формулируются перспективные задачи исследований: можно ли оценивать воздействие речевых трудностей, связанных с пониманием текста, на успешность (неуспешность) обучения студентов I курса; можно ли (целесообразно ли) осуществлять контроль над эффективностью обучения по той или иной дисциплине, ориентированной, главным образом, на извлечение информации из текста; можно ли на основе информации о читательских стратегиях осуществлять прогностическую функцию успешности обучения (обучаемости) в целом.

Ключевые слова: психология чтения, типология читателей, понимание текста, социология науки, персоналия – Ю.А. Сорокин

Прошлое есть часть настоящего: вместо введения

Заголовок раздела, которым начинается статья, – это, безусловно, аллюзия на высказывания, ставшие в русской лингвокультуре прецедентным текстом. Вне зависимости от того, кому сама мысль приписывается: Ломоносову, Горькому, Вернадскому или Лихачеву.

Несомненно одно: память, по словам Д.С. Лихачева, противостоит уничтожающей силе времени: «Это свойство памяти чрезвычайно важно. Принято элементарно делить время на прошедшее, настоящее и будущее. Но благодаря памяти прошедшее входит в настоящее, а будущее как бы предугадывается настоящим, соединенным с прошедшим» [Лихачев 2006: 168].

Последнее непосредственно связано с феноменом смены поколений в науке, что само по себе неизбежно и экзистенциально. В том смысле, что любое общество сталкивается с трудностями преемственности межпоколенческого опыта.

Что касается науки, то ключевым вопросом для молодого ученого был и остается вопрос об учителе и наставнике. Это в полной мере относится как к живым, так и ушедшим. Мы не знаем молодых исследователей, которые не относились бы с большим уважением к профессору Ю.А. Сорокину и к его научным работам.

Хотя бы и в такой стилистике, как у Ольги Бойцовой, но с небольшим перефразированием: «Вполне осознавая мифологические истоки представлений о золотом веке наших учителей, я, тем не менее, ощущаю, что это на самом деле так: они действительно могут больше нас. Мы тоже можем написать о себе: «После обеда мы купили маленькую и пошли в какую-то университетскую аудиторию, где выпили ее», – вот только не можем продолжить: «Помню, что рисовали на доске, может быть, *строчки из Ван Вэя, то ли фрагмент соматикона, то ли модель лакуны*», во всяком случае – не на третьем курсе аспирантуры» [Антропологический форум 2009: 34].

Преемственность между старшим и младшими поколениями, несомненно, сохраняется. Однако при этом следует помнить о том, что линии преемственности могут быть разными.

Ю.А. Сорокин и его исследования проблем чтения

Не углубляясь в историю изучения чтения в нашей стране (историография вопроса подробно освещена в работах Е.А. Добренко [Добренко 1997]), вспомним лишь о том, что вопросы чтения и типологии читателей считались наиболее актуальными и сложными для отечественного гуманитарного знания в силу их комплексности и междисциплинарности, которые в полной мере начали осознаваться психолингвистикой в начале 70-х годов прошлого века. Надо было ответить на вопрос: как управлять читательской деятельностью в идеологических, профессиональных, эстетических и иных целях на основе научных достижений (в т.ч. психолингвистики) в области чтения в целом. Содержание исследований той поры можно условно сгруппировать следующим образом: разработка теоретических основ читательской деятельности, эмпирическое обоснование типологии читателей по разным основаниям и подходам, обоснование методических возможностей в изучении различных явлений чтения [Карташов 1964; Беляева 1975; Тугов 1980]. Подведением промежуточных итогов исследований обозначенного выше периода стал коллективный сборник «Психология чтения и проблемы типологии читателя» [Психология чтения 1984]. А также прошедший в 1992 году в постсоветской России Первый общенациональный Конгресс по чтению под девизом «Чтение в современном мире: опыт прошлого, взгляд в будущее», на котором, помимо прочего, была предложена Программа работы Ассоциации чтения России. Акцент тогда делался на исследовании чтения как процесса диалогического взаимодействия читателя с текстом [Чтение 1992].

Работы Ю.А. Сорокина на фоне описанной проблематики как раз посвящались исследованию книги как семантического объекта, библиопсихологии, собственно психолингвистическим аспектам изучения текста [Сорокин 1973; Сорокин 1978; Сорокин 1985].

В 1991 году в издательстве «Педагогика» выходит его книга «Почему живут и умирают книги?». С подзаголовком: Библиопсихологические и этнокультурологические сюжеты. Книжка – небольшая по объему, но с таким знаковым названием. В ней Ю.А. Сорокин подвел промежуточные итоги и своей работы, и работы коллег по «цеху», а также сформулировал новые исследовательские задачи.

Яркими примерами и доступным языком Ю.А. Сорокин донес до читателей ответ на сокровенный вопрос: что же является залогом долгожительства книги? Все теоретические рассуждения были переведены в форму диалогов, оживляющих текст.

Лирические отступления создавали живую атмосферу общения автора с читателем. Ю.А. Сорокин не случайно рассматривал книгу, как триединство: читатель-книга-автор. Чуть позже из этого вырастет новая целостная концепция Виктории Красных о модели порождения и восприятия текста [Красных 1998]; исследования Валерия Беянина о психологическом литературоведении [Беянин 1996]. Самое главное, возродится интерес у поколения исследователей 1990-х к библиопсихологии Н.А. Рубакина [Хомякова 1996], начало которому было положено Ю.А. Сорокиным его обращением к рубакинскому наследию в конце 1960-х [Сорокин 1968].

До сегодняшнего дня актуальны рассуждения Ю.А. Сорокина о том, каким образом те или иные мыслимые миры текстов ложатся на мысленные поля нашего сознания, его конструктивные предположения о значении звуко-смыслового восприятия слов, его размышления о том, как получается, что одни и те же тексты вызывают у разных людей совершенно разные впечатления.

Заключительное слово Ю.А. Сорокина звучало так: «... книги живут, когда мы их читаем, и до тех пор, пока мы их читаем... пока ищем в них и находим самих себя, свои состояния и качества... если эти качества мутнеют, становятся размытыми – книги начинают умирать... когда психологическая оболочка книги становится для нас полностью непрозрачной и чужой – книга умирает окончательно. Но для этого нужно долгое время. Книги умеют защищаться: многообразием и глубиной своего психологического мира... своими переключками... словесной оболочкой – переключками между звуком и смыслом, звуком и цветом... Книги живут, если авторы их были послушны закону поэтической биологии. Живут до тех пор, пока воздух и музыка не становятся иными» [Сорокин 1991: 110].

Кратко характеризуя концепцию чтения Ю.А. Сорокина, выделим ее основные положения. Чтение моделируется им как серия опорных точек в семантическом пространстве идиолекта реципиента. Являясь структурно значимыми элементами семантического профиля, они представляют собой специфические сигналы ценностных ориентаций, выявляющихся при взаимодействии читателя и текста. Такая модель чтения дает возможность получить объективные данные о механизме возникновения читательских проекций и роли тех понятийно-языковых структур, которые определяют аксиологическую значимость чтения и, соответственно, выявления смысла текста. Последнее позволяет читателю формировать ценностное суждение о тексте, т.е. является одним из факторов суггестии при чтении.

Актуальные проблемы чтения

В.И. Шаховский, вспоминая о Ю.А. Сорокине, напишет: «В одном из своих писем он мне писал: «Исследовательские усилия – это поиск смысла не только для других, но и для себя, а также и понимание того, что этот смысл не полон, отрывочен и всегда спорен». Значит, Юрий Александрович был уверен, что бесспорных истин в нашей науке нет, и все зависит от степени аргументированности представляемых на суд научной общественности работ. Эти его слова должен помнить каждый ученый» [Шаховский 2010: 207].

В свете сказанного мы и сегодня продолжаем исследовать феномен чтения. Правда, в несколько иных ракурсах, в изменившихся условиях и при новых вызовах науке.

Сегодняшние приоритеты исследования условно можно разделить на следующие группы: выявление реального положения дел с пониманием текста; исследование психологии взаимодействия читателя и автора; разработка приемов понимания текста; встраивание приемов понимания текста в учебники для школ и вузов. Сказанное нашло

отражение и в Концепции Национальной программы «Чтение» [Концепция 2001], и в деятельности Международного института чтения им. А.А. Леонтьева.

В Концепции, принятой 7 сентября 2001 года Всероссийским конгрессом в поддержку чтения, участникам Всероссийского совещания «Регионы России: читающие дети – читающая нация», органам государственной власти и управления Российской Федерации и широкой общественности предлагалась общенациональная программа мер, направленных на сохранение и приумножение духовного, научного и культурного богатства страны. Целью этой программы была всемерная поддержка чтения, важнейшего элемента культуры, инструмента повышения интеллектуального потенциала нации, роста творческой и социальной активности российского общества [Концепция 2002: 14].

В начале нулевых речь уже шла не просто о проблемах чтения, а о проблемах смысловой работы с текстом, логико-информационном подходе, в том числе, к учебному тексту. Постсоветскую науку и образование интересует чтение в контексте учебной и научно-исследовательской деятельности, в частности, чтение в условиях электронного коммуникационного окружения. Психология чтения выделяется в самостоятельную научную дисциплину, изучающую, по словам Е.В. Балашовой, «формирование навыков чтения, структуру восприятия и понимания литературы, роль и особенности психических процессов и состояний человека при чтении, их зависимость от объективных качеств печатных изданий, от особенностей читательской психологии личности» [Балашова 2006].

Что касается школьного образования, то научные – психологические, лингвистические и психолингвистические – исследования продемонстрировали свою результативность уже в первое десятилетие нового века (ситуационный анализ этого периода дается в работе С.А. Шаповал [Шаповал 2006]). Во втором десятилетии для школ начинает издаваться серия рабочих тетрадей с заданиями на понимание текста. В них предлагаются компетентностные задачи, направленные на организацию учебной деятельности обучающихся, связанные с пониманием текста как средства общения. Методически задачи формулируются при этом на основе общеучебной технологии и формируют базовый алгоритм действий обучающихся [Зайцева 2013].

Что касается вузовской подготовки, то ситуация выглядит менее конструктивной.

Студент поколения миллениалов (поколения Z): проблемы чтения научных учебных текстов

Метаязыковые способности обучающихся – студентов-медиков, в том числе их способность к рефлексии элементов и закономерностей языка важна для всего процесса организации обучения, так как от студента как читателя требуется понимание ситуации, описанной в учебном научном тексте (тексте учебника по профильной дисциплине). Он должен анализировать предметное содержание текста. Названная способность связана с пониманием когнитивного развития или, наоборот, когнитивной константности субъекта обучения. Особенно, в связи с изменяющимися или, наоборот, остающимися неизменными способами обработки информации, то есть, с теми или иными когнитивными стратегиями.

Целью нашего эксперимента было установить уровни понимания текста студентами-медиками в соответствии с моделью глубины понимания текста И.А. Зимней. Материал – учебный научный текст, взятый из: [Чебышев 2000]. Учебник предназначен для факультетов высшего сестринского образования и для изучения курса биологии на фармацевтических факультетах. Выбранный отрывок текста состоит из

двух абзацев. В первом абзаце описывается морфологическое строение представителя отряда «блохи», среда его обитания. Рассказывается о способе размножения блох и их жизненном цикле, о том, на каких стадиях развития и каким образом блоха может передать возбудителей чумы человеку. Во втором абзаце речь идет о переносчиках чумы и способах профилактики этой опасной инфекции. Выбор текста обусловлен тем, что студенты, участвующие в эксперименте, обучаются на 1 курсе факультета «Лечебное дело», а дисциплина «Биология» изучается именно в этот период¹.

Результируя полученные в ходе экспериментального исследования данные, мы сталкиваемся со следующей реальной ситуацией в медицинском вузе. Подавляющее большинство студентов экспериментальной группы (первый курс медицинского вуза) способны без труда воспринимать учебный текст на контекстном уровне, понимать тему текста и устанавливать базовые смысловые связи. Однако предметный уровень понимания вызывает у многих студентов некоторые трудности, то есть они затрудняются проводить предметный анализ во время чтения текста и устанавливать смысловые связи между воспринятыми в ходе чтения фактами. Уровень рефлексии средств, которыми автор излагает информацию, а также уровень побуждения, на котором студенты могут ответить на вопрос «зачем?» и в итоге провести верную интерпретацию учебного текста, оказались наиболее сложными для нашей группы.

Эксперимент позволил выявить два круга проблем, с которыми сталкивается студент-первокурсник медицинского вуза при чтении учебного научного текста: проблемы извлечения информации и проблемы представления извлеченной информации на вербальном уровне. Проблемы извлечения информации из текста непосредственно влияют на результаты обучения в рамках соответствующей дисциплины и могут быть компенсированы путем направления внимания студентов на соответствующие аспекты учебного текста. Проблемы представления извлеченной информации на вербальном уровне подлежат корректировке в рамках иных учебных дисциплин, обеспечивающих метапредметный характер в обучении.

Данные, полученные в ходе эксперимента, имеют, как и в предыдущих наших исследованиях, прежде всего, прикладное значение. Однако прежде (в наших работах 2010-2018 гг.) нас приоритетно интересовало следующее: оценка речевых трудностей, связанных с пониманием текста, стратегии извлечения информации из текста, определение готовности студента 1 курса к учебе в современных условиях, при которых почти 100% информации передается, обрабатывается и усваивается на основе учебных научных текстов [Базылев 2015; Базылев, Красильникова 2018].

Сегодня нас в большей мере интересует ответ на вопросы иного плана, а именно: можно ли оценивать воздействие речевых трудностей, связанных с пониманием текста, на успешность (неуспешность) обучения студентов 1 курса; можно ли (целесообразно ли) осуществлять контроль над эффективностью обучения по той или иной дисциплине, ориентированной, главным образом, на извлечение информации из текста; можно ли на основе информации о читательских стратегиях осуществлять прогностическую функцию успешности обучения (обучаемости) в целом. Всё перечисленное – это перспективное направление исследований.

Заключение

Какими бы интересными и информативными ни были результаты приведенного выше эксперимента, они не имеют сегодня особого значения без прагматического

¹ Авторы ограничиваются в настоящей публикации только представлением выводов, так как подробное описание эксперимента и его обсуждение выходит за рамки тематики статьи, посвященной памяти Ю.А. Сорокина.

выхода. Таковым нам перспективно видится необходимость и возможность уточнения учебного минимума профильных дисциплин, так как одна из трудностей в обучении связана именно с текстовыми особенностями оформления предъявляемой студенту информации. Необходимость обновления информационно-методического обеспечения учебного процесса, важной частью которого являются учебники, становится очевидной. Однако место вузовского учебника нового поколения в учебном процессе, дидактические обоснования построения его структуры и рационализации его содержания, – все это возможно лишь на основе объективных данных о когнитивных стратегиях, которыми характеризуется поколение студентов-миллениалов при обращении к научному учебному тексту в ходе вузовского обучения.

Здесь мы снова возвращаемся к не до конца востребованному потенциалу идей Ю.А. Сорокина [Сорокин 1995: 22–25], разработавшего серию экспериментов, выявляющих специфические сигналы ценностных ориентаций взаимодействия читателя и текста.

© Базылев В.Н., Красильникова В.Г., 2021

Литература

- Антропологический форум. 2009. № 11. С. 17–132.
- Базылев В.Н.* Коммуникативный смысл текста и его понимание // Современная коммуникативистика. 2015. Том 4. Вып. 5. С. 31–39.
- Базылев В.Н., Красильникова В.Г.* От учебной интерпретации читаемого отрывка – к пониманию всего текста // Вопросы психолингвистики. 2018. № 3 (37). С. 8–21.
- Балашова Е.В.* Психология чтения: проблемы и аспекты рассмотрения // Вестник АлтГТУ им. И.И. Ползунова. 2006. №1. С. 69–71.
- Беляева Л.И.* К вопросу о типологии читателей // Проблемы социологии и психологии чтения. М.: Книга, 1975. С. 143–161.
- Белянин В.П.* Введение в психиатрическое литературоведение. München: Verlag Otto Sagner, 1996. 284 с.
- Добренко Е.А.* Формовка советского читателя. СПб.: Гуманитарное. агентство «Академический проект», 1997. 320 с.
- Зайцева О.Н.* Рабочая тетрадь по русскому языку. Задания на понимание текста. М.: Изд-во «Экзамен», 2013. 127 с.
- Карташов Н.С.* О научных основах руководства чтением // Библиотеки СССР: Опыт работы. М.: Книга, 1964. С. 39–45.
- Концепция Национальной программы «Чтение»: [Принята 7 сентября 2001 года Всероссийским конгрессом в поддержку чтения] // Чтение. Общество. Государство: Материалы к Всероссийского совещания «Регионы России: читающие дети – читающая нация». М.: [б.и.], 2002. С. 14–17.
- Красных В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность. М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.
- Лихачев Д.С.* Письма о добром. М.: Наука, 2006. 322 с.
- Психология чтения и проблемы типологии читателей: Сборник научных трудов. Ленинград: Ленинградский институт культуры им. Н.К. Крупской, 1984. 170 с.
- Сорокин Ю.А.* Психолингвистические аспекты изучения текста. М.: Наука, 1985. 168 с.
- Сорокин Ю.А.* Библиопсихологическая теория Н.А. Рубакина и смежные науки (к постановке вопроса) // Книга: исследования и материалы. М.: Наука, 1968. С. 55–68.

Сорокин Ю.А. Книга как семантический объект // Психолингвистические проблемы общения и обучения языку / под ред. А.А. Леонтьева. М.: [б. и.], 1976. С.140–146.

Сорокин Ю.А. Почему живут и умирают книги. М.: Педагогика, 1991. 114 с.

Сорокин Ю.А. Смысловое восприятие текста и библиопсихология (на материале восприятия текста научно-популярной литературы): автореф. дис... канд. филол. наук. Москва, 1973. 22 с.

Сорокин Ю.А., Белянин В.П. Значение анхистонимов в оценке художественного текста (экспериментальное исследование) // Знаковые проблемы письменной коммуникации: Межвуз. сб. научн. тр. / под ред. О.Д. Кузьменко-Наумовой. Куйбышев: Куйбышевский ГПИ, 1995. С. 22–30.

Тугов Ю.М. Психолого-педагогические основы классификации читателей // Советское библиотековедение. 1980. №4. С. 53–54.

Хомякова И.Г. Теоретико-методологические проблемы библиографии в трудах Н.А. Рубакина. М.: Изд-во МГУК, 1996. 219 с.

Чебышев Н.В., Гринева Г.Г., Козарь М.В., Гуленков С.И. Биология: учебник для студентов медицинских ВУЗов. М.: ВУНМЦ, 2000. 529 с.

Чтение в современном мире: опыт прошлого, взгляд в будущее: Тезисы 1-го общенационального конгресса по чтению. М.: Школа рационального чтения, 1992. 54 с.

Шановал С.А. Понимание текстов как результат решения учебных филологических задач: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2006. 24 с.

Шаховский В.И. Заповеди профессора Ю.А. Сорокина (памяти лингвиста) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 2 (46). С. 206–207.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 31.05.2021

Дата принятия к печати: 23.06.2021

Сведения об авторах:

Базылев Владимир Николаевич – доктор филол. наук, профессор, НИУ «Высшая школа экономики»

Контактная информация:

105006, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8952-9485>

e-mail: v-bazylev@inbox.ru

Красильникова Варвара Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент, 1 МГМУ им. И.М. Сеченова

Контактная информация:

119048, Москва, ул. Трубецкая, д.8

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0221-8604>

e-mail: iggdrassill@mail.ru

Для цитирования:

Базылев В.Н., Красильникова В.Г. Чтение – дело весьма увлекательное или о продолжении исследований Ю.А. Сорокина // Вопросы психолингвистики №2(48) 2021, С. 20–37, doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-20-37

UDC 159.9

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-20-37

Research article

READING IS A VERY FASCINATING BUSINESS, OR A CONTINUATION OF THE RESEARCH OF YU. A. SOROKIN

Vladimir N. Bazylev

Higher School of Economics, National Research University, Moscow, Russia

Varvara G. Krasilnikova

Sechenov University, Moscow, Russia

Abstract

The article is devoted to the memory of Professor Yu. A. Sorokin, his research on the problems of reading in the context of the development of Russian psycholinguistics at the turn of the XX-XXI centuries. The article deals with the problem of the mechanism of continuity of scientific ideas in modern Russian society and the need to update the works devoted to the study of the book as a semantic object, bibliopsychology, and the actual psycholinguistic aspects of the study of the text. The article discusses strategically important directions in the study of reading as a type of speech activity in relation to the generation of millennial students: identifying the real state of affairs with the understanding of the text by generation Z students, studying the psychology of interaction between the student-addressee of the educational scientific text and the author of the textbook; embedding the techniques of understanding the text in university textbooks. The conclusions of the author's experimental research are presented: comprehension of the educational scientific text by first-year medical students. Prospective research tasks are formulated: the possibility of assessment of the impact of speech difficulties associated with understanding the text on the success (failure) of teaching students of the 1st year; the advisability of monitoring of the effectiveness of teaching of a particular subject, focused mainly on extracting information from the text; the possibility of performing a predictive function of learning success (learning ability) in general on the basis of information about reading strategies.

Keywords: psychology of reading, typology of readers, understanding of the text, sociology of science, personality – Yu.A. Sorokin

References

Balashova, E.V. (2006) *Psihologija chtenija: problemy i aspekty rassmotrenija* [Psychology of reading: problems and aspects of consideration]. *Vestnik AltGTU im. I.I. Polzunova*. (1), 69–71. (in Russian).

Bazylev, V.N. (2015) *Kommunikativnyj smysl teksta i ego ponimanie* [The communicative meaning of the text and its understanding]. *Sovremennaja kommunikativistika*. 4 (5), 31–39. (in Russian).

Bazylev, V.N., Krasil'nikova, V.G. (2018) *Ot uchebnoj interpretacii chitaemogo otryvka – k ponimaniju vsego teksta* [From the educational interpretation of the passage to the understanding of the entire text]. *Journal of Psycholinguistics*. 3 (37), 8–21. (in Russian).

Beljaeva, L.I. (1975) *K voprosu o tipologii chitatelej* [To the question of the typology of readers]. In: *Problemy sociologii i psihologii chtenija* [Problems of sociology and psychology of reading.]. Moscow, Kniga publ., pp. 143–161. (in Russian).

Beljanin, V.P. (1996) *Vvedenie v psichiatricheskoe literaturovedenie* [Introduction to Psychiatric Literature]. München, Verlag Otto Sagner, 1996. 284 p. (in Russian).

Dobrenko, E.A. (1997) *Formovka sovetskogo chitatelja* [Shaping the Soviet Reader]. Saint Petersburg, Gumanitarnoe agentstvo «Akademicheskijproekt». 320 p. (In Russian).

Forum for Anthropology and Culture (2009). (11), 17–132. (in Russian).

Zajceva, O.N. (2013) *Rabochaja tetrad' po russkomu jazyku. Zadanija na ponimanie teksta* [Workbook on the Russian language. Tasks for understanding the text]. Moscow, Jekzamen publ. 127 p. (in Russian).

Kartashov, N.S. (1964) *O nauchnyh osnovah rukovodstva chteniem* [On the scientific foundations of reading guidance]. In: *Biblioteki SSSR: Opyt raboty* [Libraries of the USSR: Work experience.]. Moscow, Kniga publ., pp. 39–45. (in Russian).

Koncepcija Nacional'noj programmy «Chtenie»: Prinjata 7 sentjabrja 2001 goda Vserossijskim kongressom v podderzhku chtenija [The concept of the National Program “Reading”: [Adopted on September 7, 2001 by the All-Russian Congress in Support of Reading] (2002). In: *Chtenie. Obshhestvo. Gosudarstvo: Materialy Vserossijskogo soveshhanija «Regiony Rossii: chitajushhie deti – chitajushhaja nacija»* [Reading. Society. State: Materials for the All-Russian conference “Regions of Russia: reading children are a reading nation”]. Moscow, pp. 14–17. (in Russian).

Krasnyh, V.V. (1998) *Virtual'naja real'nost' ili real'naja virtual'nost'* [Virtual reality or real virtuality]. Moscow, Dialog-MGU publ. 352 p. (In Russian).

Lihachev, D.S. (2006) *Pis'ma o dobrom* [Letters about the good]. Moscow, Nauka publ. 322 p. (in Russian).

Psichologija chtenija i problemy tipologii chitatelej [Psychology of reading and problems of typology of readers]: Collection of scientific works (1984). Leningrad, Leningradskij institut kul'tury im. N.K. Krupskoj. 170 p. (in Russian).

Sorokin, Ju. A. (1985) *Psicholingvističeskie aspekty izučeniija teksta* [Psycholinguistic aspects of text study]. Moscow, Nauka. 168 p. (in Russian).

Sorokin, Ju.A. (1968) *Bibliopsichologičeskaja teorija N.A. Rubakina i smezhnye nauki (k postanovke voprosa)* [Bibliopsychological theory of N. A. Rubakin and related sciences]. In: *Kniga: issledovanija i materialy* [Book: research and materials]. Moscow, Nauka. pp. 55–68. (in Russian).

Sorokin, Ju.A. (1976) *Kniga kak semantičeskij ob'ekt* [Book as a semantic object]. In: Leont'ev, A.A. (ed.) *Psicholingvističeskie problemy obshhenija i obučeniija jazyku* [psycholinguistic problems of communication and language learning]. Moscow, pp. 140–146. (In Russian).

Sorokin, Ju.A. (1991) *Pochemu živut i umirajut knigi* [Why books live and die]. Moscow, Pedagogika publ. 114 p. (in Russian).

Sorokin, Ju.A. (1973) *Smyslovoe vosprijatie teksta i bibliopsichologija (na materiale vosprijatija teksta naučno-populjarnoj literatury)* [Semantic perception of the text and bibliopsychology (based on the material of perception of the text of popular science literature)]: dissertation abstract for the degree of candidate of philological sciences. Moscow. 22 p. (in Russian).

Sorokin, Ju.A., Beljanin, V.P. (1995) *Znachenie anhistonimov v ocenke hudožestvennogo teksta (jeksperimental'noe issledovanie)* [The significance of anchistonyms in the evaluation of a literary text (experimental study)]. In: Kuz'menko-Naumova, O.D. *Znakovyje problemy pis'mennoj kommunikacii* [Iconic problems of written communication]. Kujbyshev, Kujbyshevskij GPI, pp. 22–30. (in Russian).

Tugov, Ju.M. (1980) *Psihologo-pedagogicheskie osnovy klassifikacii chitatelej* [Psychological and pedagogical bases of classification of readers]. In: *Sovjetskoje Bibliotekovedenie* [Soviet Library Science]. (4). pp. 53–54. (in Russian).

Homjakova, I.G. (1996) *Teoretiko-metodologicheskie problemy bibliografii v trudah N.A. Rubakina* [Theoretical and methodological problems of bibliography in the works of N. A. Rubakino]. Moscow, Izdatelstvo MGUK. 219 p. (in Russian).

Chtenie v sovremennom mire: opyt proshlogo, vzgljad v budushhee [Reading in the Modern World: the experience of the past, a look into the future] (1992): Theses of the 1st National Congress on Reading. Moscow, Shkola racional'nogo chtenija. 54 p. (in Russian).

Shapoval, S.A. (2006) *Ponimanie teksty kak rezul'tat reshenija uchebnyh filologicheskikh zadach* [Understanding texts as a result of solving educational philological problems]: dissertation abstract for the degree of candidate of philological sciences. Moscow. 24 p. (in Russian).

Shahovskij, V.I. (2010) *Zapovedi professora Ju.A. Sorokina (pamjati lingvista)* [The commandments of Professor Yu. A. Sorokin (in memory of the linguist)]. *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2 (46), 206–207. (in Russian).

© Bazylev V.N., Krasilnikova V.G., 2021

Article history:

Received: 31.05.2021

Accepted: 23.06.2021

Bionotes:

Vladimir N. Bazylev – Doctor of Philology, Full professor, Higher School of Economics, National Research University

Contact information:

115054, Moscow 21/4 Staraya Basmannaya Str.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8952-9485>

e-mail: v-bazylev@inbox.ru

Varvara G. Krasilnikova – Cand. Sc. Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Sechenov University

Contact information:

119991, Moscow 8-2 Trubetskaya Str.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0221-8604>

e-mail: iggdrassill@mail.ru

For citation:

Bazylev, V.N., Krasilnikova, V.G. (2021) Reading is a very fascinating business, or a continuation of the research of Yu.A. Sorokin. *Journal of Psycholinguistics*. 2 (48), pp. 20–37. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-20-37 (in Russian)

УДК 81.119

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-38-47

Научная статья

О ГИБРИДНОМ ОБЪЕКТЕ В ЛИНГВИСТИКЕ В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ ЮРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА СОРОКИНА

Боронин Александр Анатольевич

Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, Московский государственный областной университет, Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые аспекты, связанные с изучением гибридного объекта в лингвистике. Показана связь проблемы лингвистического исследования гибридного объекта с теоретическими установками, представленными в работах известного советского и российского психолингвиста Юрия Александровича Сорокина. Публикация посвящена 85-летию со дня рождения ученого.

Ключевые слова: психолингвистика, научное наследие, Ю.А. Сорокин, гибридный объект исследования, лакунология

Трагическая сложность нашего бытия заключается в мучительной трудности совмещения двух состояний: открытости миру и его осмысления-в-переживании внутри самого себя.

Глеб Арсеньев

Ю.А. Сорокин был мастером коротких медитативных заметок, которые он называл маргиналиями и публиковал под псевдонимом *Глеб Арсеньев*. Как оказалось, выбранный им жанр – весьма современен, поскольку динамизм современной коммуникации обусловлен в числе всех прочих факторов и циркуляцией небольших по объему текстов. В своих маргиналиях Ю.А. Сорокин, словно мастер каллиграфии или китайский пиит¹, в неспешно-созерцательной манере вырисовывает смыслы (неслучайно свою следующую книгу маргиналий Юрий Александрович планировал назвать «Вслед за кистью: записки зеваки и ротозея», но этому замыслу так и не суждено было воплотиться в жизнь), усмотрение которых дает ключ к пониманию его идей, высказанных уже в собственно научных сочинениях лингвиста. Свои маргиналии Юрий Александрович публиковал вкуче с самобытным верлибром, метисирующим оба компонента социологической дихотомии «Восток – Запад» [Арсеньев 2003: 3–128, Арсеньев 2008: 3–102]. Еще при жизни Ю.А. Сорокина единицы его творческого опыта

¹ Емко и глубоко Юрий Александрович охарактеризовал существо китайской поэзии, которая «не уподобляет человека природе и природу человеку, она внеантропоморфна, ищет за видимым тленным миром невидимый нетленный мир, не перевоссоздает людей и вещи, а старается следовать их самости, любит быт и в то же время отрицает его, внимательна к мелочам жизни и равнодушна к ним, старается остановить мгновение, чтобы поймать вечность, благосклонна к своей памяти о прошлом, видя в нем источник своей энергии, уверена в единстве и взаимосвязи тварного и духовного, живого и мертвого, явного и тайного» [Бесконечное волшебство... 2008: 6].

получили нетривиальное счисление в рамках психогерменевтики с применением операционально-инструментального метода [Батов 2008].

Ценные замечания частного и общего характера щедро рассыпаны в многочисленных научных публикациях Ю.А. Сорокина. Мне посчастливилось совпасть с Юрием Александровичем в отношении когнитивно-эмотивных (одно из любимых его определений) топосов, благодаря чему стало возможным мое знакомство с большинством из опубликованных его работ. Подробное рассмотрение многосложной теоретической канвы научного наследия Ю.А. Сорокина еще ждет отдельного монографического исследования, подобного тому, которое было проведено в отношении его художественного творчества. В рамках этой статьи я бы хотел выделить лишь одну содержательную доминанту научных исканий лингвиста, которая, несомненно, повлияла на мой собственный исследовательский путь в лингвистике.

Итак, кардинальной особенностью, проистекающей из принадлежности ученого к Московской психолингвистической школе, является живой интерес к *гибридному объекту исследования*. Последний наиболее абстрактно можно понимать как нечто, для изучения которого необходимо обращаться к массиву фактологических и методологических знаний, накопленных в разных научных отраслях, равно как и к логически неформализуемым представлениям о познаваемом объекте, которые существуют «в виде неявного знания либо в виде непрестанно развивающегося научно обоснованного незнания» [Базылев 2011: 55–56]. Немаловажно различать гибридный объект исследования, апеллирующий к междисциплинарности, и гибридные формы языковых (полукальки, смешанные языки [Ахманова 1966: 94, 532]) и речевых явлений.

Многочисленны и разнообразны случаи функционирования гибридных речевых явлений. Приведем лишь несколько ономастических примеров. Советские партийные и государственные деятели обращались к Президенту ЧССР Г. Гусаку как «Густав *Никодимович*», при том что использование отчества для западных славян совсем нехарактерно [Боронин, Мотина 2018]: двусоставная конструкция личного имени, включающая патроним, неестественна и чужеродна для западнославянской и значительной части южнославянской речевой традиции [Заболотная 2016: 96]. Примечателен и такой пример ономастической гибридации: «Пабло Неруда, встречаясь с украинцами, просил называть себя *Павло* Нерудой, так глубоко уважал Тычину (выделено нами – А.Б.)². Оценочная компонента подобной гибридации имеет диаметрально иную направленность, нежели в следующем размещенном в социальной сети тексте-рефлексиве (автор: доктор филол. н., проф. А.К. Киклевич относительно использования неавтохтонных языковых единиц в качестве обращений, сохраняются орфография и пунктуация автора, курсив и подчеркивания мои – А.Б.): «Мои русскоязычные коллеги из славистической комиссии при МКС употребляют (в русской речи) существительные «пан» и «пани», когда говорят о поляках, например: «пан *Станислав*» или «пани *Ивона*». Мне это выражение всегда резало слух. В русском языке оно ассоциируется с «паном Муссяловичем» <...> – исключительно негативно. Использование слов «пан» и «пани» в русской речи странно потому, что есть их русские эквиваленты: «господин» и «госпожа», и следовало бы говорить «г-н Станислав» и «г-жа Ивона». В чешском и словацком языках также есть слова «pan» и «pani» с тем же значением, но почему-то к чешским и словацким коллегам выражения «пан» и «пани»

² Семяшкин Р. Чувство единой семьи // Правда, 04.02.2021 г.

не применяются. Неправильно было бы думать, что таким образом имитируется польский речевой этикет, потому что в польском речевом этикете о человеке с научной степенью или званием не говорится «пан Станислав» или «пани Ивона», а говорится «господин профессор» и «госпожа профессор». <...> русские выражения «пан Станислав» и «пани Ивона» (а также все другие того же типа) неправильные с точки зрения стилистики³.

Однако вернемся к вопросу о гибридном объекте. Новая теория гибридного объекта рождается в результате междисциплинарного переключения-сопряжения, трактуемого в духе Бруно Латура с его примером социотехнической сети, связующей «воедино небо, индустрию, тексты, души и нравственный закон» [Латур 2006: 64]. Ярким примером такой теории является теория языкового сознания, в русле которой исследуется оречевление с помощью знаков языка чувственных образов и объясняющих их образов сознания, а также речевосприятие, при котором под воздействием «тел» языковых единиц возникают образы языкового сознания [Тарасов 2016: 25].

Гибридные объекты исследования обеспечивают взаимодополнительность разных отраслей научного знания: так, психолингвистика и культурология изучают вербальное и невербальное (кинесико-проксемическое и орудийное) поведение этноса [Сорокин 2007: 3], а языковые и речевые аспекты гендера как гибридного объекта целесообразно изучать сквозь призму философии, культурологии, социолингвистики, психолингвистики, юриспруденции [Кирилина 2000: 141–142].

Гибридный объект нивелирует излишнюю эпистемологическую дискретность гуманитарных штудий, в пределе чреватую даже стагнацией научной отрасли под действием «императива имманентности» («лингвистики внутри себя»): в этом плане красноречиво название исследовательской группы «Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях кризиса языковой модели», а также характер вопросов, стоящих перед ее участниками, обусловленных экстралингвистической природой «личной психологической реальности естественного вербального процесса», комплексностью всех семиотических процессов, псевдоавтономностью знака, ограниченного монополизмом последнего в процессе смыслообразования и др. [Per linguam... 2019: 6–7]. Проблемные ракурсы, представленные в данной коллективной монографии, а также общие принципиальные положения (в естественной коммуникации порождаются и интерпретируются «комплексные коммуникативные (воз)действия», теория вербального процесса в перспективе своего разворачивания опирается на «акциональность, комплексность и коммуникативность любого семиотического воздействия» [Per linguam... 2019: 8]) свидетельствуют об актуальности тех вопросов, к исследованию которых обращался Ю.А. Сорокин. Так, представляется, что одним из фрагментов общей теории вербального процесса стала модель этноконфликта, предложенная Ю.А. Сорокиным [Сорокин 2007: 110–117], состоящая из онтологически равноценных ядерного и периферийного блоков.

Еще одним фрагментом названной теории можно считать доказанный и теоретически, и экспериментально тезис о существовании соматологической карты. Рассматривая ее семиотический статус, Ю.А. Сорокин приходит к выводу о метисированности соматологической карты, сопрягающей признаки иконы,

³ В этом примере для нас важен сам факт рефлексии по поводу *стилистических гибридов с именным компонентом*, а не оправданность либо неоправданность выраженных оценок.

индекса и символа [Романов, Сорокин 2004: 209]. Подчеркивая неоднородность соматологического образа в ходе сопоставления сложной семиотической теории Ч. Пирса с результатами психолингвистических экспериментов, ученый использует словосочетания «гибридный знак», «гибридизированный знак» и описывает онтологическую схему его актуализации [там же: 209, 212].

Свойства гибридного объекта непривычны и неожиданны, к ним зачастую неприменимы традиционные описательные категории, что создает определенные эвристические трудности. Весьма интересны в этом отношении парадоксальные замечания Ю.А. Сорокина по поводу поэтических текстов, которые свидетельствует о его отношении к ним именно как к гибриднему объекту: подлинные поэтические тексты не реализуются посредством концептуальных стереотипов, статистических закономерностей, классической метрики, информационной избыточности или недостаточности, но являются читателю через максимальную полифонию голосов и «эгоцентрических образов», внетелесную телесность, ноэватический / оценочный ритм, психотип текстопреобразователя [Сорокин 2009: 12, 14, 15, 17, 62, 65, 135]. Парадоксальность приведенных замечаний – кажущаяся, она коренится лишь в их непривычности, хотя эти замечания имеют веские сублогические основания: даже при интерпретации текстов масс-медиального дискурса, по убеждению ученого, следует дифференцированно пользоваться понятиями «натуральный факт» и «вербальный факт», разумея под первым семантически однозначную завершённую структуру, а под вторым – потенциальную / виртуальную и семантически незавершённую структуру, реализующую функцию самооценки [Сорокин 2009: 245]. Ю.А. Сорокин был одним из первых членов научно-исследовательской группы «Сублогический анализ языка», дерзнувшей преодолеть ограниченность рациональной доминанты в познании и обратившейся к феномену неосознаваемого, которое актуализируется в специфической форме недискурсивного мышления, соотносящегося с объектом познания [Базылев 2011: 4–5, 55]. В таком – сублогическом – ракурсе рассмотрения текст из традиционного объекта лингвистики трансформируется в гибридный объект, поскольку трактуется не как некая изолированная сущность, хотя и связанная с автором и читателем, а как сращенная с обоими антропоцентрами («*текст*автор» + «*читател*текст»)⁴ точка сборки семантических образований. Если рассматривать интерпретацию как сумму изолированных сущностей (1. автор текста + 2. текст + 3. реципиент текста), хотя и взаимодействующих между собой, то, как минимум, в снятом, замаскированном виде *volens nolens* постулируются субъект-объектные отношения, указывается на «перетекание» информации, обмен сведениями, что верно только в ретроспективе, поскольку отражает уже пройденную фазу в постижении феномена интерпретации. Можно полагать, что излишне прямолинейный «кибернетически» трактуемый информационный обмен несколько переоценивает роль квантов информации, в то время как было бы более продуктивным сконцентрироваться на дальнейшем уяснении «сути лакунизации / лакунарности, указывающей на факт частичных или полных сбоев/деструкций в процессе вербального и невербального общения» [Сорокин 2003: 3].

Эпистемологическое допущение лакунизированнойности как сущностного свойства вербального и невербального общения гипостазирует гибридный объект,

⁴ В значительной мере соотносящимися с моделями текстопорождения и моделями текстовосприятия, в «зеркальности» которых Ю.А. Сорокин сомневался [Сорокин 1988: 13].

совмещающий семантические неоднородности – полноценные знаки и лакуны. Последние суть сходные с эмблемой «выразительные, но не подлинные отдельности-знаки» дискурсивных практик, указывающие на совокупность символических ситуаций, связь с которыми в непосредственном коммуникативном контексте не является очевидной [Сорокин 2003: 9]. При этом следует уточнить, что нарушение связи с дискурсивными практиками не обязательно связано с неизбежными потерями смыслов в межкультурной коммуникации, оно может объясняться сменой исторических контекстов, социокультурной стратификацией и многими другими факторами, включая фактор субъекта интерпретирующей деятельности. Лакунизированность возникает в силу самой специфики интерпретации, которая, в отличие от категоризации, «относительна, характеризуется незавершенностью» и «оставляет ощущение недостаточности, недосказанности» [Иванов, Федулова 2019: 10].

Описанные Ю.А. Сорокиным теоретико-экспериментальные модели послужили одной из методологических предпосылок для создания мной в соавторстве с А.М. Сологубовым гибридного объекта под названием «ономастическая свита», которая трактуется нами как форма существования и трансляции психологического содержания в виде совокупности значений и смыслов имен как атрибута локального культурно-исторического пространства, сочетающейся с одновременным действием индивидов, при этом вербальный и деятельностный компоненты онтологически равнозначны⁵. Приведем пример недавно возникшей ономастической свиты, которая связана с названием «Сколково». В данном случае имеется совокупность географически локализованных онимов:

– родительский: *Сколково* (деревня в Одинцовском округе Московской обл.)

– производные онимы: представлены названиями десятков разнородных объектов (фонд, инноцентр, учебное заведение, железнодорожная станция, автодорога и транспортный узел, технопарк, интернет-портал, жилой комплекс, премия, приз, мероприятия, улица и т.д.): ул. *Сколковская*, детский технопарк «*Сколково*», этап Репид Гран-при России по шахматам «*Сколково-2019*», информпортал «*Сколково-медиа*», легкоатлетический забег на 2006 м «*Сколковская миля*» и проч.

Сложность гибридных объектов такова, что в отдельных случаях требуется долгосрочное исследование таких объектов, которое естественным образом приводит к созданию если не специализированной отрасли или научной школы, то хотя бы регулярных диалоговых площадок, дающих возможность обмена мнениями в рамках многосторонней научной дискуссии. Так, в течение ряда лет автор этих строк уделяет большое внимание изучению методологического концепта «граница», актуализирующегося в лингвистическом контексте. Исходя из содержания наших многочисленных работ по этой теме (приведем лишь некоторые: [Боронин 2014; Боронин 2017; Боронин, Мотина 2018; Боронин 2019а, Боронин 2019б]), можно заметить очевидную разномерность, гибридность объекта изучения, который допустимо трактовать в качестве «вершинной» имплицитной лингвистической сверхкатегории (она подчиняет себе даже такие глобальные категории, как «время» и «пространство»), очевидность которой доказывается в исследованиях по лингвистической лимологии. Специфика репрезентации понятия «граница» в разных языках также связана с

⁵ Планируется совместная публикация материалов, подводящих теоретические итоги исследования более 4 000 единиц Калининградского ономастикона, собранного к. филос. н. А.М. Сологубовым.

имплицитностью: так, слово «граница» практически не попадает в ядро лексики разных европейских языков (за исключением сербохорватского и финского), при этом основным концептом, который объединяет языки Европы, выступает “удар” [Кретов и др. 2016: 85, 261, 395]. Несмотря на его лексическую неявленность, это понятие маркируется различными дискурсивными способами. Кроме того, оно является системообразующим для языка. Граница предопределяет как формальную, так и содержательную дискретность функциональных элементов языка и речи – в первую очередь, именно свойство дискретности позволяет говорить о функциональных языковых либо речевых *единицах*, отграниченных друг от друга. Эти «единицы» вступают в отношения взаимодополнительности с изучаемыми лакунологией «нулями», образуя своеобразный универсальный двоичный коммуникативный код: процесс речевого общения можно помыслить как реализацию установки на дискретность и постоянный ее «сброс», отказ от дискретности за счет актуализации лакун. Именно в такой амбивалентности, кроется чрезвычайная эффективность речевого общения, причем разнообразные деструктемы и коммуникативные сбои лишь подчеркивают названное обстоятельство. Эту амбивалентность коммуникативных процессов Юрий Александрович Сорокин ощущал в полной мере, что определило неповторимость стиля его научных работ и самобытность его художественного творчества.

© **Боронин А.А., 2021**

Литература

- Арсеньев Г.* Стихи и маргиналии. М., Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2003. 233 с.
- Арсеньев Г.* Стихи и маргиналии II (от случая к случаю). М.: Советский писатель, 2008. 188 с.
- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов: ок. 7000 терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 607 с.
- Батов В.И.* Мой друг Глеб Арсеньев. Психогерменевтика словесного творчества. М.: Гнозис, 2008. 223 с.
- Базылев В.Н.* Предисловие // Сублогический анализ языка. Юбилейный сб. науч. тр. / Под ред. проф. В.Н. Базылева. М.: изд-во СГУ, 2011а. С. 4–8.
- Базылев В.Н.* Сублогическое моделирование языка. Программные тезисы к 10-летию юбилею работы научного коллектива // Сублогический анализ языка. Юбилейный сб. науч. тр. / Под ред. проф. В.Н. Базылева. М.: изд-во СГУ, 2011б. С. 51–57.
- Бесконечное волшебство: старокитайские стихи. Французские сюрреалисты / Переводческие версии Глеба Арсеньева.* М.: 2008. 103 с.
- Боронин А.А.* Когнитивное варьирование в лимологии текста // Когнитивные исследования языка. 2014. № 19. С. 503–511.
- Боронин А.А.* Возможна ли лингвистическая лимология дискурса? // Материалы Международной научной конференции «Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения, литературоведения, лексикографии, теории и практики обучения иностранным языкам (к юбилею Дж. Р.Р. Толкина)» (Москва, 20 апреля 2017 г.). М., 2017. С. 50–51.
- Боронин А.А.* Лингвистическая лимология: международная научная конференция, Москва, 27 октября 2018 г. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019а. № 1. С. 113–116.

Боронин А.А. Лингвистическая лимология: мини-компендиум // Материалы Международной научной конференции «Лингвистическая лимология» (Москва, 27 октября 2018 г.) / Отв. ред.: А.А. Боронин. М., 2019б. С. 29–35.

Боронин А.А., Мотина Н.А. Лингвистическая лимология // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2018. № 6. С. 29–35.

Заболотная С.А. Особенности передачи имен собственных при переводе русских художественных текстов на южнославянские и западнославянские языки: дисс. ... канд. филол. н. Воронеж, 2016. 268 с.

Иванов Н.В., Федулова М.Н. Фигура дискурса // Дискурс профессиональной коммуникации. 2019. № 1. С. 9–25.

Кирилина А. Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике (Философский и методологический аспекты) // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 138–143.

Кретов А.А., Воевудская О.М., Меркулова И.А., Титов В.Т. Единство Европы по данным лексики. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. 412 с.

Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Пер. с фр. Д.Я. Калугина; науч. ред. О.В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. 240 с.

Романов А.А., Сорокин Ю.А. Соматикон: аспекты невербальной семиотики. М.: ИЯ РАН, ТвГУ, 2004. 253 с.

Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста: автореф. дис. ... д-ра филол. н. М., 1988. 52 с.

Сорокин Ю.А. Лакуны: еще один ракурс рассмотрения // Лакуны в языке и речи: Сб. науч. тр. / Под ред. проф. Ю.А. Сорокина, проф. Г.В. Быковой. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. С. 3–11.

Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология (теоретические и экспериментальные фрагменты) / Науч. ред. А.И. Новиков. М.: Ин-т проблем риска, 2007. 120 с.

Сорокин Ю.А. Девять статей о поэтическом тексте. М.: Институт языкознания РАН, 2009а. 146 с.

Сорокин Ю.А. Статус факта (события) и оценки в текстах массовой коммуникации (дела минувшие, но актуальные) // Человек в зеркале языка. Вопросы теории и практики. Кн. 4. / Сб. статей, посвященных памяти чл.-корр. Петербургской АН И.А. Бодуэна де Куртенэ / Отв. ред. А.П. Юдакин. М., 2009б. С. 237–246.

Тарасов Е.Ф. Прологомены к теории языкового сознания // Вопросы психолингвистики. 2016. № 4 (22). С. 24–35.

Per linguam ad communicationem. Ключевые вопросы лингвистической теории в режиме дискуссии: коллективная монография / Под ред. А.В. Вдовиченко, Е.Ф. Тарасова, И.В. Журавлева. М.: Институт языкознания, 2019. 436 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 27.02.2021

Дата принятия к печати: 19.06.2021

Сведения об авторе:

Боронин Александр Анатольевич – доктор филол. наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка факультета романо-германских языков Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета.

Контактная информация:

141014, Россия, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1551-1765>

e-mail: inloco@inbox.ru

Для цитирования:

Боронин А.А. О гибридном объекте в лингвистике в контексте научного наследия Юрия Александровича Сорокина // Вопросы психолингвистики №2(48) 2021, С. 38–47, doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-38-47

UDC 81.119

Research article

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-38-47

**ON THE HYBRID LINGUISTIC RESEARCH OBJECT WITHIN
THE CONTEXT OF THE SCIENTIFIC HERITAGE OF YURI A. SOROKIN**

Aleksandr A. Boronin

Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State University,
Moscow, Russia

Abstract

The article considers some aspects of linguistic investigation of hybrid objects. Special attention is paid to the linguistic interpretation of hybrid objects within the context of methodological issues represented in the publications of the prominent Soviet and Russian psycholinguist Juri Aleksandrovich Sorokin. This publication is timed to coincide with the 85th anniversary of the birth of the scientist.

Keywords: psycholinguistics, scientific heritage, Yu.A. Sorokin, hybrid subject of research, lacunology

References

Ahmanova, O.S. (1966) *Slovar' lingvisticheskikh terminov: ok. 7000 terminov* [The dictionary of linguistic terms: about 7000 terms]. Moscow, Sovetskaja jenciklopedija publ., 607 p. (in Russian).

Arsen'ev, G. (2003) *Stihi i marginalii* [Poetry and Marginalia]. Moscow, Barnaul, Izdatelstvo Altaiskogo universiteta, 233 p. (in Russian).

Arsen'ev, G. (2008) *Stihi i marginalii II (ot sluchaja k sluchaju)* [Poetry and Marginalia II: Once in a blue moon]. Moscow, Sovetskij pisatel' publ., 188 p. (in Russian).

Arsen'ev, G. (2008) *Beskonechnoe volshebstvo: starokitajskie stihy. Francuzskie sjurrealisty* [Infinite enchantment: the old Chinese poetry. The French surrealists] / Perevodcheskie versii Gleba Arsen'eva. Moscow, 103 p. (in Russian).

Batov, V.I. (2008) *Moj drug Gleb Arsen'ev. Psihogermenevtika slovesnogo tvorcestva* [My friend Gleb Arsenjev: Psychohermeneutics of the written letter]. Moscow, Gnozis publ. 223 p. (in Russian).

Bazylev, V.N. (2011a) *Predislovie* [Preface]. In: Bazylev, V.N. (ed.) *Sublogicheskij analiz jazyka. Jubilejnyj sb. nauch. tr.* [Sublogic analysis of language. The jubilee collection of research papers]. Moscow, Izdatelstvo SGU. P. 4–8. (in Russian).

Bazylev, V.N. (2011b) *Sublogicheskoe modelirovanie jazyka. Programmnye tezisy k 10-letnemu jubileju raboty nauchnogo kollektiva* [Sublogic modelling of language: 10th anniversary of the research group] In: Bazylev, V.N. (ed.) *Sublogicheskij analiz jazyka. Jubilejnyj sb. nauch. tr.* [Sublogic analysis of language. The jubilee collection of research papers]. Moscow, Izdatelstvo SGU. pp. 51–57. (in Russian).

Boronin, A.A. (2014) *Kognitivnoe Var'irovanie v limologii teksta* [Cognitive Variation in Textual Limology]. *Cognitive Studies of Language*. (19), 503–511. (in Russian).

Boronin, A.A. (2017) *Vozmozhna li lingvisticheskaja limologija diskursa?* [Is it possible to speak about linguistic limology of discourse?]. In: *Actual problems of linguistics, translation studies, literary studies, lexicography, theory and practice of teaching foreign languages (for the anniversary of J.R.R. Tolkien): Proceedings of the international scientific conference, 20 April 2017*. Moscow, pp. 50–51. (in Russian).

Boronin, A.A., Motina, N.A. (2018) Lingvisticheskaja limologija [Linguistic limology]. In: *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*. (6), 29–35. (in Russian).

Boronin, A.A. (2019a) Lingvisticheskaja limologija: mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija, Moskva, 27 oktjabrja 2018 g. [Linguistic limology: International scientific conference. Moscow, 27 October 2018]. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*. (1), 113–116. (in Russian).

Boronin, A.A. (2019b) Lingvisticheskaja limologija: mini-kompendium [Linguistic limology: epitome]. In: Boronin, A.A. (ed.) *Linguistic Limology: Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, 27 October 2018)*. Moscow, pp. 29–35. (in Russian).

Ivanov N.V., Fedulova M.N. (2019) Figura diskursa [The Figure of Discourse]. *Professional Discourse & Communication*. (1), 9–25. (in Russian).

Kirilina A. (2000) Gendernye issledovanija v zarubezhnoj i rossijskoj lingvistike (Filosofskij i metodologicheskij aspekty) [Gender studies in foreign and Russian linguistics (philosophic and methodological aspects)]. *Social Sciences and Contemporary World*. (4), 138–143. (in Russian).

Kretov, A.A., Voevudskaja, O.M., Merkulova, I.A., Titov, V.T. (2016) *Edinstvo Evropy po dannym leksiki* [The Unity of Europe According to the Data of Lexis]. Voronezh, Izdatel'skij dom VGU. 412 p. (in Russian).

Latur, B. (1991) *Novogo Vremeni ne bylo. Jesse po simmetrichnoj antropologii* [We Have never been modern. The essays on symmetric anthropology]. Translated from French by Kalugina, D.Ja.; ed. by Harhordin, O.V. (2006) Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 240 p. (in Russian).

Romanov A.A., Sorokin Ju.A. (2004) *Somatikon: aspekty neverbal'noj semiotyki* [Somatikon: Aspects of Non-verbal Semiotics]. Moscow, IJa RAN, TvGU publ. 253 p. (in Russian).

Sorokin, Ju.A. (1988) *Psiholingvisticheskie aspekty izuchenija teksta: avtoref. dis. ... d-ra filol. n.* [Psycholinguistic Aspects of Studies of the Text: Extended Abstract of Doctoral Dissertation (Philological Sciences)]. Moscow, 52 p. (in Russian).

Sorokin, Ju.A. (2003) *Lakuny: eshhe odin rakurs rassmotrenija* [Lacunae: New Dimension]. In: Sorokin, Ju.A., Bykova, G.V. (eds.) *Lakuny v jazyke i rechi: Sb. nauch.*

tr. [Lacunas in Language and Speech: a Collection of Scientific Papers]. Blagoveshhensk, Izdatelstovo BGPU, pp. 3–11. (in Russian).

Sorokin, Ju.A. (2007) *Jetnicheskaja konfliktologija (teoreticheskie i jeksperimental'nye fragmenty)* [Ethnic conflictology (theoretical and experimental fragments)]. Moscow, Institut problem riska, 120 p. (in Russian).

Sorokin Ju.A. (2009a) *Devjat' statej o pojeticheskom tekste* [Nine Articles About Poetic Texts]. Moscow, Institut jazykoznanija RAN. 146 p. (in Russian).

Sorokin Ju.A. (2009b) Status fakta (sobytaja) i ocenki v tekstah massovoj kommunikacii (dela minuvshie, no aktual'nye) [The status of the fact (event) and evaluation in the texts of mass communication]. In: Judakin, A.P. (ed.) *Chelovek v zerkale jazyka. Voprosy teorii i praktiki. Kn. 4. / Sb. statej, posvjashhennyh pamjati chl.-korr. Peterburgskoj AN I.A. Bodujena de Kurtenje* [The man in the mirror of the tongue. Questions of theory and practice. Book. 4.: Collection of articles dedicated to the memory of Corresponding Member of Petersburg Academy of Sciences I.A. Baudouin de Courtenay]. Moscow, pp. 237–246. (in Russian).

Tarasov E.F. (2016) Prolegomeny k teorii jazykovogo soznaniya [Prolegomena to the theory of language consciousness]. *Journal of Psycholinguistics*. 4 (22), 24–35. (In Russian).

Vdovichenko, A.V., Tarasov, K.F., Zhuravlev, I.V. (eds.) (2019) *Per linguam ad communicationem. Kljuchevye voprosy lingvisticheskoy teorii v rezhime diskussii: kollektivnaja monografija* [Per Linguam ad Communicationem. The Discussion About Crucial Issues of Linguistic Theory: a Collective Monograph]. Moscow, Institut jazykoznanija publ., 436 p. (in Russian).

Zaboltnaja S.A. (2016) *Osobennosti peredachi imjon sobstvennyh pri perevode russkih hudozhestvennyh tekstov na juzhnoslavjanskije i zapadnoslavjanskije jazyki: diss kand. filol. n.* [The Specifics of Translation of Proper Names Used in Russian Fiction into South Slavic and West Slavic Languages]. Voronezh, 268 p. (in Russian).

© **Boronin A.A., 2021**

Article history:

Received: 27.02.2021

Accepted: 19.06.2021

Bionotes:

Aleksandr A. Boronin – Doctor of Philology, Associate professor, Professor in Moscow Region State University, Chair of the Department of Theory and Practice of English at the faculty of Romanic and Germanic Languages of the Institute of Linguistics and Intercultural Communication

Contact information:

141014, Russia, Moscow Region, Mytishchi, Vera Voloshina Str., 24,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1551-1765>

e-mail: inloco@inbox.ru

For citation:

Boronin, A.A. (2021) On the Hybrid Linguistic Research Object Within the Context of the Scientific Heritage of Yuri A. Sorokin. *Journal of Psycholinguistics*. 2 (48), pp. 38–47. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-38-47 (in Russian)

УДК 81.23 + 81.373.46

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-48-56

Научная статья

ГАРМОНИЯ НОН-КОНФОРМИЗМА: О ТЕРМИНОТВОРЧЕСТВЕ Ю.А. СОРОКИНА

Васильева Наталия Владимировна

Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются терминологические неологизмы Ю.А. Сорокина как отдельные лексические единицы и как единицы текста. Отмечается особое пристрастие Ю.А. Сорокина к терминотворчеству на базе греко-латинских словообразовательных морфем, к которому он относился творчески, вводя новые элементы и реинтерпретируя стандартные, в частности, путем создания новых коррелятивных пар. Выделяется одна из любимых терминологических моделей Ю.А. Сорокина – эмическая, позволяющая кратко обозначить категорезобразующие сущности. Отмечается, что Ю.А. Сорокин редко давал точные дефиниции своим терминологическим креатурам и не беспокоился об их общедоступности (принцип *sapienti sat*). Излагая мысли в форме постулатов, он использовал принцип *in medias res*, т.е. вводил в текст термин/термины без какой-либо экспозитивной подготовки. В статье делается вывод, что терминотворчество Ю.А. Сорокина, которое внешне выглядит как нон-конформистское, по сути является довольно гармоничным, для этого нужно лишь обратиться к текстам. Для Ю.А. Сорокина терминопорождающим жанром/типом текста является постулат и/или манифест, т.е. текст с установкой на концентрированность и суггестию. Отсюда следует бездефинитивный способ подачи термина и терминологическая амплификация, а в качестве когнитивных подсказок для адресата автором используются знакомые интернациональные терминологические элементы, коррелятивные терминологические пары и констелляты, парентетические вставки и графические средства.

Ключевые слова: Ю.А. Сорокин, терминологическое мышление, термины-неологизмы, реинтерпретация, терминологическая амплификация, постулат как тип текста

Кому-то я нужен?

Да, собственным мыслям

(Глеб Арсеньев. Маргиналии)

Тем, кто знал Юрия Александровича Сорокина (а для многих он был тогда просто Юра), известен был его особый дар придумывания терминов. Это были ни на что не похожие креатуры, буквально взрывавшие языковую материю: в них смешивались языки, исчезали границы слов и морфем. Это пугало, возмущало, вызывало критику. Но одновременно и фасцинировало какой-то неукротимой творческой мощью, «самовитостью» слова и терминологическим нон-конформизмом.

Прошло много лет, Ю.А. уже давно нет с нами. Осталась память о нем и его тексты. К текстам Ю.А. я и хочу обратиться, чтобы посмотреть внимательно не только на термины, но и на место их зарождения и среду обитания. Понятие «текст» неразрывно с личностью Ю.А. во многих аспектах. И это очень хорошо показал К.Я. Сигал, выбрав в своих воспоминаниях о Ю.А. образ сознания «человек как текст»: «И этот образ сознания провоцирует осуществить конверсию и построить свои воспоминания о человеке так, как если бы (модус фиктивности!) он был текстом. Конечно, этот образ вовсе не нов (ведь в наши дни с текстом отождествляют, в общем-то, все что угодно), но для воспоминаний о Ю.А. Сорокине он становится ключевым и неотвратимым, поскольку Юрий Александрович в своем научном и поэтическом творчестве (в последнем случае как Глеб Арсеньев) проживал утверждение «Человек есть текст», если так можно сказать, до самой онтологической границы этого утверждения» [Сигал 2016: 22]. В моей попытке анализа терминотворчества Ю.А. я буду не только ориентироваться на этот образ сознания, но и обращусь непосредственно к текстам Ю.А. Сорокина.

Это будет попытка некоторого объективного взгляда, хотя совсем отрешиться от образа Ю.А. будет сложно: слишком яркой была его личность во всех проявлениях, особенно в живой коммуникации. Общения с ним забыть нельзя. В начале 1980-х, когда я стала работать в Институте языкознания, я часто становилась свидетелем терминологических озарений Ю.А. Во мне он нашел помощницу для своих терминодействий, поскольку я писала диссертацию по терминологии, а именно по греко-латинским терминоэлементам, и тут уже никак нельзя было отвертеться от требований выдать ему нужный греческий или латинский корень – здесь и сейчас. Потому что если он находился в состоянии терминологической инвенции, то никакое нытьё, что, мол, надо еще проверить, посмотреть в словаре Дворецкого, не помогало. То, что потом происходило с этим корнем в системе Ю.А., поначалу повергало меня в настоящий шок, поскольку в то время в вопросах терминообразования я придерживалась строгих взглядов Д.С. Лотге, Э. Вюстера и других отцов классического, «правильного» терминоведения. Как в этой парадигме можно было относиться к сорокинским *культурокинезу, снолектам, айсивике, хомоландшафту?*

Теперь, по прошествии многих лет, я смотрю на терминотворчество иначе. Да и сама наука о термине претерпела за это время изменения. Классическое структурное терминоведение стало одним из этапов развития этой дисциплины, уступив место взглядам на термин сквозь призму его создателя – языковой личности. В настоящее время никто не станет возражать, что «научный дискурс, в том числе лингвистический, является продуктом лингвокреативной деятельности говорящего и несет на себе “печать” индивидуальности его автора как языковой личности» [Новодранова 2010: 442]. И пример Ю.А. Сорокина в данном случае является особенно ярким.

Взгляд на терминологию через категорию языковой личности позволяет, на мой взгляд, говорить и о терминологическом мышлении, которое присуще данной личности и отражается (овнешняется) в ее терминотворческой деятельности [Васильева 2015]. Известны и привычны сочетания слова *мышление* с прилагательным, производным от названия науки. Герман Вейль, автор книги «Математическое мышление», писал: «Влекомое глубочайшим внутренним светом, оно (мышление. – Н.В.) не сводится к набору механически применяемых правил и не может быть разделено

водонепроницаемыми переборками на такие отсеки, как мышление историческое, философское, математическое и другое» [Вейль 1989: 6]. Терминологическое мышление присуще представителям всех наук, поэтому в самом общем виде его можно определить как когнитивную деятельность, обеспечивающую процесс терминовтвора. Лингвисту доступен для наблюдения результат этого процесса – термин, по которому можно судить о вкусах и пристрастиях его создателя. Кроме того, терминологическое мышление отражается в так называемых (микро)текстах-рефлексивах – для терминологии это указание на этимологию термина или на любую другую информацию о мотивированности, исходящую от создателя термина. Терминологическое мышление Ю.А. я бы назвала радикально-креативным, не вкладывая в это определение оценочного смысла, а характеризуя его нон-конформистскую суть. Радикальная креативность терминологического мышления Ю.А. получает отражение, во-первых, в структуре термина, и во-вторых, в способах введения термина в текст.

В структурном плане Ю.А. предпочитал термины из интернациональных терминологических элементов. Однако этот традиционный для языка науки способ терминовтвора в терминологической мастерской Ю.А. выглядит нестандартно. Сразу бросается в глаза большая свобода в обращении с интернациональными морфемами, которые комбинируются – подчас совсем не в каноническом виде – с русскими и/или давно освоенными русским языком корнями и словами, а также с английскими словами (фрагментами слов). Например, *культурокинез, снолекты, гармонема, мелиоценки, ресивика, имажетика, стоп-культурон* [Сорокин 1994]; *мезотемпературный, айсивика, хомоландшафт* [Сорокин 2010]; *креатема, хомотоп, автообраз, хроносон/таймикон* [Сорокин 2004] и др. Можно, наверное, обозначить этот стиль терминовтвора как **фьюжн**, имея в виду не только «сочетаемость несочетаемого», но и выражение этим способом целостной идеи и гармонии. Из различных моделей терминовтвора на базе терминологических элементов Ю.А. особенно выделял некоторые. Прежде всего, это эмическая модель, которая уже давно в лингвистике вышла за пределы обозначения инварианта, а стала служить названием концептуально опорных (категориеобразующих) сущностей. Ср. у Ю.А. Сорокина: *креатема* и *дифференцема, конфликтема* и *гармонема* (как единицы конфликтологии), *психологосема, пассиорема, соматологическая аксиологема* и др. Эта модель позволяет походить на агглютинацию способом нанизывать элементы и создавать весьма протяженные единицы, ср. *(этнопсихо)бихевиолектема, палеоэтнопсихолингвема* и др. Как правило, эмические термины у Ю.А. парные, и антонимичность этих терминов вполне отражает антиномический способ мышления их создателя, а также стремление выделить и обозначить категориальную сущность внутри того поля знаний, которое попало в поле его интереса. Я не берусь сейчас точно утверждать, но мне кажется, что популярную ныне *культурему* придумал Сорокин. Я помню это его выражение: *Культура как мозаика культурем...*

Назову еще одну терминологическую модель, которую Ю.А. использовал с удовольствием. Это модель на *-он*. Термины, созданные по данной модели, стандартно означают как некоторую элементарную единицу языка (такое значение заимствовано из физической терминологии, ср. *фонон, морфон* в терминологии С. Лэма), так и совокупность (набор) единиц, характеризующихся первым компонентом термина (ср. *лексикон*). В терминологическом мире Сорокина не все единицы на

–он ограничиваются только такими значениями. С уверенностью можно назвать *культурон* и *стоп-культурон* как базовые единицы культурогенетики [Сорокин 1994: 73]. Что же касается терминов *соматикон*, *аксиологикон*, *аффектикон*, то они несут в себе еще дополнительные смыслы: это не только обозначенные первым компонентом условные «лексиконы», но и некоторые «переключатели», направляющие внимание носителей языка на соответствующие сферы/области [Сорокин 2004: 13]. Таким образом, стандартное значение терминологической модели «осложнилось» дополнительным значением и тем самым трансформировалось. Приведу еще один пример такой трансформации в терминотворчестве Ю.А. В современной научной терминологии сложились привычные оппозиции термиозлементов, с помощью которых образуются пары коррелятивных терминов, ср. *эндо-* vs. *экзо-*, *макро-* vs. *микро-*, *гипер-* vs. *гипо-* и пр. В текстах Ю.А. Сорокина мы находим и сложившийся стандарт, ср. *эндорефлективный* vs. *экзорефлективный*, и собственные, авторские, корреляции термиозлементов. Такой, например, является оппозиция термиозлементов *идио-* и *изо-* в терминах *идиокультура* и *изокультура*, *идиозтнос* и *изоэтнос*, *этническое идио-* и *изосознание* [Сорокин 1994: 16]. Толчком к созданию такого коррелятивного ряда послужил вполне прозрачный лингвистический термин *идиоглосса*, который автор в своем ментальном пространстве сопоставил с термином *изоглосса*, ср. «...идиоглосса – некоторый локус, характеризующийся своеобразным (специфическим) языковым (речевым) состоянием (ср. с изоглоссой)» [Сорокин 1994: 15]. От этого сопоставления двух терминов, особо не объясняемого, не эксплицированного, родилась корреляция *идио-* vs. *изо-* уже с другими значениями, а именно ‘негомогенность vs. гомогенность’, ‘вариантное vs. инвариантное’. Отследить такую метаморфозу в значениях помог текст. Далее перейдем к тексту как среде, в которой рождаются термины.

Особенность обращения Ю.А. с терминами на этапе их введения в текст особенно ярко выступает при сравнении с общеупотребительным, традиционным способом ввода нового термина. Как правило, это два основных способа, которые можно условно назвать анафорическим и катафорическим, имея в виду линейное расположение термина и его толкования (назовем последнее **экспликативным конвоем**). В первом случае экспликативный конвой (это может быть как дефиниция, так и любое другое объяснение) выполняет роль антецедента, предваряя сам термин. Пример анафорического способа: «Нормальную преемственную смену во времени форм живого, связанных генетически, можно обозначить именем **биогенеза**, а наука, занимающаяся изучением форм этих изменений, может быть названа **биогенетикой**» [Малецкий 2009: 825]. В тексте сначала появляется формулировка определения понятия, потом вводится сам термин *биогенез*. По такой же модели дальше вводится термин *биогенетика*.

Пример катафорического ввода (термин предшествует экспликации) приведу из собственного текста, в котором обсуждается личная сфера говорящего и вводится термин *ономастическая контрабанда*: «Употребление неофициальных имен в кругу близких людей (или в замкнутых культурных и/или конфессиональных сообществах) вполне прагматически обосновано. Однако существуют ситуации, которые можно обозначить как **ономастическая контрабанда**: это “протаскивание” имени в свою личную сферу, когда на то у говорящего нет никаких официальных прав. Таким является

употребление говорящим “домашних” имен людей, кругу которых он не принадлежит (ср. *Готя, Кома*)» [Васильева 2021: 176 – 177].

Экспликативным конвоєм для термина в тексте может также стать этимология термина и/или терминологического элемента и вообще любая информация, которая направлена на достижение понимания термина адресатом. Как вводятся термины в текстах Ю.А. Сорокина? Можно ли в текстах найти объяснение для их необычности/непривычности, а также эти термины дешифровать? Я думаю, что – при соответствующей установке – можно. Выдернутые из контекста, термины Ю.А. действительно кажутся странными и вычурными. Однако если мы станем смотреть на них как на единицы текста, которые окружены другими единицами, которые взаимодействуют с ними на синтаксическом уровне, то большая часть недоразумений, связанных с не(до)пониманием терминов, рассеется. И, безусловно, большое значение имеет тип/жанр текста. Ю.А. Сорокин свои научные концепции предпочитал излагать в форме постулатов. Так построен его труд «Этническая конфликтология» [Сорокин 1994]; в работе [Сорокин 2003] слово *постулат* вынесено в заглавие. Постулат как тип/жанр текста требует максимально концентрированного способа изложения. Кроме того, интенционально такой текст связан с суггестией, и для достижения желаемого эффекта текст должен быть свободен от избыточной информации, например, длинных дефиниций, объяснений этимологии термина и пр., поскольку восприятие адресата не должно отклоняться от магистральной линии мысли, которую важно донести автору. Задача понимания терминов должна решаться адресатом самостоятельно и быстро, и она на самом деле решается, несмотря на «трудные слова». Понимание текста обеспечивается способом его построения. Рассмотрим следующий фрагмент из «Этнической конфликтологии», в котором речь идет о понятиях, входящих в поле культуры (шрифтовые выделения автора. – *Н.В.*):

«Позволительно утверждать (см., например, статьи Мамардашвили, посвященные рассмотрению проблем культуры), что вышеупомянутые понятия не будут отторгаться культурософскими/семиософскими контекстами и окажутся в достаточной мере эвристическими. Возможно, таковыми окажутся понятия **культурогенетика** (основные базовые единицы – **культуроген**, **культурон** (по аналогии с кодоном) и **стоп-культурон** (сопоставьте это понятие с идеей о запрещенных сценариях-сюжетах)), **культуросома** и **культуроплазма** (как ядро и периферия культуры), **культурогенная эволюция**, в рамках которой следует, очевидно, различать **имажеттику/имажетивику**, ориентированную на изучение образов сознания, и **ресивику**, ориентированную на изучение тех же образов, не существующих опредмеченно (в вещах и поступках – в том числе и в текстовых поступках), **культурогенные карты** и **культуроемкие “технологии”**. В высшей мере эвристическими и полезными окажутся, на мой взгляд, и следующие понятия: **культуррокинез** (деление тела культуры), **культурогенная транскрипция** и **трансляция** (синтез пассиорем и бихевиолектем/семиолектем и приписывание им соответствующих когитивных (син- и палео-) маркеров) и **культурогенотип**» [Сорокин 1994: 73 – 74].

Фрагмент содержит 16 терминов, выделенных жирным шрифтом. Это довольно много для одного абзаца. Но именно такие терминологические гнезда характерны для письма Ю.А. С риторической точки зрения подобное нагнетание терминов можно назвать **терминологической амплификацией**. Амплификация как риторический

прием выполняет суггестивную функцию, и в данном случае эффект воздействия усиливается графическим образом текста: выделенные шрифтом термины сразу попадают в фокус восприятия. Далее вступает в действие пунктуационный знак – скобки. В этом фрагменте 9 парентетических вставных конструкций, при этом, три из них находятся внутри других вставных конструкций, так сказать, «скобки в скобках». Все эти конструкции выполняют различные информационно-смысловые функции, ср. [Гавриленко 2003], в том числе такие как 1) отсылка, 2) уточнение, 3) объяснение, 4) обращение к адресату, 5) дополнение, 6) разъяснение.

Ю.А. умело пользуется вставными конструкциями, достигая этим двуплановости текста. Вставные конструкции позволяют оставлять в основном тексте только самое необходимое – для Ю.А. это термины, а их нестандартные экспликации вынести во второй план – внутрь скобок. Внутри скобок, таким образом, попадают разнообразные подсказки для адресата, при этом некоторые из них – в режиме прямого диалога. Адресат не обделен вниманием терминотворца, но все же я бы сформулировала принцип интеракции «автор – адресат» как **sapienti sat**: Ю.А. не нянчится с читателем, ему нужен «пониматель» такого же уровня, он ведет свою линию жестко и непримиримо. С этим связан еще один принцип информационно-терминологической организации текстов Ю.А. – **in medias res**, т.е. термины вводятся сразу и, как правило, в виде констелляций или гнезд.

Завершая эти наблюдения над терминами Ю.А.Сорокина, я бы хотела вернуться к упомянутому в начале статьи образу сознания «человек как текст». У М.М. Бахтина в заметках о методологии гуманитарных наук мы находим мысль, что «автор–создающий не может быть создан в той сфере, в которой он сам является создателем. Это *natura naturans*, а не *natura naturata*. Творца мы видим только в его творении, но никак не вне его» [Бахтин 2008: 188]. Тот образ терминотворца, который создается в текстах–постулатах Ю.А., отличен от образа Ю.А. как автора очерков о переводе китайской поэзии или статей по стилистике художественного текста. И для обобщающей характеристики этого образа я обращаюсь к о. Павлу Флоренскому и его труду о термине, две цитаты из которого, как мне кажется, очень подходят к терминотворческим порывам Ю.А. и их нетривиальным результатам. Термин у Флоренского, с одной стороны, предстает как *остановка мысли*, ср.: «Такое название есть сжатая в одно слово, простое или сложное, формула изучаемой вещи и действительно служит остановкою мысли на некоторой вершине» [Флоренский 1989: 128]. С другой стороны, термин обнаруживает совсем другую сущность: «Недвижно стоящий перед мыслью, он на самом деле есть живое усилие мысли, наибольшее обнаружение ее напряженности» [Флоренский 1989а: 112]. Я думаю, что этот образ чрезвычайной напряженности мысли, а потом ее внезапного, стремительного «опрокидывания» в термин, лучше всего характеризует терминотворческую сторону личности Юрия Александровича Сорокина.

© Васильева Н.В., 2021

Литература

Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Развитие личности. 2008. № 4. С. 186–197.

Васильева Н.В. О терминологическом мышлении // Когнитивные исследования языка. Вып. XX: От когнитивной лингвистики к когнитивному терминоведению: Сб. науч. трудов / Отв. ред. вып. Л.А. Манерко. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2015. С. 185–192.

Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста Изд. 3-е. М.: URSS, 2021. 224 с.

Вейль Г. Математическое мышление: Пер. с англ. и нем. / Под ред. Б.В. Бирюкова и А.Н. Паршина. М.: Наука, 1989. 400 с.

Гавриленко И.И. Информационно-смысловые функции вставных конструкций в научном стиле речи (на материале русского языка) // Диалог: материалы конференции. Протвино, 2003. С. 186–189.

Малецкий С.И. Семантическая структура понятий «наследственность» и «эволюция» // Информационный вестник ВОГиС. 2009. Том 13 № 4. С. 820–851.

Новодранова В.Ф. Роль языковой личности в формировании научного текста // В пространстве языка и культуры: звук, знак, смысл: Сб. статей в честь 70-летия В.А. Виноградова. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 437–443.

Сигал К. Я. Человек как текст: вспоминая Ю. А. Сорокина // Вопросы психолингвистики. 2016. 3 (29). С. 22–25.

Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология: Теоретические и экспериментальные фрагменты. Самара: Русский лицей, 1994. 94 с.

Сорокин Ю. А. Евразийство и его постулаты: возможные коррективы // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 111–117.

Сорокин Ю.А. Хартленд и римленд: обсуждение двух соматических карт // Вестник ВГУ, Серия “Лингвистика и межкультурная коммуникация”. 2004. № 1. С. 1–16.

Сорокин Ю.А. Лингвокультурология, лакунология, соматология и их априорная взаимосвязь // Вопросы психолингвистики. 2010. № 11. С. 28–33.

Флоренский П.А. Термин // Вопросы языкознания. 1989. № 1. С. 121–133.

Флоренский П.А. Термин (окончание) // Вопросы языкознания. 1989а. № 3. С. 104–117.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 06.06.2021

Дата принятия к печати: 24.06.2021

Сведения об авторе:

Васильева Наталия Васильевна – доктор филол. наук, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, сектор прикладного языкознания

Контактная информация:

125009, Россия, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1.

ORCID: 0000-0002-8481-1438

e-mail: vasileva-natalia@yandex.ru

Для цитирования:

Васильева Н.В. Гармония нон-конформизма: о терминотворчестве Ю.А. Сорокина // Вопросы психолингвистики №2(48) 2021, С. 48–56, doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-48-56

UDC 81.23 + 81.373.46

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-48-56

Research article

HARMONY OF NON-CONFORMISM:
YU.A. SOROKIN AND HIS TERMINOLOGICAL CREATIVITY

Nataliya V. Vasil'eva

Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article discusses the terminological neologisms of Yu.A. Sorokin as both special lexical and text units. Yu.A. Sorokin had a peculiar predilection to creating terms based on the Greco-Latin derivational morphemes. He treated them creatively introducing new elements and reinterpreting the standard ones, for instance creating new correlative pairs. One of the favorite terminological models of Yu.A. Sorokin was emic which allows to briefly identify the category-forming entities. It is noted that, Yu.A. Sorokin rarely gave precise definitions to his terminological creations and did not worry about their general availability (the sapienti sat principle). Presenting thoughts in the form of postulates, he used the principle in medias res, i.e., he introduced a term / terms to the text without any expositional preparation. The article concludes that the term creation of Yu.A. Sorokin, that may be perceived as non-conformist at first, is quite harmonious in fact. To see that, one just needs to turn to the texts. Yu.A. Sorokin's term-generating genre / type of text is a postulate and / or a manifesto, i.e., a text with a focus on concentration and suggestion. Hence, there follows a non-definitive way of presenting a term and terminological amplification, with the author using familiar international terminology, correlative terminological pairs and constellates, parenthetical inserts and graphic tools as cognitive clues for the addressee.

Keywords: Yu.A. Sorokin, terminological thinking, neologism terms, reinterpretation, terminological amplification, postulate as a type of text

References

- Bakhtin, M.M. (2008) *K metodologii gumanitarnykh nauk* [Towards the methodology of the humanities]. *Razvitie lichnosti*. (4), pp. 186–197. (in Russian)
- Vasil'eva, N.V. (2015) O terminologicheskom myshlenii [About terminological thinking]. In: Manerko, L.A. (ed.) *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive language studies]. (20): From cognitive linguistics to cognitive terminology: Collection of scientific papers. Tambov, Izdatel'skii dom TGU im. G.R. Derzhavina, pp. 185–192. (in Russian)
- Vasil'eva, N.V. (2021) *Sobstvennoe imya v mire teksta* [Proper name in the world of text]. Moscow, URSS. 224 p. (in Russian)
- Veil', G. (1989) *Matematicheskoe myshlenie* [Mathematical thinking]. Translated from English and German. Moscow, Nauka publ. 400 p. (in Russian)
- Gavrilenko, I.I. (2003) *Informatsionno-smyslovye funktsii vstavnykh konstruktiv v nauchnom stile rechi (na materiale russkogo yazyka)* [Informational and semantic functions of plug-in structures in the scientific style of speech (based on the material of the Russian language)]. In: *Dialog* [Dialogue]: Conference materials. Protvino, pp. 186–189. (in Russian)

Maletskii, S.I. (2009) *Semanticheskaya struktura ponyatii «nasledstvennost'» i «evolyutsiya»*. *Informatsionnyi vestnik VOGiS*. 13 (4). pp. 820–851. (in Russian)

Novodranova, V.F. (2010) *Rol' yazykovoï lichnosti v formirovanii nauchnogo teksta* [The role of a linguistic personality in the formation of a scientific text]. In: *V prostranstve yazyka i kul'tury: zvuk, znak, smysl* [In the space of language and culture: sound, sign, meaning]: Collection of articles in honor of the 70th birthday of V.A. Vinogradov. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur publ., pp. 437–443. (in Russian)

Sigal, K.Ya. (2016) *Chelovek kak tekst: vspominaya Yu. A. Sorokina* [Man as a text: remembering Yu.A. Sorokin]. *Journal of Psycholinguistics*. 3 (29), 22–25. (in Russian)

Sorokin, Yu.A. (1994) *Etnicheskaya konfliktologiya: Teoreticheskie i eksperimental'nye fragment* [Ethnic Conflictology: Theoretical and Experimental Fragments]. Samara, Russkii litsei publ. 94 p. (in Russian)

Sorokin, Yu.A. (2003) *Evraziistvo i ego postulaty: vozmozhnye korrekтивы* [Eurasianism and its postulates: possible adjustments]. *Journal of Psycholinguistics*. (1), 111–117. (in Russian)

Sorokin, Yu.A. (2004) *Khartlend i rimlend: obsuzhdenie dvukh somaticheskikh kart* [Heartland and Rimland: A Discussion of Two Somatic Maps]. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. (1), pp. 1–16. (in Russian)

Sorokin, Yu.A. (2010) *Lingvokul'turologiya, lakunologiya, somatologiya i ikh apriornaya vzaimosvyaz'* [Cultural linguistics, lacunology, somatology and their a priori relationship]. *Journal of Psycholinguistics*. (11), pp. 28–33. (in Russian)

Florenskii, P.A. (1989) Termin. *Voprosy yazykoznaniiya*. (1), pp. 121–133.

Florenskii, P.A. (1989a) Termin (okonchanie). *Voprosy yazykoznaniiya*. (3), pp. 104–117. (in Russian)

© Vasil'eva N.V., 2021

Article history:

Received: 06.06.2021

Accepted: 24.06.2021

Bionotes:

Nataliya V. Vasil'eva – Doctor of Philology, Chief Researcher, Section of Applied Linguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Contact information:

1/1 B. Kislovskiy per., Moscow, Russian Federation, 125009

ORCID: 0000-0002-8481-1438

e-mail: vasileva-natalia@yandex.ru

For citation:

Vasil'eva N.V. (2021) Harmony of Non-Conformism: Yu.A. Sorokin and His Terminological Creativity. *Journal of Psycholinguistics*. 2(48), pp. 48–56. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-48-56 (in Russian).

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (ИФЛ СО РАН)**

**ФГБУ ВПО «НОВОСИБИРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» (НГУ)**

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (СО РАН)

Уважаемые коллеги!

11–15 октября 2021 г. Институт филологии СО РАН, Новосибирский государственный университет и Сибирское отделение РАН проводят Всероссийскую научную конференцию с международным участием **«Языки народов Сибири и сопредельных регионов: универсальное и специфичное в вербальных традициях народов современной России».**

Конференция посвящена проблемам культурных универсалий вербальных традиций народов РФ. Для обсуждения предлагаются следующие вопросы:

- универсалии в языках и культурах: новые подходы и история вопроса;
- соотношение универсального и специфичного в языках и культурах народов РФ;
- культурные универсалии в языковой и концептуальной моделях мира (народы России);
- типология языковых универсалий в современной лингвистике;
- историко-культурные, когнитивные и социо-коммуникативные факторы, формирующие вербальные традиции народов современной России;
- вербальная традиция как динамическая система (диахронические универсалии и творческие инновации).

В рамках конференции планируется проведение круглых столов:

1. «Русская языковая личность: междисциплинарные исследования в регионах РФ и на сопредельных территориях».

Цель круглого стола – обсудить актуальные вопросы развития междисциплинарных исследований языковой личности государствообразующего народа РФ, историко-культурные, социо-коммуникативные и психо-когнитивные факторы, формирующие её универсальные характеристики и региональную специфику.

2. «Языковые ареалы Сибири», посвященный 75-летию со дня рождения д.ф.н. Натальи Николаевны Широковой (1946–2020 гг.).

Во время круглого стола предлагается обсудить широкий круг вопросов, связанный с проблемами языковых контактов и взаимодействиями языков Сибири, историческим развитием языков Сибири, формированием тюркских ареалов Сибири, а также разные аспекты изучения языков народов Сибири и родственных им языков сопредельных регионов: фонетика, морфология, словообразование, лексика, диалектология, лексикография, синтаксис, корпусная лингвистика, языковые изменения и контакты, сопоставительно-типологические исследования и т. д.

Сведения о конференции размещены на сайте Института филологии СО РАН
<http://philology.nsc.ru>

Конференция будет проходить в смешанном формате (очно / дистанционно).
Проезд и проживание участников конференции – за счет направляющей стороны.

По всем вопросам просим обращаться в Оргкомитет по адресу электронной почты
jazyki_conference@mail.ru

Срок приема заявок для участия в конференции продлен
до 16 августа 2021 г.

УДК 81.23

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-58-73

Научная статья

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ НЕГРАМОТНОСТЬ:
ЕЩЕ ОДИН «ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ РИСК»?
(ПРОДОЛЖАЯ РАЗГОВОР С Ю.А. СОРОКИНЫМ)**

Красных Виктория Владимировна

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»,
Москва, Россия

Аннотация

Данная статья посвящена памяти известного психолингвиста, философа, поэта Юрия Александровича Сорокина. В статье представляется широчайший круг научных интересов ученого: психолингвистика текста, библиопсихология, креолизованные тексты, языковое сознание, феномен прецедентности, лакунарность, (этно)конфликтология и многое другое. На основе этого в статье высказывается предположение, что несомненный интерес Ю.А. Сорокина сегодня вызвали бы проблемы, которые в последнее время осознаются специалистами как «цивилизационные риски»: функциональная и культурная неграмотность. Автор статьи рассматривает данные понятия и на основе анализа научной литературы приводит их определение и указывает основные формы их проявления. В статье обосновывается необходимость введения еще одного понятия – функционально-культурной неграмотности, которая понимается как неготовность и неспособность, в том числе из-за неумения кодировать и декодировать культуруносные смыслы, стоящие за знаками языка, понимать и порождать тексты разной направленности, разных типов, жанров и разного объема. Причинами, с одной стороны, и, с другой – формами проявления функционально-культурной неграмотности являются, как минимум, неспособность порождать и понимать тексты (вплоть до самых простых) и отсутствие необходимых для понимания знаний. В конце статьи делается вывод о том, что во многих работах Ю.А. Сорокина можно найти не только свидетельства предвидения, но и идеи о возможных путях изучения, недопущения и преодоления проблем, стоящих сегодня перед человеком и человечеством.

Ключевые слова: Ю.А. Сорокин, функциональная неграмотность, культурная неграмотность, функционально-культурная неграмотность

«Ю.А. Сорокин относился к той не слишком часто – увы! – встречающейся породе исследователей, которые позволяют себе роскошь “вступать в зону риска <...>, который можно было бы квалифицировать как интеллектуальный идиориск / эгориск” [Сорокин 2008: 3]. Это было его кредо и его призвание. И на этом пути воина-философа Юрий Александрович благодаря своему предвидческому дару зачастую высказывал идеи, вызывавшие и вызывающие до сих пор либо

однозначное приятие и полную поддержку (иногда молчаливую, поскольку требуют остановиться и подумать в тишине, наедине с самим собой), либо недоуменное пожимание плечами, либо полное неприятие» [Красных 2010: 113]. С этой фразы я начала 10 лет назад статью в сборнике, посвященном памяти Юрия Александровича. Как мне кажется, именно в этом – ключ к пониманию столь яркой, неординарной и по-своему неоднозначной фигуры, каким был Юрий Александрович. Он был «безоглядно независим» в своих идеях и в этом смысле удивительно «раздражающ». Ему подчас было тесно в рамках – в рамках нормы, в рамках парадигмы, в рамках языка. Отсюда и его творческие порывы и прорывы в поисках – в поисках причин, идей и слов... Очень хорошо помню слова В.Н. Телия во время одной из наших научных дискуссий (какая это была роскошь и какое пиршество ума!): «Иногда такие хорошие мозги в такую терминологию уходят, что я потом долго думаю: что бы это значило. И понимаю я его одна. <...> В результате он такое наворачнул, что я хотела ему сказать: “Приведи-ка ты лучше синоним, чтобы народ знал”» [Канон... 1999: 17]. И ее гениальная фраза: «Юра, переведи на русский» [Там же: 25].

Творческая, бурлящая натура Юрия Александровича проявлялась в поэзии (реже – в прозе) [Глеб Арсеньев 2000; Глеб Арсеньев 2001а; Глеб Арсеньев 2001б; Глеб Арсеньев [http](#)] и переводах [Андре Бретон 1999; Ван Мэн 2000]. И опять-таки, как мне кажется, именно попытки понять, проникнуть в сущность слова и суть перевода мысли в слово обусловили его интерес и к магии перевода межязыкового [Сорокин 1977а; Сорокин 1999; Сорокин 2000; Сорокин 2003б; Сорокин 2005а].

Но интересы (и творческие, и научные) Юрия Александровича не ограничивались только этим. Спектр проблем, которые он рассматривал в статьях (подчас излишне кратких, в которых проглядывала лишь вершина айсберга его мысли), поразителен. Это и психолингвистический анализ текста [Сорокин 2008], и проблемы библиопсихологии [Сорокин 1982; Сорокин 1985; Сорокин 1991], и креолизованные тексты [Сорокин, Тарасов 1990], и пристальное внимание к индивидуальности, которое проявлялось в призыве изучать именно единичные реакции, полученные в результате любого АЭ (см.: «Будущие исследования будут смещаться от изучения физического и социального пространства микро- и макрогрупп к изучению физического и социального эгопространства и отношений между ними» [Сорокин 2008: 5]), и проблемы изучения прецедентности [Сорокин и др. 1998; Сорокин, Михалева, 1993], и выявление и изучение лакун [Сорокин 1997; Сорокин 2003а; Сорокин 2008; Сорокин 2005а], и проблемы (этно)конфликтологии, размышления над которыми позволили сформулировать многие провидческие идеи [Сорокин 2005], и изучение культурных факторов и культурологических аспектов психолингвистических исследований [Сорокин 1977б; Сорокин 1991; Сорокин 2005а; Сорокин, Тарасов 1977; Сорокин, Цзян Ямин 2000]. Все это привело его к обоснованию новой (будущей) науки – «семиософии»: «следует ожидать появления и формирования семиософии и как ее части – культурософии <...>, а в их рамках появления и формирования этнопсихолингвистической и семиопсихолингвической драматургии и герменевтики. <...> именно эти две субдисциплины окажутся, вероятно, самыми важными для этнической конфликтологии и контактологии» [Сорокин 2008: 4–5] (разрядка оригинала. – В.К.).

Учитывая такое научное наследие, можно, думается, предположить, что

сегодня Юрий Александрович был бы всерьез озабочен, как многие психологи, психолингвисты, нейрофизиологи и др. проблемами функциональной неграмотности (functional illiteracy, Дж.М. Бэлэнтайн, Л. Карган, Дж. Каррэн, Дж. Козол, К.М. Ренцетти, И.А. Бубнова, М.Ю. Мягкова, В.А. Пищальникова, В.П. Чудинова), информационной псевдодебильности (А.Н. Алехин, А.В. Курпатов) и цифрового слабоумия (digital dementia, Т. Компернолле, М. Шпитцер, Т. Клингберг, Р. Фрейланд, Д. Льюис). Изначально эти проблемы были осознаны в западных странах, где, как представляется, царит англосаксонская модель образования. В дальнейшем ситуация усугубилась необходимостью обрабатывать и понимать огромные и постоянно растущие потоки и объемы информации, поставляемой, в том числе, различными устройствами с использованием новейших технологий. И в конце XX в. выяснилось, что человечество столкнулось с «цивилизационным риском» – неспособностью человека читать, писать и считать на уровне, необходимом для решения простейших повседневных задач. Речь идет о неумении находить нужную информацию, правильно понимать прочитанные тексты и приходиться к логическим умозаключениям, а также – на уровне продукции – о неумении создавать связный текст любой сложности и ясно выражать свои мысли и чувства. Функционально неграмотный человек скользит по поверхности текста, не проникая в суть и архитектуру его смыслов, т. е. в лучшем случае понимая отдельные слова, но не понимая текст в целом. Неспособность же декодировать смыслы при восприятии имеет оборотной стороной и неспособность кодировать смыслы при порождении. Иначе говоря, функционально неграмотный человек не приобрел или утратил навыки чтения и письма и неспособен к восприятию и порождению даже короткого и несложного текста, имеющего отношение к повседневной жизни. В последние десятилетия волна функциональной неграмотности достигла и наших берегов, о чем уже давно бьют тревогу многие психолингвисты [Бубнова 2008; Бубнова 2011; Бубнова 2017а; Бубнова 2017б; Бубнова 2019; Мягкова 2015; Мягкова 2016а; Мягкова 2016б; Мягкова 2017; Мягкова 2018; Пищальникова 2018а; Пищальникова 2018б; Пищальникова 2018в].

Еще одна проблема, также возникшая изначально за океаном и докатившаяся до нас, – культурная неграмотность, которая зеркально противоположна культурной грамотности – понятию, предложенному Э.Д. Хиршем [Hirsch 1997 <http://>]: “Hirsch argues for American educators to return to a focus on **cultural literacy**, meaning a common body of knowledge that **literate** citizens within a nation possess. Mere literacy, the ability to sound out or read individual words, is not coterminous with cultural literacy, which is a deeper familiarity with a body of concepts shared by one’s compatriots. Cultural literacy is essential to efficient and effective communication” [Указ. соч.] (‘Хирш утверждает, что американские педагоги должны вновь сосредоточиться на **культурной грамотности**, т. е. на общей совокупности знаний, которыми обладают **грамотные** граждане одной страны. Простая грамотность, способность произносить или читать отдельные слова – вовсе не то же самое, что культурная грамотность, которая есть более глубокое знакомство с совокупностью понятий, разделяемых с соотечественниками. Культурная грамотность необходима для эффективного и действенного общения’; выделено в оригинале, перевод мой. – В.К.). Следует заметить, что некоторые американские коллеги говорят, что Э.Д. Хирш не пользуется в США особой популярностью и «его вообще никто не знает». Однако его идеи имеют не только непримиримых

противников, но и ярых сторонников: “Conservatives thus embraced Hirsch eagerly and breathlessly. <...> Liberals eagerly and breathlessly attacked him with equal vigor” [Liu 2015] (“Консерваторы, таким образом, приняли Хирша с распростертыми объятиями и затаив дыхание. <...> Либералы с не меньшей страстью и так же затаив дыхание его атаковали”; перевод мой. – В.К.). Более того, в ряде работ рассматриваются исторические корни концепции Хирша [Hatley 2016], из которой вырос проект «Что должен знать каждый американец», осуществляемый Программой гражданства и американской идентичности в Институте Аспена (“Hirsch <...> provided the germ of an idea for the “What Every American Should Know” project undertaken by the Citizenship and American Identity Program at the Aspen Institute” [Ibid.]). В словаре “The New Dictionary of Cultural Literacy” [Hirsch et al. 2002] говорится, что «культурная грамотность, в отличие от специальных знаний, означает знания, понимаемые всеми. Это та информация, которую наша страна признала полезной и поэтому ее стоит сохранять. Культурная грамотность – это контекст того, что мы говорим и читаем; это часть того, что делает американца американцем» [Указ. соч.] (цит. по: <https://google-info.org/6065665/1/lingvokulturnaya-gramotnost.html>). Сторонники концепции считают, что «со временем американцы создадут исчерпывающее, бесконечно редактируемое руководство о том, как читать, писать, говорить – и быть – американцами» (“over time, Americans will author a definitive, unendingly edited guide to how to read, write, speak – and be – American”) [Liu 2015]. На мой взгляд, все это лишь подтверждает (уже на новом витке развития науки и познания мира) истинность идей, высказывавшихся еще в XVIII–XIX вв. И.Г. Гердером [Гердер 1977; Гердер 2007] и В. фон Гумбольдтом [Гумбольдт 2000]. Кто бы что ни говорил о гумбольдтианской и неогумбольдтианской парадигмах, с фактами не поспоришь. И не случайно поэтому сегодня и теоретики, и практики в сфере, например, преподавания иностранных языков считают, вслед за А.А. Леонтьевым, что обучать следует не просто языку как некой (пусть и сложной) системе знаков, а общению на этом языке, а значит, надо обучать языку как языку данной культуры. Для современных психолингвистов и серьезных лингводидактов сегодня это уже банальность. Отрицать это – значит «уподобляться рыбе, отрицающей существование воды».

В связи со всем сказанным, не очень понятна мысль весьма авторитетного исследователя Т.В. Черниговской, высказанная в недавней статье «Бессмертие для “новых людей”», адресованной широкой аудитории: «Перед педагогикой и образованием встали новые вызовы. Нужно учить детей *понимать, а не запоминать*, воспитывать в них способность к постоянным переменам, *формировать навыки проверки информации*» [Черниговская 2021] (курсив мой. – В.К.). Казалось бы, все правильно. Но как можно научить понимать без запоминания? Это противоречит, как мне кажется, всем представлениям о процессе не только обучения, но и познания. Мы познаем неизвестное (если не брать, вероятно и как минимум, первые моменты жизни человека как отдельного индивида) на основе уже известного (см. процессы анкоринга и объективации [Moscoviči 1984a; Moscoviči 1984b; Макаров 1998: 47–49]). Кроме того, Э.Д. Хирш пришел к своей концепции культурной грамотности, когда столкнулся с тем, что его ученики были не в состоянии понять текст именно потому, что не имели необходимых знаний (они не знали не только ситуацию, в которой были созданы читаемые ими тексты, – Гражданская война в США, но и их авторов – Улисса

С. Гранта, который был главой Армии Союза в годы данной войны и впоследствии 18-м президентом США, и Роберта Эдварда Ли – генерала армии Конфедеративных Штатов Америки, главнокомандующего армией Конфедерации, одного из самых известных американских военачальников XIX века). Это первое. Второе. Как можно выработать критичность мышления и, следовательно, привычку проверять информацию, если не иметь изначальной базы знаний? Проверять все? Но тогда на одном каком-то моменте / фрагменте / фразе можно просидеть всю жизнь и так в этом не разобраться. И как определить, что именно нужно проверять? Кроме того, это потрясает основы основ: у человека должны быть базовые знания и представления, которые держат его образ / картину мира (данные понятия можно считать синонимичными или разводить, но сейчас не об этом разговор). И третье. Функциональная неграмотность, о которой уже говорилось. Правда, здесь мы сталкиваемся с проблемой: что первично – курица или яйцо? Человек функционально неграмотен потому, что не в состоянии запоминать, т.е. владеть (*sic!*) информацией, или его неспособность понимать и запоминать, имеющая, возможно, физиологические (см., напр., [Guegga 2012]) или, возможно, квазифизиологические [Курпатов, Алехин <http>] корни, обусловлена его функциональной неграмотностью? В любом случае отсутствие знаний снижает порог критичности восприятия поступающей информации. Правда, это уже тема отдельного разговора. Но я очень надеюсь, что Т.В. Черниговская выступает против бездумного заучивания, а не запоминания как такового (если так, то эту мысль можно только поддержать).

Размышляя над многими проблемами, возникшими не сегодня, привели меня к выделению особого типа неграмотности – функционально-культурной. Функционально-культурная неграмотность (ФНК) – это неготовность и неспособность, в том числе из-за неумения кодировать и декодировать культуруносные смыслы, стоящие за знаками языка, понимать и порождать тексты разной направленности, разных типов, жанров и разного объема (особенно, если они превышают размер экрана компьютера / гаджета или содержат число знаков большее, чем позволяет, напр., социальная сеть или мессенджер) [Красных 2019]. Она предполагает отсутствие у индивида культурно-языковой компетенции, по В.Н. Телия (см. напр., [Телия 1996]), которая в норме должна быть присуща индивидуальности / личности как члену этно- / национально-лингво-культурного сообщества, кем мы все по определению являемся, несмотря на все свои личностные, индивидуальные, сугубо уникальные свойства, признаки и качества. Иначе говоря, ФНК совмещает в себе особенности и функциональной (неспособность порождать и понимать тексты), и культурной (отсутствие необходимых для понимания знаний) неграмотности.

Представляется совершенно очевидной необходимость не только изучения причин функциональной, культурной и функционально-культурной неграмотности, но и системной разработки способов их предотвращения и преодоления. Что-то уже, конечно, делается (и делается глубоко и серьезно, о чем свидетельствуют указанные ранее работы отечественных психолингвистов), однако только исследователи, как бы громко они ни били во все колокола, не способны не допустить лавинообразного разрастания функционально-культурной неграмотности, угрожающей единому «пространству общей памяти» (по Ю.М. Ломану [Лотман 1992]). Для этого нужны воля и усилия государства.

Указанный круг проблем, как мне представляется, не оставил бы Юрия Александровича равнодушным, поскольку во многих своих работах он предвидел их появление и закладывал основы возможного их изучения, предотвращения и, что особенно важно, преодоления.

© Красных В.Н., 2021

Литература

Бубнова И.А. Неопсихолингвистика, или психолингвистика личности: новое направление психолингвистических исследований // И.А. Бубнова, И.В. Зыкова, В.В. Красных, Н.В. Уфимцева. (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем: колл. мон. / под ред. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2017а. С. 97–179.

Бубнова И.А. Прикладная психолингвистика в образовании: какую личность формируют современные учебники? // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности: труды Уральского психолингвистического общества: мат-лы Всеросс. науч. семинара с международ. участием «Психолингвистика в образовании и аспекты изучения лингвокреативных способностей» 3 ноября 2016 г. / под ред. Т.А. Гридина. Екатеринбург: [б.и.], 2017б. Вып. 15. С. 51–63.

Бубнова И.А. Проблемы современного образования: психолингвистический аспект [Электронный ресурс]. 2018. URL: <https://vestnik.mgpru.ru/pdf/1624.pdf> (дата обращения: 01.06.2021).

Бубнова И.А. Функциональная неграмотность: неучтенные риски или запланированный результат? // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности: Труды Уральского психолингвистического общества / Урал. гос. пед. ун-т, Урал. психолингвист. об-во, каф. общ. языкознания и рус. яз.; глав. ред. Т.А. Гридина. Екатеринбург: [б.и.], 2019. Вып. 17. С. 23–31.

Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества / Отв. ред. А.В. Гулыга. М.: Наука, 1977. 705 с. (АН СССР, серия «Памятники исторической мысли») [Электронный ресурс]. URL: <http://padaread.com/?book=44282> (дата обращения: 25.06.2019).

Гердер И.Г. Трактат о происхождении языка. / Пер. с нем. / Вступ. ст. В.М. Жирмунского. М.: Изд-во ЛКИ (УРСС), 2007. 88 с. (История лингвофилософской мысли).

Гумбольдт В. фон. Природа и свойства языка вообще // Избранные труды по языкознанию. / Общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. М.: Изд. группа «Прогресс», 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.rus.ec/b/3255096/read> (дата обращения: 05.04.2012).

Канон, эталон, стереотип в языковом сознании и дискурсе (дискуссия вторая); 24.04.1999, ИЯ РАН (участники: В.Н. Телия, Ю.А. Сорокин, В.Н. Базылев, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных, М.В. Тростников) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Диалог-МГУ, 1999. Вып. 9. С. 5–51.

Красных В.В. К вопросу о будущей науке «семиософия» (в продолжение разговора с Ю.А. Сорокиным) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. науч. статей, посвященных

памяти Ю.А. Сорокина / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2010. Вып. 40. С. 113–118.

Красных В.В. Трансляция культурных констант в школьном образовании: ложное «упрямство» или объективная необходимость в современном глобальном мире? // Сборник материалов Второго Всероссийского научно-практического семинара для учителей образовательных организаций, работающих в классах с полиэтничным составом учащихся. 14 марта 2019 года / Под ред. Т.М. Балыхиной. М.: Изд-во РУДН, 2019. С. 40–54.

Курпатов А.В., Алехин А.Н. Философия психологии. Новая методология [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=255487&p> (дата обращения: 10.09.2020).

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1999. 288 с.

Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992. С. 200–202 [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.ru/literature1/lotman-92f.htm> (дата обращения: 03.06.2021).

Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь: ТверГУ, 1998. 199 с.

Мяжкова Е.Ю. Внутренний метаязык, понимание текста и проблемы функциональной неграмотности. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrenniy-metayazyk-ponimanie-teksta-i-problemy-funktsionalnoy-negramotnosti/viewer> (дата обращения: 31.05.2021).

Мяжкова Е.Ю. Исследование внутренней грамматики как поиск путей преодоления функциональной неграмотности // Язык, сознание, коммуникация: Сб. науч. ст. / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2016а. Вып. 53. С. 254–265.

Мяжкова Е.Ю. Моделирование внутреннего метаязыка как средство диагностики функциональной неграмотности // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. / под общ. ред. А.А. Залевской. Тверь: ТверГУ, 2015. С. 44–51.

Мяжкова Е.Ю. Навык чтения и проблемы понимания текста. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/navyk-chteniya-i-problemy-ponimaniya-teksta/viewer> (дата обращения: 31.05.2021).

Мяжкова Е.Ю. Владение навыками чтения как основа функциональной грамотности носителя языка // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2016б. № 4. С. 53–59.

Пищальникова В.А. «Эффект бабочки»: трансформация знака в массмедиа как когнитивная проблема // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXV: Взгляд в будущее: новые перспективы когнитивных исследований языка: Мат-лы Круглого стола. Москов. гос. лингв. ун-т. 2 ноября 2018 г. / гл. ред. О.К. Ирисханова. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2018в. С. 148–154.

Пищальникова В.А. Новые когнитивные структуры в цифровой информационной среде // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып. 13 (807). М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018а. С. 192–202.

Пищальникова В.А. Цифровое информационное пространство как среда специфического знакообразования // Филологические чтения ЯрГУ им. П.Г. Демидова / сост. Е.А. Федорова. Ярославль: Ярослав. гос. ун-т им. П.Г. Демидова, 2018б. С. 196–201.

Сорокин Ю.А. Текст: цельность, связность, эмотивность // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М.: Наука, 1982. С. 61–73.

Сорокин Ю.А. Интерпретативная или деятельностная теория перевода? // Языковое сознание и образ мира: Сб. статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: ИЯз РАН, 2000 [Электронный ресурс]. URL: https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/3-1.html (дата обращения: 01.06.2021).

Сорокин Ю.А. Лакуны: еще один ракурс рассмотрения // Лакуны в языке и речи: Сб. науч. трудов / Под ред. Ю.А. Сорокина, Г.В. Быковой. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003а. С. 3–11.

Сорокин Ю.А. Метод установления лакун как один из способов выявления специфики локальных культур // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1997. С. 120–136.

Сорокин Ю.А. Неканоническая русистика: Статьи, заметки, реплики. М.: Ариадна, 2008. 172 с.

Сорокин Ю.А. Ориентальное переводоведение и его болевые точки // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Диалог-МГУ, 1999. Вып. 9. С. 149–153.

Сорокин Ю.А. Переводоведение: Статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003б. 160 с.

Сорокин Ю.А. Почему живут и умирают книги?: Библиопсихологические и этнокультурологические сюжеты. М.: Педагогика, 1991. 159 с.

Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. М.: Наука, 1985. 166 с.

Сорокин Ю.А. Роль этнопсихолингвистических факторов в процессе перевода // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977а. С. 166–174.

Сорокин Ю.А. Смысловое восприятие текста и библиопсихология (раздел третий) // Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения: колл. мон. М.: Наука, 1979. 327 с.

Сорокин Ю.А. Сознание и модусы его существования: китайская лингвокультурная общность в 1966–1976 гг. Ретроспективные размышления // Языковая личность в дискурсе: полифония структур и культур. Мат-лы междунар. научно-практич. конф. / Отв. ред. проф. А.А. Романов. М.–Тверь: ИЯ РАН, ТвГУ, ТГСХА, 2005а. С. 75–92. [Электронный ресурс] URL: http://tverlingua.ru/archive/001/01_1-004.htm (дата обращения: 01.06.2021).

Сорокин Ю.А. Художественная и историческая трансляция культуры // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977б. С. 120–136.

Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология (теоретические и экспериментальные фрагменты). Самара: Русский лицей, 1994. 94 с.

Сорокин Ю.А. Этноконфликт: модель и ее составляющие // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005б. Вып. 30. С. 125–132.

Сорокин Ю.А., Гудков Д.Б., Красных В.В., Вольская Н.П. Феномен прецедентности и прецедентные феномены (запись дискуссии), 28.01.1998, ИЯ РАН // Язык, сознание,

коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Филология, 1998. Вып. 4. С. 5–33.

Сорокин Ю.А., Михалева И.М. Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // *Язык и сознание: парадоксальная рациональность*. М.: ИЯЗ РАН, 1993. С. 98–118.

Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // *Оптимизация речевого воздействия: колл.мон.* М.: Наука, 1990. С. 180–186.

Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Национально-культурная специфика речевого и неречевого поведения // *Национально-культурная специфика речевого поведения*. М.: Наука, 1977. С. 14–38.

Сорокин Ю.А., Цзян Ямин (КНР). Составляющие образа мира: современные русские и китайцы // *Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов*. М.: Диалог-МГУ, 2000. Вып. 11. С. 5–8.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

Черниговская Т.В. Бессмертие для «новых людей» // *АиФ*, № 21, 2021.

Guerra J. Five things to know about early childhood brain development. 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://stateofopportunity.michiganradio.org/post/five-things-know-about-early-childhood-brain-development> (дата обращения: 01.06.2021).

Hatley A. American ‘Cultural Literacy,’ Historically Considered. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aspeninstitute.org/blog-posts/american-cultural-literacy-historically-considered/> (дата обращения: 04.06.2021).

Hirsch E.D. Jr. Cultural Literacy: What Every American Needs to Know. Boston: Houghton Mifflin, 1987. – 251 pp. [Электронный ресурс]. URL: https://www.goodreads.com/book/show/768841.Cultural_Literacy (дата обращения: 09.03.2019).

Hirsch E.D. Jr., Joseph F. Kett, J. Trefil. The New Dictionary of Cultural Literacy. Boston; N.–Y.: Houghton Mifflin Company, 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://bookfi.net/book/1175537> (дата обращения: 09.03.2019).

Liu E. What Every American Should Know. Defining common cultural literacy for an increasingly diverse nation. 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2015/07/what-every-american-should-know/397334/> (дата обращения: 03.06.2021).

Moscoviči S. The Myth of the Lonely Paradigm: A Re-joinder//*Social Research*. 1984a, Vol. 51. P. 939–968.

Moscoviči S. The Phenomenon of Social Representations//*Social Representations*. Eds.: R. Farr, S. Moscovici. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1984b. P. 3–69.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 17.06.2021

Дата принятия к печати: 22.06.2021

Сведения об авторе:

Красных Виктория Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Контактная информация:

119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, 1-й корп. гум. фак-тов

ORCID: <https://orcid.org/000-0001-8753-4168>

e-mail: victoryvk@gmail.com

Для цитирования:

Красных В.В. Функционально-культурная неграмотность: еще один «цивилизационный риск»? (Продолжая разговор с Ю.А. Сорокиным) // Вопросы психолингвистики №2(48) 2021, С. 58–73, doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-58-73

UDC 81.119

Research article

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-58-73

**FUNCTIONAL-CULTURAL ILLITERACY:
ANOTHER “CIVILIZATIONAL RISK”?
(CONTINUING THE CONVERSATION WITH YU.A. SOROKIN)**

Victoria V. Krasnykh

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Abstract

This article is dedicated to the memory of the famous psycholinguist, philosopher, poet Yuri Alexandrovich Sorokin. The article represents the widest range of scientific interests of the researcher: text psycholinguistics, bibliopsychology, creolized texts, linguistic consciousness, the phenomenon of precedentness, lacunarity, (ethno)confictology, etc. On the basis of this, the author suggests that the problems that nowadays are defined by specialists as “civilizational risks”, i.e., functional and cultural illiteracy, would cause Yu.A. Sorokin’s undoubted interest. Based on the analysis of scientific literature, the author of the article considers the concepts of functional and cultural illiteracy, gives their definition and indicates the main forms of their manifestation. The author substantiates the need to introduce another concept – functional-cultural illiteracy which is understood as inability to encode and decode cultural meanings behind the signs of language, and therefore inability to understand and generate texts of different targeting, types, genres and volume. The reasons and the forms of manifestation of functional-cultural illiteracy are, at least, the inability to generate and understand texts (even the simplest ones) and the lack of knowledge necessary for understanding. At the end of the article, the author concludes that in many works by Yu.A. Sorokin, one can find not only evidence of foresight, but also ideas about possible ways to study, prevent and overcome the problems facing human and humanity today.

Keywords: Yu.A. Sorokin, functional illiteracy, cultural illiteracy, functional-cultural illiteracy

References

Bubnova, I.A. (2017a) *Neopsikholingvistika, ili psikholingvistika lichnosti: novoe napravlenie psikholingvisticheskikh issledovanii* [Neopsycholinguistics, or Personality Psycholinguistics: a New Direction of Psycholinguistic Research]. In: I.A. Bubnova, I.V. Zykova, V.V. Krasnykh, N.V. Ufimtseva, V.V. Krasnykh (ed.). *(Neo)psikholingvistika i (psikho)lingvokul'turologiya: novye nauki o cheloveke govoryashchem* [(Neo) psycholinguistics and (psycho) cultural linguistics: new sciences about the person speaking]. Moscow, Gnozis, pp. 97–179. (in Russian)

Bubnova, I.A. (2017b) *Prikladnaya psikholingvistika v obrazovanii: kakuyu lichnost' formiruyut sovremennye uchebniki* [Applied Psycholinguistics in Education: What Personality is Shaped by Modern Textbooks]. In: Gridina, T.A. (ed.) *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoi deyatel'nosti* [Psycholinguistic aspects of the study of speech activity]: Works of the Ural Psycholinguistic Society: materials of the All-Russian scientific seminar with international participation “Psycholinguistics in education and aspects of the study of linguistic creative abilities”, 3d November 2016, (15), pp. 51–63. (in Russian)

Bubnova, I.A. (2018) *Problemy sovremennogo obrazovaniya: psikholingvisticheskii aspekt* [Problems of Modern Education: Psycholinguistic Aspect]. Available from: <https://vestnik.mgpu.ru/pdf/1624.pdf> [Accessed 1st of June 2021]. (in Russian)

Bubnova, I.A. (2019) *Funktional'naya negramotnost': neuchtennye riski ili zaplanirovannyye rezul'taty?* [Functional Illiteracy: Unaccounted Risks or Planned Results?]. In: Gridina, T.A. (ed.) *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoi deyatel'nosti* [Psycholinguistic aspects of the study of speech activity] Proceedings of the Ural Psycholinguistic Society. Ekaterinburg, (17), pp. 23–31. (in Russian)

Herder, J.G. (1977) *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Outline of a Philosophical History of Humanity]. Translated from German by A.V. Mikhailov. Moscow, Nauka publ. Available from: <http://padaread.com/?book=44282> [Accessed 25th of June 2019]. (in Russian)

Herder, J.G. (2007) *Traktat o proiskhozhdenii yazyka* [Treatise on the Origin of Language]. Translated from German. Moscow, Izdatel'stvo LKI (URSS). (in Russian)

Humboldt, W. von (2000) *Priroda i svoystva yazyka voobshche* [Nature and Properties of Language in General]. In: *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected Works on Linguistics]. Translated from German. G.V. Ramishvili (ed.); Afterword by A.V. Gulyga, V.A. Zvegintseva. Moscow, Progress publ. Available from: <http://lib.rus.ec/b/325096/read> [Accessed 5th of April 2012]. (in Russian)

Kanon, ehtalon, stereotip v yazykovom soznanii i diskurse (diskussiya vtoraya) [Canon, Standard, Stereotype in Linguistic Consciousness and Discourse (second discussion)]; 24.04.1999, IYA RAN (uchastniki: V.N. Teliya, Yu.A. Sorokin, V.N. Bazylev, N.P. Vol'skaya, D.B. Gudkov, I.V. Zakharenko, V.V. Krasnykh, M.V. Trostnikov) (1999). In: Krasnykh, V.V., Izotov, A.I. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]: collection of works. Moscow, Dialog-MGU publ., (9), pp. 5–51. (in Russian)

Krasnykh, V.V. (2010) *K voprosu o budushchei nauke «semiosofiya» (v prodolzhenie razgovora s Yu.A. Sorokinym)* [On the Question of the Future Science of “Semiosophy” (in continuation of the conversation with Yu.A. Sorokin)]. In: Krasnykh, V.V., Izotov,

A.I. (eds.) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]: Collection of scientific articles dedicated to the memory of Yu.A. Sorokin. Moscow, MAKS Press, (40), pp. 113–118. (in Russian)

Krasnykh, V.V. (2019) *Translyatsiya kul'turnykh konstant v shkol'nom obrazovanii: lozhnoe «upryamstvo» ili ob'ektivnaya neobkhodimost' v sovremennom global'nom mire?* [Translation of Cultural Constants in School Education: False “Stubbornness” or an Objective Necessity in the Modern Global World?]. In: Balykhina, T.M. (ed.) *Collection of materials of the Second All-Russian scientific and practical seminar for teachers of educational organizations working in classes with a multi-ethnic composition of students*. 14th March 2019. Moscow, Izdatel'stvo RUDN, pp. 40–54. (in Russian)

Kurpatov, A.V., Alekhin, A.N. *Filosofiya psikhologii. Novaya metodologiya* [Philosophy of Psychology. New methodology]. Available from: <https://www.litmir.me/br/?b=255487&p> [Accessed 10th of September 2020]. (in Russian)

Leont'ev, A.A. (1999) *Osnovy psikholingvistiki* [Fundamentals of Psycholinguistics]. Moscow, Smysl publ. (in Russian)

Lotman, Yu.M. (1992) *Pamyat' v kul'turologicheskom osveshchenii* [Memory in Culturological Lighting]. In: Lotman, Yu.M. *Izbrannye stat'i* [Selected articles]. Vol. 1. Tallinn: Aleksandra, pp. 200–202. Available from: <http://philology.ru/literature1/lotman-92f.htm> [Accessed 3^d of June 2021]. (in Russian)

Makarov, M.L. (1998) *Interpretativnyi analiz diskursa v maloi grappe* [Interpretive Analysis of Discourse in a Small Group]. Tver', TveRGU publ. (in Russian)

Myagkova, E.Yu. (2017) *Vnutrennii metayazyk, ponimanie teksta i problemy funktsional'noi negramotnosti* [Internal Metalanguage, Text Comprehension and Functional Illiteracy Problems]. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrenniy-metayazyk-ponimanie-teksta-i-problemy-funktsionalnoy-negramotnosti/viewer> [Accessed 31st of May 2021]. (in Russian)

Myagkova, E.Yu. (2016a) *Issledovanie vnutrennei grammatiki kak poisk putei preodoleniya funktsional'noi negramotnosti* [The Study of Internal Grammar as a Search for Ways to Overcome Functional Illiteracy]. In: Krasnykh, V.V., Izotov, A.I. (eds.) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]: Collection of scientific articles. M.: MAKS-Press, Vyp. 53, 254–265. (in Russian)

Myagkova, E.Yu. (2015) *Modelirovanie vnutrennego metayazyka kak sredstvo diagnostiki funktsional'noi negramotnosti* [Modeling of Internal Metalanguage as a Means of Diagnosing Functional Illiteracy]. In: Zalevskaya, A.A. (ed.) *Slovo i tekst: psikholingvisticheskiy podkhod* [Word and Text: A Psycholinguistic Approach]: collection of scientific articles. Tver', TveRGU, pp. 44–51. (in Russian)

Myagkova, E.Yu. (2018) *Navyk chteniya i problemy ponimaniya teksta* [Reading Skills and Problems of Text Understanding]. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/navyk-chteniya-i-problemy-ponimaniya-teksta/viewer> [Accessed 31st of May 2021]. (in Russian)

Myagkova, E.Yu. (2016b) *Ovladenie navykami chteniya kak osnova funktsional'noi gramotnosti nositelya yazyka* [Mastering Reading Skills as the Basis of Functional Literacy of a Native Speaker]. *Vestnik TVGU. Seriya «Filologiya»*, (4), 53–59. (in Russian)

Pishchal'nikova, V.A. (2018b) *«Ehffekt babochki»: transformatsiya znaka v massmedia kak kognitivnaya problema* [The Butterfly Effect: Transformation of a Sign in Mass Media

as a Cognitive Problem]. In: Iriskhanova, O.K. (ed.) *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. Vyp. XXXV: Vzglyad v budushchee: novye perspektivy kognitivnykh issledovaniy yazyka [Cognitive language studies. Issue XXXV: Looking into the Future: New Perspectives on Cognitive Language Research]: Proceedings of the Round Table. Moscow State Linguistic University. 2nd November 2018. Tambov, Izdatel'skiy dom «DerzhavinskiI», pp. 148–154. (in Russian)

Pishchal'nikova, V.A. (2018a) *Novye kognitivnye struktury v tsifrovoi informatsionnoi srede* [New Cognitive Structures in the Digital Information Environment]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*, Vyp.13 (807). Moscow, FGBOU VO MGLU, 192–202. (in Russian)

Pishchal'nikova, V.A. (2018b) *Tsifrovoe informatsionnoe prostranstvo kak sreda spetsificheskogo znakoobrazovaniya* [Digital Information Space as an Environment of Specific Sign Formation]. In: Fedorova, E.A. (ed.) *Filologicheskie chteniya YaRGU im. P.G. Demidova* [Philological readings], P.G. Demidov Yaroslavl' State University, pp. 196–201. (in Russian)

Sorokin, Yu.A. (1982) *Tekst: tsel'nost', svyaznost', ehmotivnost'* [Text: Integrity, Coherence, Emotiveness]. In: *Aspekty obshchei i chastnoi lingvisticheskoi teorii teksta* [Aspects of general and particular linguistic theory of text]. Moscow, Nauka publ., pp. 61–73. (in Russian)

Sorokin, Yu.A. (2000) *Interpretativnaya ili deyatel'nostnaya teoriya perevoda?* [Interpretive or Activity Theory of Translation?]. In: Ufimtseva, N.V. *Yazykovoe soznanie i obraz mira* [Linguistic consciousness and image of the world]: Collection of articles. Moscow, IYaz RAN publ. Available from: https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/3-1.html [Accessed 1st of June 2021]. (in Russian)

Sorokin, Yu.A. (2003a) *Lakuny: eshche odin rakurs rassmotreniya* [Lacunae: Another Viewpoint]. In: Sorokin, Yu.A., Bykovaya G.V. (eds.) *Lakuny v yazyke i rechi* [Lacunae in language and speech]: collection of scientific works. Blagoveshchensk, Izdatel'stvo BGPU, pp. 3–11. (in Russian)

Sorokin, Yu.A. (1997) *Metod ustanovleniya lakun kak odin iz sposobov vyyavleniya spetsifiki lokal'nykh kul'tur* [The Method of Establishing Lacunae as One of the Ways to Identify the Specificity of Local Cultures]. In: *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika rechevogo povedeniya* [National and cultural specifics of speech behavior]. M.: Nauka publ., pp. 120–136. (in Russian)

Sorokin, Yu.A. (2008) *Nekanonicheskaya rusistika: Stat'i, zametki, repliki* [Non-canonical Russian studies: Articles, notes, remarks]. Moscow, Ariadna publ. (in Russian)

Sorokin, Yu.A. (1999) *Oriental'noe perevodovedenie i ego bolevye tochki* [Oriental Translation Studies and Its Pain Points]. In: Krasnykh, V.V., Izotov, A.I. (eds.) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]: Collection of scientific articles. Moscow, Dialog-MGU, Vyp. 9, pp. 149–153. (in Russian)

Sorokin Yu.A. (2003b) *Perevodovedenie: Status perevodchika i psikhogermeneyticheskie protsedury* [Translation Studies: Translator Status and Psychohermeneutic Procedures]. Moscow, ITDGK «Gnozis». (in Russian)

Sorokin, Yu.A. (1991) *Pochemu zhivut i umirayut knigi?: Bibliopsikhologicheskie i ehnokul'turologicheskie syuzhety* [Why Do Books Live and Die?: Bibliopsychological and Ethnocultural Subjects]. Moscow, Pedagogika publ. (in Russian)

Sorokin, Yu.A. (1985) *Psikholingvicheskie aspekty izucheniya teksta* [Psycholinguistic Aspects of Text Study]. Moscow, Nauka publ. (in Russian)

Sorokin, Yu.A. (1977a) *Rol' ehtnopsikholingvicheskikh faktorov v protsesse perevoda* [The Role of Ethnopsycholinguistic Factors in the Process of Translation]. In: *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika rechevogo povedeniya* [National and cultural specifics of speech behavior]. Moscow, Nauka publ, pp. 166–174. (in Russian)

Sorokin, Yu.A. (1979) *Smyslovoe vospriyatie teksta i bibliopsikhologiya (razdel tretii)* [Semantic Perception of the Text and Bibliopsychology (section three)]. In: Sorokin Yu.A., Tarasov E.F., Shakhnarovich A.M. *Teoreticheskie i prikladnye problemy rechevogo obshcheniya* [Theoretical and applied problems of speech communication]. Moscow, Nauka publ. (in Russian)

Sorokin, Yu.A. (2005a) *Soznanie i modusy ego sushchestvovaniya: kitaiskaya lingvokul'turnaya obshchnost' v 1966–1976 gg. Retrospektivnye razmyshleniya* [Consciousness and Modes of its Existence: Chinese Linguocultural Community in 1966–1976. Retrospective Reflections]. In: Romanov A.A. (ed.) *Yazykovaya lichnost' v diskurse: polifoniya struktur i kul'tur* [Linguistic personality in discourse: polyphony of structures and cultures]: Materials of International scientific and practical conference. Moscow–Tver': IYA RAN, TVGU, TGSKHA, pp. 75–92. Available from: http://tverlingua.ru/archive/001/01_1-004.htm [Accessed 1st of June 2021]. (in Russian)

Sorokin, Yu.A. (19976) *Khudozhestvennaya i istoricheskaya translyatsiya kul'tury* [Artistic and Historical Transfer of Culture]. In: *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika rechevogo povedeniya* [National and cultural specifics of speech behavior]. Moscow, Nauka publ., pp. 120 – 136. (in Russian)

Sorokin, Yu.A. (1994) *Ehtnicheskaya konfliktologiya (teoreticheskie i ehksperimental'nye fragmenty)* [Ethnic Conflictology (Theoretical and Experimental Fragments)]. Samara, Russkii litsei publ. (in Russian)

Sorokin, Yu.A. (20056) *Ehtnokonflikt: model' i ee sostavlyayushchie* [Ethno-conflict: Model and its Components]. In: Krasnykh, V.V., Izotov, A.I. (eds.) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]: Collection of scientific articles. Moscow, MAKS Press, Vyp. 30, pp. 125–132. (in Russian)

Sorokin, Yu.A., Gudkov, D.B., Krasnykh, V.V., Vol'skaya, N.P. (1998) *Fenomen pretsedentnosti i pretsedentnye fenomeny (zapis' diskussii)* [Phenomenon of precedent and precedent phenomena (record of the discussion)], 28.01.1998, IYa RAN. In: Krasnykh, V.V., Izotov, A.I. (eds.) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]: Collection of scientific articles. Moscow, Filologiya, Vyp. 4, pp. 5–33. (in Russian)

Sorokin, Yu.A., Mikhaleva, I.M. (1993) *Pretsedentnyi tekst kak sposob fiksatsii yazykovogo soznaniya* [Precedent Text as a Way of Fixing Linguistic Consciousness]. In: *Yazyk i soznanie: paradoksal'naya ratsional'nost'* [Language and Consciousness: Paradoxical Rationality]. Moscow, IYaz RAN, pp. 98–118. (in Russian)

Sorokin, Yu.A., Tarasov, E.F. (1990) *Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya* [Creolized Texts and Their Communicative Function]. In: *Optimizatsiya rechevogo vozdeistviya* [Optimization of speech impact]. Moscow, Nauka publ., pp. 180–186. (in Russian)

Sorokin, Yu.A., Tarasov, E.F. (1977) *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika rechevogo i nerechevogo povedeniya* [National-Cultural Specificity of Speech and Non-speech Behavior]. In: *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika rechevogo povedeniya* [National and cultural specifics of speech behavior]. Moscow, Nauka, pp. 14 – 38. (in Russian)

Sorokin, Yu.A., Jiang Yamin (China). (2000) *Sostavlyayushchie obraza mira: sovremennye russkie i kitaitsy* [Components of the Worldview: Modern Russians and Chinese]. In: Krasnykh, V.V., Izotov, A.I. (eds.) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]: Collection of scientific articles. Moscow, Dialog-MGU, Vyp. 11, pp. 5–8. (in Russian)

Teliya, V.N. (1996) *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury publ. (in Russian)

Chernigovskaya, T.V. (2021) *Bessmertie dlya "novykh lyudei"* [Immortality for "New People"]. *AiF*, (21). (in Russian)

Guerra J. (2012) Five things to know about early childhood brain development. Available from: <https://stateofopportunity.michiganradio.org/post/five-things-know-about-early-childhood-brain-development> [Accessed 1st of June 2021]. (in English)

Hatley A. (2016) American 'Cultural Literacy,' Historically Considered. Available from: <https://www.aspeninstitute.org/blog-posts/american-cultural-literacy-historically-considered/> [Accessed 4th of June 2021]. (in English)

Hirsch E.D. Jr. (1987). *Cultural Literacy: What Every American Needs to Know*. Boston, Houghton Mifflin. Available from: https://www.goodreads.com/book/show/768841.Cultural_Literacy [Accessed 19th of March 2019]. (in English)

Hirsch, E.D. Jr., Kett, F.J., Trefil, J. (2002). *The New Dictionary of Cultural Literacy*. Boston; New York, Houghton Mifflin Company. Available from: <http://bookfi.net/book/1175537> [Accessed 19th of March 2019]. (in English)

Liu E. (2015) What Every American Should Know. Defining common cultural literacy for an increasingly diverse nation. Available from: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2015/07/what-every-american-should-know/397334/> [Accessed 3^d of June 2021]. (in English)

Moscoviči, S. (1984a) The Myth of the Lonely Paradigm: A Re-joinder. *Social Research*. (51), 939–968. (in English)

Moscoviči, S. (1984b) The Phenomenon of Social Representations. *Social Representations*. (R. Farr, S. Moscovici, Eds.). Cambridge, Cambridge University Press, pp. 3–69. (in English)

© Krasnykh V.V., 2021

Article history:

Received: 17.06.2021

Accepted: 22.06.2021

Bionotes:

Victoria V. Krasnykh – Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

Contact information:

I Humanities, MSU, Leninskie Gory, Moscow, 119991

ORCID: <https://orcid.org/000-0001-8753-4168>

e-mail: victoryvk@gmail.com

For citation:

Krasnykh, V.V. (2021) Functional-Cultural Illiteracy: Another “Civilizational Risk”? (Continuing the Conversation with Yu.A. Sorokin). *Journal of Psycholinguistics*. 2 (48), pp. 58–73 . Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-58-73 (in Russian)

УДК 81.23

ББК 81.003

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-74-85

Научная статья

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ВОСПРИЯТИЯ РУССКИХ И ВЬЕТНАМЦЕВ РУССКИМИ РЕСПОНДЕНТАМИ¹

Памяти Ю.А. Сорокина

Марковина Ирина Юрьевна

Институт лингвистики и межкультурной коммуникации Сеченовского университета,
Москва, Россия

Матюшин Алексей Аркадьевич

Институт лингвистики и межкультурной коммуникации Сеченовского университета,
Москва, Россия

Ленарт Иштван

Институт лингвистики и межкультурной коммуникации Сеченовского университета,
Москва, Россия

Фам Хьен

Институт лингвистики, Академия социальных наук Вьетнама, Ханой, Вьетнам

Аннотация

Авторы рассматривают исследование, представленное в данной публикации, как развитие теоретических подходов к изучению процессов этнической идентификации и самоидентификации, сформулированных Ю.А. Сорокиным в серии работ под общим названием «Этническая конфликтология» [Сорокин 1994; 2007 и др.].

В рамках предварительного этапа масштабного исследования, посвященного изучению отраженных в языке и культуре взаимных преставлений русских и вьетнамцев, были реконструированы этнические «портреты» и «автопортреты» на материале, полученном от российских респондентов. Участниками опроса стали студенты Сеченовского университета ($n = 109$), составившие гомогенную группу в плане языковой и культурной принадлежности. Исследование проводилось методом анкетирования.

Сравнительный анализ полученных результатов позволил выявить отдельные сходные черты и различия в характерологическом «автопортрете» русского и «портрете» вьетнамского народов. Так, в число десяти наиболее упоминаемых российскими респондентами качеств обоих народов входит лишь *доброта*. Помимо данного качества, доминирующими характеристиками для русского народа является *терпеливость* и *смелость*, а для вьетнамского – *трудолюбие* и *веселость*. В отдельных случаях отсутствие предположений о коллективных чертах характера вьетнамского народа были компенсированы отсылками к специфике *внешности, национальной еды и материальной культуры*.

Показано, что в антропонимическом «автопортрете» русских ведущее место занимает категория *писатели и поэты (русская литература)*, при этом среди наиболее частотных ответов присутствуют такие категории, как *ученые, политические*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ВАОН № 21-512-92001\21

деятели и космонавты. Отмечается, что современные российские антропонимы упоминаются респондентами существенно реже, чем исторические фигуры. Для персонифицированного «портрета» вьетнамского народа наиболее частым был немотивированный отказ, а основным аргументом мотивированных отказов являлся недостаток информации о Вьетнаме.

Авторы рассматривают настоящую работу как развитие подходов к изучению процессов этнической идентификации и самоидентификации, обобщенных и во многом впервые теоретически проинтерпретированных Ю.А. Сорокиным. Предполагается, что развитие данного международного исследовательского проекта позволит получить более детализированную информацию об этнических «портретах» и «автопортретах» русских и вьетнамцев и подтвердить предположение Ю.А. Сорокина о том, что характерологические и антропонимические характеристики народа в составе этнического «портрета» и «автопортрета» являются редуцированными и носят атрибутивный характер.

Ключевые слова: этническая идентификация и самоидентификация, межкультурный диалог Россия-Вьетнам, антропонимический портрет, характерологический портрет

Введение

Цели и задачи Российской Федерации в области взаимодействия с зарубежными странами наиболее полно отражены в Концепции внешней политики, одним из ключевых положений которой является «содействие развитию конструктивного диалога и партнерства в интересах укрепления согласия и взаимообогащения различных культур и цивилизаций» [Концепция... [http](#)]. Следует отметить, что установление эффективного межкультурного диалога и оптимального межнационального взаимодействия на различных уровнях не представляется возможным без глубокого взаимопонимания представителей контактирующих народов. Рациональное построение таких отношений, опирающееся на результаты фундаментальных и прикладных исследований, будет не только способствовать усилению роли Российской Федерации в мировом культурно-гуманитарном, образовательном и научном пространстве, но и создаст предпосылки для более тесной интеграции в иных областях, имеющих важное национальное значение [Guiso 2006]. Одним из ключевых партнеров России в Азиатско-Тихоокеанском регионе является Вьетнам [Российско-вьетнамские отношения... 2013].

На протяжении более 70 лет обе страны, обладающие богатой культурой, со своим национальным колоритом, остаются в дружеских отношениях, что особенно актуально в контексте быстрых и непредсказуемых изменений в регионе и мире. Вместе с тем, дальнейшее развитие взаимовыгодных отношений в области культуры [Кобелев 2017], а также здравоохранения и образования [Жидких, Каримова 2018] являются предпосылками для проведения комплексных, в том числе лингвистических (этнопсихолингвистических), исследований.

Сферы сознания и культуры неразрывно связаны с понятием «речевая деятельность»; разрабатываемая отечественной школой психолингвистики концепция языкового сознания – отражения деятельности в ее обусловленности когнитивными процессами и актуализация этих отношений в коммуникации – органично объединяет в себе все три понятия. Предполагается, что образ окружающего мира зависит от культуры, к которой принадлежит индивид, находит отражение в языковом сознании и обладает определенной стабильностью.

Объективный окружающий мир находит отражение в субъективном сознании представителей разных народов, в том числе языковом, при этом наиболее сильно на данную субъективность влияет культурно-специфическая составляющая. Каждый народ видит окружающий мир через призму национальной культуры, формирующей, в том числе и самовосприятие народа [Chiao 2010], восприятие других народов [Агеев 1985] и окружающего мира в целом [Kastanakis, Voyer 2014; Иконникова 1995]. Выявление данной специфики восприятия, отраженной, в национальных культурах и языках, возможно при помощи различных количественных и качественных экспериментальных методик.

Следует отметить, что комплексные лингвокультурологические исследования взаимных представлений русского и вьетнамского народов до настоящего времени не проводились, а имеющиеся носят несистемный разрозненный характер – от эмпирических наблюдений над особенностями вербального и невербального поведения [Lenart 2013], до фрагментарных сопоставительных исследований языков и культур [Lenart 2016] или изучения исторических связей между двумя странами и культурами, где так или иначе затрагиваются вопросы представления и понимания народами друг друга. Исходя из этого, актуальным является проведение исследования, направленного на изучение реально функционирующих в языке и культуре взаимных представлений русских и вьетнамцев, как образов обыденного сознания носителей соответствующих языков.

Целью настоящей работы, проводимой в рамках пилотного этапа международного исследования, являлось получение материала, отражающего характерологические и персонифицированные (антропонимические) «портреты» двух народов, сформировавшиеся в языковом сознании русских.

Материалы и методы

В пилотном этапе исследования, проводившемся в г. Москве, участвовала одна группа: студенты Сеченовского университета (Первый московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова). Общий объем выборки составил 109 человек в возрасте от 17 до 25 лет, при этом соотношение респондентов женского и мужского пола составило 3,32:1. Для подавляющего большинства респондентов ($n = 104$; 95,4%) русский язык являлся родным языком и лишь несколько человек владели другими языками народов России ($n = 5$; 4,59%). Таким образом, мы можем предположить, что выборка была гомогенной с точки зрения получаемых данных об этнокультурных образах сознания.

С целью сбора данных для реконструкции этнического «портрета» вьетнамского народа и «автопортрета» русского народа и последующего проведения ассоциативного эксперимента, использовался метод анкетирования. Анкеты заполнялись в электронном виде, в присутствии одного из исследователей, дабы избежать использования в ходе заполнения посторонних информационных ресурсов. Основная часть анкеты была разделена на два блока – «русские как народ» и «вьетнамцы как народ».

Принимая во внимание рассмотрение имен собственных как набора фондовых и фоновых знаний, неразрывно связанных по принципу ассоциирования с культурно-историческим восприятием, в анкету были включены вопросы о личностях, символизирующих собой русский и вьетнамский народы. Ответы составили антропонимический образ каждого из народов (персонифицированный «портрет» и «автопортрет»).

Результаты и обсуждение

Всего было получено 482 ответа для блока «русские как народ» и 261 ответ для блока «вьетнамцы как народ». Обрабатывались все ответы, вне зависимости от частотности. Все полученные ответы были проанализированы и объединены по принципам синонимии в 44 категории (обобщенные качества) для качеств русского народа и 41 категорию – для качеств вьетнамского народа. Категории качеств, наиболее часто упоминаемые в обоих блоках, приведены в Таблице №1.

Таблица №1

Наиболее часто упомянутые категории качеств русских и вьетнамцев

№ п/п	Качества русского народа («автопортрет»)	% упоминаний	Качества вьетнамского народа («портрет»)	% упоминаний
1	Доброта	8,51	Трудолюбие	8,43
2	Терпеливость	6,85	Доброта	6,13
3	Смелость	6,85	Веселость	4,60
4	Целеустремленность	6,64	Хитрость	3,83
5	Негативные черты суммарно	6,43	Открытость	3,83
6	Гостеприимство	4,98	Внешний вид	3,45
7	Сила	4,15	Предприимчивость	3,45
8	Сплоченность	3,94	Еда	3,07
9	Трудолюбие	3,53	Общительность	3,07
10	Ум	3,11	Консервативность	3,07

Сравнительный анализ полученных результатов показывает, что русские видят себя, прежде всего, как народ *добрый* (8,51%), *терпеливый* (6,85%) и *смелый* (6,85%). В характерологическом портрете вьетнамцев доминируют такие качества, как *трудолюбие* (8,43%), *доброта* (6,13%) и *веселость* (4,60%). Примечательно, что при отсутствии кардинально полярных мнений, в десятку наиболее упоминаемых качеств обоих народов входит лишь *доброта*.

Среди общих качеств, упомянутых более трех раз, в характерологических портретах русского и вьетнамского народов присутствует *терпеливость* (6,85% и 0,77%, соответственно), *смелость* (6,85% и 0,77%), *целеустремленность* (6,64% и 2,68%), *гостеприимство* (4,98% и 1,15%), *сила* (4,15% и 0,77%), *сплоченность* (3,94% и 2,30%), *трудолюбие* (3,53% и 8,43%), *ум* (3,11% и 0,77%), *открытость* (3,11% и 3,83%), *патриотизм* (2,70% и 1,15%), *консервативность* (2,28% и 3,07%), *беззаботность* (2,07% и 1,92%), *веселость* (1,87% и 4,60%), *искренность* (1,87% и 2,30%), *активность* (1,45% и 3,07%), *индивидуализм* (1,94% и 2,30%), *культура* (1,04% и 2,30%), *авантюризм* (1,04% и 0,77%), *необычность* (0,83% и 1,92%), и *вежливость* (0,62% и 1,15%). Обобщенные (не отнесенные к другим категориям) негативные черты русского и вьетнамского народов составили 6,43% и 1,15%, соответственно. Вне категорий осталось 2,49% само-характеристик русских и 6,13% характеристик вьетнамцев.

Анализ результатов позволяет не только выявить сходные черты в двух характерологических портретах, но и сделать предварительные выводы о зафиксированных различиях. Так, согласно полученным данным, для русского народа характерна, скорее, *пассивность* (2,90%), в то время как для вьетнамского – *активность* (3,07%). Отсутствие конкретных предположений о коллективных чертах характера вьетнамского народа в ряде случаев были компенсированы отсылками к специфике *внешности* его представителей (3,45%), *национальной еды* (3,07%) и *материальной культуры* (1,92%). Несмотря на *военное прошлое* (2,68%) вьетнамскому народу присуще *миролюбие* (1,15%), а *индивидуализм* и *сплоченность* характерны в равной степени (по 2,30%). Необычность (1,92%) вьетнамцев описывалась как *непонятность; загадочность; странность; другие, не русские*.

Сходным образом обрабатывались данные для реконструкции персонализированных (антропонимических) «портретов» русского и вьетнамского народов ($n = 351$ и $n = 107$, соответственно). Все полученные ответы мы объединили в 12 категорий в соответствии со сферой деятельности персоналии: писатели и поэты (русская литература), политические деятели, ученые, общественные деятели, космонавты, военачальники и герои войны, музыканты, художники, актеры и пр. Десять наиболее часто упоминаемых отечественных персоналий приведены в Таблице 2.

Таблица №2

Наиболее часто упомянутые персоналии русского народа

№ п/п	Персоналии русского народа	% упоминаний
1	Пушкин	11,97
2	Петр I	8,83
3	Менделеев	5,98
4	Гагарин	5,70
5	Ломоносов	4,56
6	Путин	4,27
7	Толстой	4,27
8	Достоевский	3,13
9	Сеченов	3,13
10	Ленин	2,28

Как следует из полученных данных, российский народ по-прежнему воспринимается самими россиянами как народ великой литературы: антропоним *А.С. Пушкин* занимает первое место (11,97%) среди всех упомянутых респондентами личностей, а в совокупности с именами *Л.Н. Толстого* и *Ф.М. Достоевского* категория представителей русской литературы занимает первое место не только в десятке самых частотных ответов (35,79%), но и выводит всю категорию на первое место.

Современные *писатели* (1,87%), *ученые* (0,93%), *музыканты* (1,87%), *актеры* (0,93%), и *медийные персоны* (0,93%) упоминаются существенно реже, нежели исторические фигуры, что подчеркивает фундаментальное значение культурного фонда по сравнению с культурным фоном при создании российскими респондентами

персонифицированного «автопортрета». Напротив, действующий *президент* (4,27%) и *общественные деятели* (суммарно 17,76%) упоминаются более часто. Единственным исключением является певица *Манижа* (5,61%), однако, данное исключение следует признать элементом современного культурного фона, актуального на момент проведения анкетирования. Распределение всех полученных ответов по группам представлено на Рисунке 1.

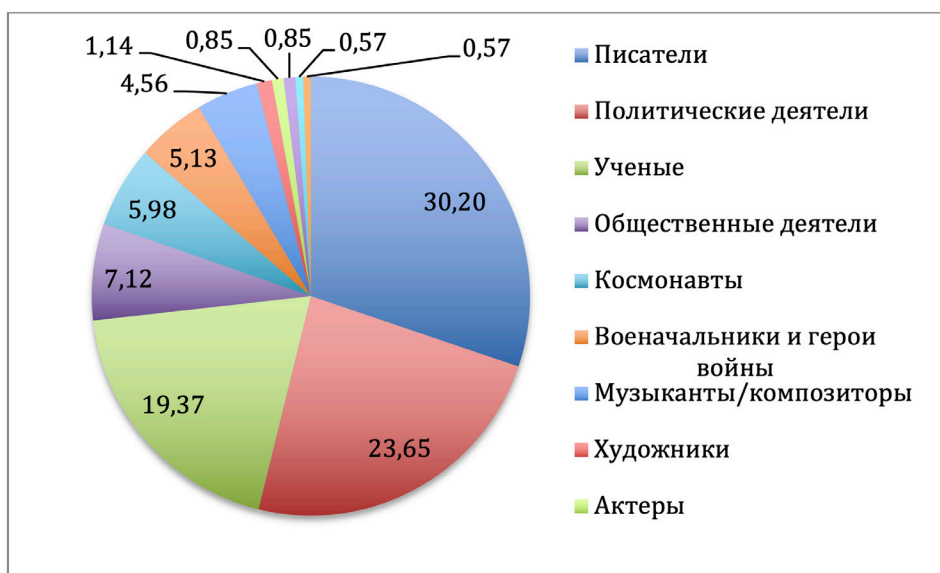

Рис. 1. Распределение по группам персоналий русского народа (в %)

Для персонифицированного «портрета» вьетнамского народа наиболее частым был немотивированный отказ ($n = 69$). Из персоналий были упомянуты *Хо Ши Мин* (13%), *Мэй Фуонг Туи* (Мисс Вьетнам – 2006; 0,93%), *Нгуен Минь Чьет* (экс-президент; 1,87%), *Чан Дык Лыонг* (экс-президент; 0,93%), *Нгуен Фу Чонг* (экс-президент; 0,93%) и *Фам Туан* (космонавт; экс-президент; 0,93%).

Любопытно, что в ответах также упоминается *Маунг Тин* (1,87%) – герой советского мультипликационного фильма «Дракон» (1961). Несмотря на то, что мультфильм основывался на вьетнамских легендах, данный ответ является, скорее, артефактом исследования, равно как и единичные ответы с упоминанием вьетнамских политических деятелей.

Основным аргументом мотивированных отказов ($n = 9$) служит недостаток информации о Вьетнаме и, как следствие, о вьетнамских персоналиях вследствие отсутствия либо интереса, либо опыта взаимодействия с представителями данного народа. В одном случае упоминается внешняя схожесть всех вьетнамцев, в другом – отсутствие необходимой информации в интернет-мемах.

Заключение

В данном исследовании мы развиваем подходы к изучению процессов этнической идентификации и самоидентификации, обобщенные и во многом впервые теоретически проинтерпретированные Ю.А. Сорокиным в серии работ по общим названием «Этническая конфликтология» [Сорокин 2007]. Идентификацию и самоидентификацию Ю.А. Сорокин рассматривал как «оппозитивное и диалогическое единство» [Сорокин 2007: 46]. Такое понимание процессов приписывания тех или иных характеристик представителям собственного и другого этноса позволяет интерпретировать полученные нами результаты как демонстрирующие выраженные аксиологические установки авторов этнических «портретов и «автопортретов»», являющихся носителями конкретных языков и культур. Мы неоднократно подчеркивали, в том числе и в совместных с Юрием Александровичем работах, важность таких исследований для эффективного межкультурного диалога, основанного на взаимопонимании партнеров по коммуникации [Марковина, Сорокин 2011]. Выявляемые при изучении процессов этнической идентификации и самоидентификации «ментальные стереотипы» [Сорокин 2007: 46], несомненно, должны учитываться организаторами межкультурного общения.

В нашем масштабном фундаментальном исследовании мы планируем получить экспериментальные данные в поддержку гипотезы Ю.А. Сорокина о том, что этнические «портреты» и «автопортреты» в их характерологических и антропонимических версиях являются, во-первых, «сверхсложными аксиолого-когнитивными феноменами»; во-вторых, носят редуцированный и атрибутивный характер, что указывает на действие механизмов стереотипизации [Сорокин 2007: 60].

© **Марковина И.Ю., Матюшин А.А., Ленарт И., Фам Х., 2021**

Литература

Агеев В.С. Влияние факторов культуры на восприятие и оценку человека человеком // Вопросы психологии. 1985. Т. 3. С. 135–140.

Жидких А.А., Каримова М.И., Ширяев Н.А. Опыт сотрудничества России и Вьетнама в сфере образования во второй половине XX – начале XXI вв. // Вестник экономической безопасности. 2018 (2). С. 242–247.

Иконникова Н.К. Механизмы межкультурного восприятия // Социологические исследования. 1995. № 11. С. 26–34.

Кобелев Е.В. Российско-вьетнамское сотрудничество в области культуры // Культура и искусство Вьетнама: Сборник научных статей. М: Издательство «Форум». 2017. С. 10–24.

Концепция внешней политики Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 21.06.2021).

Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Культура и текст. Введение в лакунологию: учеб. пособие. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. 144 с.

Российско-вьетнамские отношения: современность и история. Взгляд двух сторон. / под. ред. Кобелева Е.В., Мазырина В.М. М: ИДВ РАН, 2013. 416 с.

Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология (Теоретические и экспериментальные фрагменты). Самара: Русский лицей, 1994. 94 с.

Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология (теоретические и экспериментальные фрагменты). М.: Институт проблем риска, 2007. 118 с.

Chiao J.Y., Harada T., Komeda H., Li Z., Mano Y., Saito D., et. al. Dynamic cultural influences on neural representations of the self. // *Journal of Cognitive Neuroscience*. 2010. 22(1). P. 1–11.

Guiso L., Sapienza P., Zingales L. Does Culture Affect Economic Outcomes? // *Journal of Economic Perspectives*. 2006. 20 (2). P. 23–48

Kastanakis M.N., Voyer B.G. The effect of culture on perception and cognition: A conceptual framework // *Journal of Business Research*. 2014. Vol. 67. 4. P. 425–433.

Lenart I. How do Vietnamese and Hungarian Businessmen Communicate? // *Hoi Thao Khoa Quoc Te Ngon Ngu Hoc Viet Nam trong Boi Canh Doi Moi va Hoi Nhap*, International Conference on the Linguistics of Vietnam in the Context of Renovation and Integration, ed.: Nguyen Van Hiep, Hanoi, 2013. P. 60–61.

Lenart I. Intercultural lacunae in Hungarian-Vietnamese communication, with emphasis on entrepreneurial interactions, doctoral dissertation at Eotvos University. 2016.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 23.05.2021

Дата принятия к печати: 24.06.2021

Сведения об авторах:

Марковина Ирина Юрьевна – кандидат филологических наук, профессор, директор Института лингвистики и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО Первый МГМУ имени И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет)

Контактная информация:

123242, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 3, стр. 1, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, Сеченовский Университет

ORCID: 0000-0001-6940-9443

e-mail: markovina_i_yu@staff.sechenov.ru

Матюшин Алексей Аркадьевич – кандидат фармацевтических наук, магистр лингвистики, старший преподаватель Центра изучения иностранных языков Института лингвистики и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО Первый МГМУ имени И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет)

Контактная информация:

123242, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 3, стр. 1, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, Сеченовский Университет

ORCID: 0000-0003-4683-1590

e-mail: matyushin@sechenov.ru

Иштван Ленарт – Ph.D., доцент Института лингвистики и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО Первый МГМУ имени И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет)

Контактная информация:

123242, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 3, стр. 1, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, Сеченовский Университет

ORCID: 0000-0003-3262-3803

e-mail: istvan_lenart@hotmail.com

Хьен Фам – Ph.D., руководитель отдела, Институт лингвистики Академии социальных наук Вьетнама

Контактная информация:

100118, Вьетнам, г. Ханой, ул. Ким Ма Тхьонг, 9а

ORCID: 0000-0003-1710-4597

e-mail: phamhieniol@gmail.com

Для цитирования:

Марковина И.Ю., Матюшин А.А., Ленарт И., Фам Х. Экспериментальное изучение восприятия русских и вьетнамцев русскими респондентами // Вопросы психолингвистики №2(48) 2021, С. 74–85, doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-74-85

UDC 81’23

LBC 81.003

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-74-85

Research article

**PERCEPTION OF RUSSIANS AND VIETNAMESE BY RUSSIAN RESPONDENTS:
AN EXPERIMENTAL STUDY¹**

In memory of Yuri Sorokin

Irina Yu. Markovina

Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russian Federation

Alexey A. Matyushin

Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russian Federation

Istvan Lenart

Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russian Federation

Hien Pham

Institute of Linguistics, Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi, Vietnam

Abstract

The authors view the research presented in the article as the further elaborating on the investigational approaches to ethnic identification and self-identification processes developed by Yu. Sorokin (a series of works under the title of “Ethnic conflictology”).

The article describes preliminary results of the experimental study aimed at investigating the Russian-Vietnamese mutual perceptions found in the corresponding languages and cultures. Students of Sechenov University (n = 109) took part in the questionnaire-based pilot study providing qualitative data for the reconstruction of ethnic “self-portraits” and

¹ The reported study was funded by RFBR and VASS, project number 21-512-92001\21.

“portraits” of Russians and Vietnamese. The study group was regarded homogeneous in terms of their linguistic and cultural background.

The comparative analysis of the results obtained showed both common and specific characteristics that comprised characterological “portrait” of the Vietnamese and “self-portrait” developed by the Russian respondents. For instance, *kindness* turned out to be the only common characteristics included by the respondents in both “portraits”. The most frequent mentions in the Russian self-identification were *patience* and *courage*, while the Vietnamese were described as *hard-working* and *joyful*. Specific *appearance*, *national food*, and *material culture* were mentioned to make up for the lack of ideas about the Vietnamese generalized (collective) character traits.

The Russian anthroponymic “self-portrait” included the following categories: *writers and poets (Russian literature)*, *scientists, political leaders*, and *cosmonauts*. The authors point out that historical figures of Russia were mentioned by the respondents more often than contemporary anthroponyms. Personified “portrait” of the Vietnamese nation was substantially undercharacterized; as the majority of respondents stated lack of knowledge about the Vietnamese culture and provided no names at all.

It is believed that this large-scale international research project will provide new data on the Russian-Vietnamese mutual perceptions as a result of the processes of ethnic identification and self-identification. The research aims to develop Yuri Sorokin’s hypothesis that ethnic “portraits” and “self-portraits” demonstrate axiological and cognitive attitudes of their authors and have reduced and attributive nature.

Keywords: ethnic identification and self-identification, intercultural Russian-Vietnamese dialogue, anthroponymic portrait, characterological portrait

References

Ageev, V. S. (1985) *Vliyanie faktorov kul'tury na vospriyatie i otsenku cheloveka chelovekom* [The effect of cultural factors on mutual perception and judgement]. *Voprosy Psichologii*. 3, pp. 135–140. (In Russian).

Chiao, J. Y., Harada, T., Komeda, H., Li, Z., Mano, Y., Saito, D., et. al. (2010) Dynamic cultural influences on neural representations of the self. *Journal of Cognitive Neuroscience*. 22(1), pp. 1–11.

Guiso, L., Sapienza, P., Zingales, L. (2006) *Does Culture Affect Economic Outcomes?* *Journal of Economic Perspectives*. 20(2), pp. 23–48.

Ikonnikova, N. K. (1995) *Mekhanizmy mezhkul'turnogo vospriyatiya* [Intercultural perception mechanisms]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*. (11), pp. 26–34. (in Russian).

Kastanakis, M. N., Voyer, B. G. (2014) The effect of culture on perception and cognition: A conceptual framework. *Journal of Business Research*. 67(4), pp. 425–433.

Kobelev, E. V. (2017) *Rossiisko-v'etnamskoe sotrudnichestvo v oblasti kul'tury* [Russian-Vietnamese cultural cooperation]. In: *Kul'tura i iskusstvo V'etnama* [Vietnamese culture and art]: Collection of scientific articles. Moscow, Izdatel'stvo “Forum” publ., pp. 10–24. (in Russian).

Kobelev, E. V., Mazyrin, V. M. (eds.) (2013) *Rossiisko-v'etnamskie otnosheniya: sovremennost' i istoriya. Vzglyad dvukh storon* [Russian-Vietnamese relations: the present and history. A view from both sides]. Moscow, IDV RAN publ. 415 p. (in Russian).

Kontseptsiya vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii [Foreign Policy Concept of the Russian Federation]. Available from: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_

publisher/CptICk6BZ29/content/id/2542248 (Accessed: 21st June 2021). (in Russian).

Lenart, I. (2013) How do Vietnamese and Hungarian Businessmen Communicate? In.: Nguyen Van Hie (ed.) *Hoi Thao Khoa Quoc Te Ngon Ngu Hoc Viet Nam trong Boi Canh Doi Moi va Hoi Nhap, International Conference on the Linguistics of Vietnam in the Context of Renovation and Integration*, pp. 60–61.

Lenart, I. (2016) *Intercultural lacunae in Hungarian-Vietnamese communication, with emphasis on entrepreneurial interactions*, Doctoral dissertation at Eotvos University.

Markovina, I. Yu., Sorokin, Yu. A. (2010) *Kul'tura i tekst. Vvedenie v lakunologiyu: ucheb. posobie* [Culture and Text. Introduction to Lacunology: a textbook]. Moscow, GEOTAR-Media publ. 144 p. (in Russian).

Sorokin, Yu.A. (1994) *Etnicheskaya konfliktologiya (teoreticheskie i eksperimental'nye fragmenty)* [Ethnoconflictology (theoretical and experimental fragments)]. Samara: Russkii litsei, 1994. 94 p. (in Russian).

Sorokin, Yu. A. (2007) *Etnicheskaya konfliktologiya (teoreticheskie i eksperimental'nye fragmenty)* [Ethnoconflictology (theoretical and experimental fragments)]. Moscow, Institut problem riska Publ. 118 p. (in Russian).

Zhidkih, A. A., Karimova, M. I., Shiryayev, N. A. (2018) The experience of cooperation between Russia and Vietnam in the field of education in the second half of the XX – early XXI century. *Economic Security Bulletin*. (2), 242–247. (in Russian).

© Markovina I.Yu., Matyushin A.A., Lenart I., Pham H., 2021

Article history:

Received: 23.05.2021

Accepted: 24.06.2021

Bionotes:

Irina Yu. Markovina – Ph. D. in Linguistics, Professor, Director, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov First Moscow State Medical University

Contact information:

3-1 Sadovaya-Kudrinskaya, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov University, Moscow, Russian Federation, 123242

ORCID: 0000-0001-6940-9443

e-mail: markovina_i_yu@staff.sechenov.ru

Alexey A. Matyushin – Ph.D. in Pharmacy, MA in Linguistics, Senior Lecturer, Center for Language Learning, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov First Moscow State Medical University

Contact information:

3-1 Sadovaya-Kudrinskaya, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov University, Moscow, Russian Federation, 123242

ORCID: 0000-0003-4683-1590

e-mail: matyushin@sechenov.ru

Istvan Lenart – Ph.D., Associate Professor, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov First Moscow State Medical University

Contact information:

3-1 Sadovaya-Kudrinskaya, Institute of Linguistics and Intercultural Communication,
Sechenov University, Moscow, Russian Federation, 123242

ORCID: 0000-0003-3262-3803

e-mail: istvan_lenart@hotmail.com

Hien Pham – Ph.D., Head of Department, Institute of Linguistics, Vietnam Academy of
Social Sciences

Contact information:

9a Kim Ma Thuong. Hanoi, Vietnam, 100118

ORCID: 0000-0003-1710-4597

e-mail: phamhieniol@gmail.com

For citation:

Markovina, I.Yu., Matyushin, A.A., Lenart, I., & Pham, H. (2021) Perception of Russians and Vietnamese by Russian respondents: an experimental study. *Journal of Psycholinguistics*. 2 (48), pp.74–85. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-74-85 (in Russian)

УДК 81.006

ББК 008 24.00.01

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-86-95

Научная статья

Ю.А. СОРОКИН: ТЕКСТ КАК САМОРАЗВИВАЮЩАЯСЯ СУЩНОСТЬ

Пищальникова Вера Анатольевна

ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»,
Москва, Россия

Аннотация

Идеи Ю.А. Сорокина во многих областях психолингвистики сохраняют актуальность. Специфика концепции понимания текста Ю.А. Сорокина определяется, с одной стороны, ее глубокой связью с традициями мировой психологии и лингвистики, с другой – вниманием к особенностям деятельности человека, неотделимого от бытия в культуре и продуктов своей деятельности, в том числе речевой. Рассматривая текст как саморазвивающуюся сущность, Ю.А. Сорокин считал наиболее эффективной методологией анализа художественного текста «психосемантическую гносеологию». Она основана на законах восприятия и понимания текста, сформулированных Н.А. Рубакиным. Ю.А. Сорокин понимает текст как форму субстантивации опыта, приобретаемого человеком во всех видах деятельности. Текст как совокупность знаков обладает потенциальным содержанием, которое формируется только в ходе интерпретации текста. Ю.А. Сорокин рассматривает ряд этнопсихолингвистических проблем, решение которых позволяет включить в теоретическое основание понимания текста следующие положения: индивид как представитель этноса присваивает этнически специфичные способы и средства освоения мира и репрезентирует этот опыт в речевой деятельности; семиотико-поведенческая сторона личности обнаруживает принадлежность её к культуре этноса и отражается в структуре и содержании созданных индивидом текстов; маркерами этничности выступают единицы языка, имеющие культурно-символическое содержание. Ю.А. Сорокин считает необходимым создание особых, «неаналитических» методов анализа текста, адекватных его свойствам как самоорганизующейся системы. Это, прежде всего, поиск инструментов измерения субъективных оценок, отражающих «аксиологические форматы» понимания или непонимания текста (например, метод семантического интеграла).

Ключевые слова: понимание текста, смысл, этнопсихолингвистическая герменевтика, методология, методы субъективной оценки текста

Человеческая речь в любой ее форме – устной или письменной – не есть сам смысл. Она существует вне и помимо него и служит лишь пусковым механизмом, позволяющим ему проявляться и быть.

Ю.А. Сорокин

Введение

В концепции художественного «текста как саморазвивающейся сущности» [Сорокин 1993:164] Ю.А. Сорокина результативно объединились поэтический талант ученого,

эффективные поиски фундаментальных положений теории понимания художественного текста, стремление к разработке непротиворечивого интерпретативного концептуального аппарата. Исследователь естественно связывает свою концепцию понимания текста с традициями «представителей неогумбольдтианства и этнолингвистики», в работах которых «неоднократно высказывалась идея невозможности установления точного смысла высказываний вообще <...> развивалась мысль о невозможности обмена адекватной информацией между носителями одного языка» [Сорокин 1983: 244].

Может быть, несмотря на развитие отечественной психолингвистики, акцентирующей деятельностную сторону текста как продукта речесмыслопорождения, время этой концепции в 1980-е гг. еще не пришло, хотя она была логичным продолжением целого ряда исследований художественного текста и теории речевой деятельности. Несмотря на назревающую в языкознании «смену парадигмы» на антропоцентрическую, мысль о противопоставленности человека вербальной (семиотической) среде (языку) остается в эти годы доминирующей. Принципиально иное дело – рассматривать речь как неотделимое от человека онтологическое свойство, а самого человека не противопоставлять ни результатам его речевой деятельности (в том числе тексту), ни коммуникативно-культурной среде, в которой она осуществляется.

Истоки и теоретические основания психогерменевтической концепции текста Ю.А. Сорокина

При таком подходе объектом изучения становится «мир человеческого общения», репрезентированный в текстах разного вида, которые сами по себе «автономны и самодостаточны, но в то же время не существуют вне затекстового пространства и находятся с ним в отношениях взаимодополнительности» (точнее в рамках современной психопэтики: взаимодействия. – В.П.) [Сорокин 1993: 164]. Под затекстовым пространством понимается человеческая деятельность, средством осуществления которой оказывается язык, а продуктом – текст. Таким образом, принимаемая исходная терминология позволяет Ю.А. Сорокину сохранять структурное и содержательное единство «мира человеческого общения», в случае с художественным текстом приобретающего вид триады «автор – текст – читатель». Деятельность человека, в том числе и речевая, – это «генератор вербального и невербального опыта», а тексты – формы опредмечивания и стабилизации этого опыта, «причем и синхронические, и диахронические формы принципиально “открыты” и совмещаемы, служа или культурно историческим и социально-психологическим фоном, или культурно историческим и социально-психологическим фондом, предопределяющими характер аксиологичности и телеологичности процессов общения» [Сорокин 1993: 164]. Именно опыт позволяет индивиду специфически интерпретировать текст, и другого пути, кроме «субъективного», просто нет.

Ю.А. Сорокин подчеркивает важность для него мысли Н.А. Рубакина о том, что у текста нет собственного смысла / значения (в 1980-е гг. эта мысль воспринималась как вполне допустимая разве что только частью наших логиков, см., например, [Павиленис 1983]), но в лингвистике была весьма непопулярной. Еретичной эту мысль называл Ю.А. Сорокин и для конца 1990-х гг. [Сорокин 1999: 15]).

В качестве эффективной методологии текста Ю.А. Сорокин предлагает переинтерпретированные в терминах психолингвистики «психосемантическую гносеологию» и «библиопсихологические законы» Н.А. Рубакина (в частности, законы Гумбольдта-Потебни, Семона и Тэна).

Суть первого состоит в следующем: текст как совокупность знаков обладает лишь потенциальным содержанием, которое приобретает только в ходе интерпретации текста, и, как следствие, смыслового переструктурирования его реципиентом. Поэтому содержание /значение/смысл любого текста создается в совокупности возможных его осмыслений (авторское – одно из них). Отсюда и представление «о художественном тексте как потенциально плюралистическом состоянии знаков в их содержательно-формальном аспекте» [Сорокин 1985: 29]. Ю.А. Сорокин настойчиво включает термины ‘содержание’ /’значение’/ ‘смысл’ в синонимические ряды, словно желая заставить читателя понять важную для исследователя идею с опорой на известные реципиенту понятия, близкие по содержанию термину ‘смысл’, который впоследствии вытеснит в работах ученого все другие.

Второй закон: представленное выше понимание текста обусловлено спецификой нейрофизиологической базы человека. В понятиях Н.А. Рубакина, весь опыт человека – вербальный и невербальный – хранится в мозгу человека в виде энграмм: следов взаимодействия с миром, репрезентированных в мозгу, которые, в силу ассоциативности мышления, организуются в мнемы – в компоненты его опыта, способные объединяться в «мнемические ансамбли». Качественно-количественный состав мнем неодинаков в силу индивидуальности ассоциативно-апперцепционного характера содержания сознания, поэтому различны и проекции одного и того же текста в восприятии разных читателей: мнемы так или иначе определяют форму и характер понимания текста. И поскольку мышление человека в принципе вербально, язык специфически включен в этот опыт. Сейчас мы говорим о паттернах активации как следах ментальных событий, но по сути «мнемические ансамбли» Н.А. Рубакина – это попытка понять устройство памяти как, с одной стороны, «хранилища» опыта человека, с другой – как базы для любого вида деятельности, в том числе и речевой. Поскольку опыт человека всегда специфичен в силу разных причин, само содержание энграмм и их объединения всегда индивидуальны (что неоднократно подтверждено данными современной нейрофизиологии). Именно «текучесть, разнородность и разноценность опыта, его различная глубина и мощность и позволяют в устной или письменной человеческой речи слышать или видеть не одно и то же» [Сорокин 1999:17]. Вместе с тем принципиально единая нейрофизиологическая база и сходство конфигурации «мнемических ансамблей» как базовых составляющих ментальности индивида позволяет объединять людей в определенные психобиологические типы, детерминирующие «инвариантность реакций на текст» [Сорокин 1993:165]. Психобиологические типы отличаются «мощностью» и «богатством» мнем, а сходство их конфигурации детерминирует инвариантность понимания текста.

При этом Н.А. Рубакин считает одним из определяющих факторов понимания способ его оценки, а Ю.А. Сорокин, в полном соответствии с положениями теории речевой деятельности А.А. Леонтьева, говорит о совокупности «аксиологических форматов и форматов понимания/ непонимания», которые должны быть представлены в тексте, правда, не раскрывая, что подразумевается под последними. «Аксиологические форматы» он предлагает измерять методом семантического интеграла, поскольку семантический дифференциал Ч. Осгуда ограничен в своем применении возможностью оценивать отдельные единицы текста и вне этого текста. К тому же, текст «может накладывать на оценку этих единиц в силу смежности семантического пространства» их с пространствами других единиц [Сорокин 1974: 122], а семантический дифференциал

позволяет «оценивать текст как некоторое понятийно-языковое единство» [Сорокин 1974: 122], специфика которого может быть установлена и с помощью выявления набора оценок, составляющих «семантический профиль того или иного реципиента». Эта мысль Ю.А. Сорокина об «аксиологических форматах текста» и характере их проявления будет развита и в положении об эмоциональной доминанте художественного текста как необходимой смыслопорождающей и структурообразующей [Пищальникова 1992], базирующейся на теории функциональных систем П.К. Анохина и теории функциональной доминанты А.А. Ухтомского, с одной стороны, и теории речевой деятельности – с другой. О важности установления субъективных оценок текста Ю.А. Сорокин постоянно подчеркивает и в работах, связанных с установлением авторства текста.

В рамках третьего закона для Н.А. Рубакина важно влияние «расы, среды и момента», соотношение которых он не определяет четко, однако Ю.А. Сорокин аргументирует необходимость отказаться от расы как антропологического понятия, которое может так или иначе детерминировать смысл текста. Он предлагает исследовать другое понятие – этнос как форму существования этнопсихологического типа. (Вопросы в этой проблемной области сейчас решаются с использованием понятий этнической идентичности, ментальности и др. См., например: [Пищальникова 2009]). Ю.А. Сорокин подчеркивал, что «этнический организм и его лингвокультурологический субстрат существует в определенных пространственных и временных границах, причем соотношение между этнической и органической (природной) и неорганической (неприродной, лингвокультурной) энергией парадоксально: исчерпание первой отнюдь не означает исчерпания другой» [Сорокин 1993: 167]. Это возможно потому, что «лингвокультурная энергия» фиксируется, стабилизируется в различных семиотических продуктах. Отсюда индивид как их носитель может рассматриваться как совокупность таких «опредмеченных» компонентов лингвокультурной энергии. Эта позиция позволяет Н.А. Рубакину исследовать текст, с одной стороны, как репрезентированное содержание сознания индивида, способное воздействовать на иное сознание, с другой – предполагать возможность моделирования содержания авторского сознания или его фрагментов по тексту. Этнос существует не только как «природное» образование, но и в форме лингвистических и культурологических «привычек» (норм, традиций), которыми характеризуется каждый индивид. «Совокупность таких “привычек”, их спецификация и характер, их взаимосвязь и взаимозависимость и составляют тот слой этнического бытия, который рассматривается носителями языка – осознанно или неосознанно – как их неотъемлемое свойство, позволяющее смотреть на самих себя как на лингвокультурную общность» [Пищальникова, Сорокин 1993: 166].

На основе понимания текстов возможно моделирование не только личности автора, но и «ментального контекста возникновения и развития» [Сорокин 1993: 174] литературы в целом. Сейчас положение о том, что художественный текст оказывает тем большее воздействие на читателя, чем более близка психическая организация автора и реципиента, воспринимается как тривиальное, но Н.А. Рубакин писал об этом, по крайней мере, начиная с 1895 г., когда вышли в свет «Этюды о русской читающей публике» [Рубакин 1895].

Текст как продукт деятельности этнической личности

Показательно осмысление Ю.А. Сорокиным собственно этнопсихолингвистических проблем, решение которых позволило бы включить в теоретическое основание

понимания текста как продукта этноса положения этнопсихолингвистики. В 1999 г. он объединит «библиопсихологические и этнокультурные сюжеты» в одной книге, в аннотации к которой будет написано: «для широкого круга читателей, задумывающихся о материале, из которого построена литература, и о правилах, которым подчиняется ее понимание» [Сорокин 1999: 2]. Ученый предпринимает попытку определения фундаментальных положений этнопсихолингвистики, соотнося теорию пассионарности Л.Н. Гумилева, игровую теорию Й. Хейзинги и идею хронотопа М.М. Бахтина. На базе концепции Л.Н. Гумилева формируется понятие пассиоремы как «основной операциональной единицы синментальности и палеоментальности», «единицы описания классов неречевых поступков (но отнюдь не действий)» [Сорокин 2009 [http](#)]. (Ю.А. создавал огромное количество терминов: «...вчера придумал три термина, знаешь, крепкие такие», наверное, потому, что имеющиеся или не отражали содержания понятий, создаваемых для осмысления новых проблем, – а становление психолингвистической парадигмы постоянно требовало этого, или настолько утратили терминологичность вследствие частого и не всегда корректного употребления, что не удовлетворяли ученого.)

В этом случае этническое пространство может быть представлено как когерентная совокупность пассиорем. В их содержании отражены различные способы реорганизации этнического пространства, когда в утилитарно-ценностных этнических картинах мира проявляются культурные «потери и компенсации». Лексемы, фиксирующие эти процессы, могут стать единицами описания класса речевых действий. Ю.А. Сорокин считал, что такое понимание этнических пространств позволяет смоделировать их структуру и содержание, делая упор на (1) «межличностную и межгрупповую конгруэнтность, указывающую на пределы идентификации» [Сорокин [http](#)] и (2) семиотико-поведенческую сторону личности как проявление ее принадлежности к культуре этноса и, следовательно, как фактор, определяющий специфику восприятия мира. Поскольку такие проявления стихийны и принципиально бесконечны, между ними возникает «состояние игры-борьбы», маркерами которой выступают единицы языка, имеющие культурно-символическое содержание.

Таким образом, проецируя представленные положения на процессы понимания текста, можно, с одной стороны, выявить типы этнической ментальности, детерминирующей его. Одновременно, с другой стороны, идея этнического пространства и пассиорем как его составляющих позволяет выявлять и типологизировать семиотико-поведенческие свойства личности, определяющие характер понимания текста.

Идея пассиорем как устойчивых единиц (не элементов!) этнического пространства, отражающих национально-специфичные способы постижения и представления действительности, по мнению Ю.А. Сорокина, пересекается с идеями диалогичности и хронотопа – формально-содержательной категории, рассматриваемой М.М. Бахтиным в качестве безусловной взаимосвязи временных и пространственных отношений и существенно определяющей образ человека в литературе [Бахтин 1986]. Именно хронотоп М.М. Бахтина позволяет Ю.А. Сорокину актуализировать понятие «момента» Н.А. Рубакина, под которым понимаются «не просто эпохи и года», но «вообще коэффициент времени и вечная смена условий, порождаемые его течением», отраженные в конкретном опыте индивида, в его «мнемах», которые, пусть и весьма опосредованно, но влияют на содержание его мышления и речевые произведения.

Мысль о том, что именно индивид является специфическим пересечением временных и пространственных факторов, присвоенных им в виде пассивом, была для Ю.А. Сорокина определяющей и в характеристике проблем понимания текста, и в исследовании переводческой деятельности, и в изучении лакунизации общения. Ученый вводит в свою концептуальную систему, интерпретирующую его этнопсихолингвистические воззрения, новое понятие – хорохрон, который и отражает психологически актуальные смыслы культуры в деятельности индивида по присвоению, осмыслению реалий, в которых «опредмечены» пассивомы, в том числе и текстов.

Поэтому его определение художественного текста как «обладающего свойством непредсказуемости в некотором наборе воспринимаемых реципиентом текстов» [Сорокин 1977] можно считать вполне согласующимся с содержанием других понятий. Возможно, поэтому Ю.А. Сорокин по сути не изменял это определение: требование системности концепции всегда оставалось для него важнейшим. Критериями отграничения разных видов текста ученый называет механизм функционирования текста (остранение – неостранение), характер высказывания (правдоподобность или истинность), характер деятельности (деятельность – квазидеятельность), характер конечного продукта деятельности (конструирование или репродуцирование явлений и процессов) [Сорокин 1977].

Совершенно естественно, что представленная концепция требует разработки новых процедур анализа, и Ю.А. Сорокин предлагает разрабатывать «нормативно-оценочные подходы, позволяющие “объяснять” метафору метафорой, строить метафорическую речь и исследование, исходя из того, что культура есть *синергетическая и синестезическая данность*» [Сорокин 2009 <http>] (курсив наш. – В.П.), и для ее исследования аналитические методы оказываются неэффективными.

На основе своей концепции понимания текста как самоорганизующегося процесса, в который включены продуцент текста, сам текст и реципиент, Ю.А. Сорокин ставил перед собой вопрос, «является ли высказывание, сделанное на нескольких естественных языках, идентичным по смыслу» [Сорокин 2003:14] и строит свою теорию лакун, подчеркивая, что далеко не всегда опыт одной лингвокультурной общности можно дополнить или отождествить с опытом другой. Он подчеркивает, что, если перевод не учитывает способов интерпретации действительности, характерных для определенной локальной культуры, в нем искажается логика исходного текста и представление о специфике художественного мышления автора текста [Сорокин 1977].

Выводы

Национально-культурная специфика текста – одна из активно обсуждаемых проблем в рамках современной этнопсихолингвистики, исследующей вербальное опосредование этнически специфичного в сознании. Есть ли определенные закономерности представления в языке содержания и связей компонентов национальной культуры, детерминирует ли язык процесс овладения культурным знанием – на эти вопросы мы получим ответ только тогда, когда поймем специфику речевого действия как элемента смыслопорождения. Концепция Ю.А. Сорокина остается востребованной потому, что в ней представлена попытка понять способы действия со словом, детерминированные условиями деятельности и спецификой когнитивных, стабилизированных во внутренней форме языка. Актуальна мысль Ю.А. Сорокина о том, что системность культурных предметов может быть понятна только представителю данной культуры [Сорокин

1985], которая делает необходимым исследование еще одного вопроса – каким образом осуществляется переструктурирование имеющихся и формирование новых познавательных структур, в том числе и национально специфичных, в изменяющихся культурно-исторических условиях бытия этноса/социума.

© Пищальникова В.А., 2021

Литература

- Бахтин М.М.* Литературно-критические статьи. М.: Худож. лит-ра, 1986. 543 с.
- Пищальникова В.А.* Принципы выявления вербальной маркированности этногенетического типа // Горизонты психолингвистики. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию А.А. Залевской. Тверь, 2009. С. 220–228.
- Пищальникова В.А., Сорокин Ю.А.* Введение в психопэтику. – Барнаул, 1993. 209 с.
- Рубакин Н.А.* Этюды о русской читающей публике: Факты, цифры и наблюдения. СПб.: О.Н. Попова, 1895. 246 с.
- Сорокин Ю.А.* Оценка текстов методом семантического интеграла // Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. М.: Наука, 1974. С. 122–126.
- Сорокин Ю.А.* Художественная и историческая трансляция культуры // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. С. 114–120.
- Сорокин Ю.А.* Художественный текст как совокупность читательских оценок // Социология и психология чтения. Труды. Т. 15. М.: Книга, 1979. С. 194–199.
- Сорокин Ю.А.* Применение понятий «номинатор» и «оператор» к анализу текста как сложного знака (семантический анализ одной из притч Лю Баньнуна) // Психолингвистические проблемы семантики. М.: Наука, 1983. С. 241–256.
- Сорокин Ю.А.* Психолингвистические аспекты изучения текста. М.: Наука, 1985. 168 с.
- Сорокин Ю.А.* Почему живут и умирают книги? Библиопсихологические и этнокультурологические сюжеты. Самара: Самар. гуманитар. академия, 1999. 114 с.
- Сорокин Ю.А.* Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М.: Гнозис, 2003. 160 с.
- Сорокин Ю.А.* Попытка осмысления феномена культуры в рамках нового концептуального аппарата // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2010. № 21. С. 126–132. URL: http://tverlingua.ru/archive/21/10_21.pdf. Дата обращения 19.06.2021.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 06.06.2021

Дата принятия к печати: 19.06.2021

Сведения об авторе:

Пищальникова Вера Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение «Московский государственный лингвистический университет» (МГЛУ)

Контактная информация:

119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 38

ORCID: <https://orcid.org./000-002-0992-0466>

e-mail: pishchalnikova@mail.ru

Для цитирования:

Пищальникова В.А. Ю.А. Сорокин: текст как саморазвивающаяся сущность // Вопросы психолингвистики №2(48) 2021, С. 86–95, doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-86-95

UDC 81.006

LBC 008 24.00.01

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-86-95

Research article

**YURI A. SOROKIN:
TEXT AS A SELF-DEVELOPING ENTITY**

Vera A. Pishchalnikova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Abstract

Sorokin's ideas remain relevant in many areas of Psycholinguistics. The specificity of Sorokin's concept of text understanding is determined by its deep connection with traditions of world Psychology and Linguistics on one hand, and attention to human activity's specifics where a human being cannot be dissociated from being a part of culture and products of his/her activity (including speech activity), on the other hand. Examining the text as a self-developing entity, Sorokin considers "psychosemantic epistemology" to be the most effective methodology of a literary text's analysis. It is based on the laws of perception and understanding of a text formulated by Nikolay A. Rubakin. Sorokin believes that a text is a form of substantiation of experience gained by a human being in all sorts of activities. Text as an aggregate of signs has potential content that is formed only in the course of the text's interpretation. Sorokin studies a number of ethnopsycholinguistic issues, solutions to those issues enables inclusion of the following statements in the theoretical justification of understanding of a text: an individual as a representative of a certain ethnos appropriates ethnically specific ways and means of mastering the world and represents this experience in speech activity; the semiotic-behavioral side of the personality reveals its belonging to the culture of the ethnic group and is reflected in the structure and content of texts created by the individual; language units that possess cultural and symbolic meaning serve as markers of ethnicity. Sorokin considers it necessary to create special "non-analytical" methods of text analysis that would be adequate to its properties as a self-organizing system. First of all, it is the search for tools for measuring subjective assessments that reflect "axiological formats" of understanding or non-understanding of a text (e.g., method of semantic integral).

Keywords: understanding of a text, meaning, ethnopsycholinguistic hermeneutics, methodology, methods of subjective assessment of a text

References

Baxtin, M.M. (1986) *Literaturno-kriticheskie stat'i*. [Literary criticism]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura publ. 543 s. (in Russian).

Pishhal'nikova, V.A. (2009) *Principy` vy`yavleniya verbal`noj markirovannosti e`tnogeneticheskogo tipa* [Principles of identifying verbal marking of ethnogenetic type]. In: *Gorizonty` psixolingvistiki. Materialy` mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashhennoj 80-letiyu A.A. Zalevskoj* [Horizons of Psycholinguistics. Materials of the international scientific-practical conference dedicated to the 80th anniversary of A.A. Zalevskaya.]. Tver`. 220–228 (in Russian).

Pishhal'nikova, V.A., Sorokin, Yu.A. (1993) *Vvedenie v psixopoe`tiku*. [Introduction to Psychopoetics]. Barnaul. 209 p. (in Russian).

Rubakin, N.A. (1895) *E`tyudy` o russkoj chitayushhej publike: Fakty`, cifry` i nablyudeniya*. [Sketches about the Russian reading public: facts, numbers and observations]. Saint Petersburg: O.N. Popova. 246 p. (in Russian).

Sorokin, Yu.A. (1974) *Ocenka tekstov metodom semanticheskogo integrala* [Evaluation of texts by the method of semantic integral]. In: *Psixolingvisticheskie problemy` massovoj kommunikacii* [Psycholinguistic problems of mass communication]. Moscow, Nauka publ., pp. 122–126 (in Russian).

Sorokin, Yu.A. (1977) *Xudozhestvennaya i istoricheskaya translyaciya kul`tury`* [Artistic and historical broadcast of culture]. In: *Nacional`no-kul`turnaya specifika rechevogo povedeniya*. [National and cultural specifics of speech behaviour]. Moscow: Nauka. pp. 114–120 (in Russian).

Sorokin, Yu.A. (1979) *Xudozhestvenny`j tekst kak sovokupnost` chitatel`skix ocenok* [Literary text as an aggregate of readers' assessments]. In: *Sociologiya i psixologiya chteniya. Trudy`* [Sociology and psychology of reading. Proceedings]. Vol. 15. Moscow, Kniga publ. pp. 194–199 (in Russian).

Sorokin, Yu.A. (1983) *Primenenie ponyatij «nominator» i «operator» k analizu teksta kak slozhnogo znaka (semanticheskij analiz odnoj iz pritch Lyu Ban`nuna)* [Applying concepts “nominator” and “operator” to the analysis of text as a complex sign (semantic analysis of a parable by Liu Bannong)]. In: *Psixolingvisticheskie problemy` semantiki* [Psycholinguistic problems of semantics]. Moscow, Nauka publ, pp. 241–256 (in Russian).

Sorokin, Yu.A. (1985) *Psixolingvisticheskie aspekty` izucheniya teksta*. [Psycholinguistic aspects of a text study]. Moscow, Nauka publ. 168 p. (in Russian).

Sorokin, Yu.A. (1999) *Pochemu zhivut i umirayut knigi? Bibliopsixologicheskie i e`tnokul`turologicheskie syuzhety`*. [Why do books live and die? Bibliopsychological and ethnocultural plots]. Samara: Samarskaya gumanitarnayaakademiya. 114 p. (in Russian).

Sorokin, Yu.A. (2003) *Perevodovedenie: status perevodchika i psixogermenevticheskie procedury`*. [Translation studies: status of the translator and psychohermeneutic procedures]. Moscow, Gnozis. 160 p. (in Russian).

Sorokin, Yu.A. (2010) *Popytka osmysleniya fenomena kul`tury v ramkah novogo konceptual'nogo apparata* [An attempt to understand the phenomenon of culture in the framework of a new conceptual apparatus]. *Mir lingvistiki i kommunikacii: elektronnyj nauchnyj zhurnal*. (21), 126–132. Available from: http://tverlingua.ru/archive/21/10_21.pdf. [Accessed 19th June 2021] (in Russian).

© Pishchalnikova V.A., 2021

Article history:

Received: 06.06.2021

Accepted: 19.06.2021

Bionotes:

Vera A. Pishchalnikova – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Theory of Linguistics and Comparative Linguistics Department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Moscow State Linguistic University (MSLU)

Contact information:

Ostozhenka St., 38, Moscow, Russia, 119034

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0992-046>

e-mail: pishchalnikova@mail.ru

For citation:

Pishchalnikova, V.A. Yuri Sorokin: Text as a Self-Developing Entity. *Journal of Psycholinguistics*. 2 (48), pp. 86–95. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-86-95 (in Russian)

УДК 81.42+324

ББК 81+66.04

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-96-117

Научная статья

**ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ
КОНВЕРГЕНТНОГО ПРОСТРАНСТВА
КОНСТРУКТА УГРОЗЫ**

Романов Алексей Аркадьевич

Тверская государственная сельскохозяйственная академия,
Тверской государственный университет, Тверь, Россия

Новоселова Ольга Владимировна

Тверская государственная сельскохозяйственная академия,
Тверь, Россия

Аннотация

Статья посвящена разработке коммуникативного менасивного конструкта угрозы как когнитивного инструмента, базиса или способа истолкования и интерпретации, при помощи которого носитель языка может оценивать высказывания-угрозы, способные в силу своих манифестационных и функционально-семантических свойств оказывать различное воздействие на эмоциональное состояние собеседников и формировать у них переживания определенной интенсивности. Разработка коммуникативного конструкта угрозы позволяет определять лингвистические параметры семантического пространства вербальной угрозы в условиях социального взаимодействия собеседников и фиксировать в этом пространстве содержательные элементы, формирующие в ментальном пространстве языковой личности как когнитивного агента представление о вербальной угрозе.

В ходе исследования было показано, что коммуникативный конструкт угрозы включает в себя череду высказываний в виде естественно-языковых социальных практик, выраженных в процессе дискурсивной интеракции и связанных с изменением эмоционального состояния адресата в объеме континуума содержания от диспозиции «комфортное состояние» до диспозиции «дискомфортное состояние». Набор возможных диспозиций эмоционального состояния Я-адресанта и Я-адресата высказывания-угрозы, зафиксированный в структурной организации менасивного конструкта, формирует функционально-семантическое пространство вербальной угрозы, позволяя утверждать, что практически любое высказывание со значением угрозы, реализованное в социальном взаимодействии, являет собой одну из возможных диспозиций Я-говорящего и Я-слушающего на континууме содержания менасивного конструкта, в то время как менасивный конструкт представляет собой набор возможных диспозиций эмоциональных состояний – Я-адресанта и Я-адресата угрозы.

Применение коммуникативного конструкта открывает возможности для интерпретации воздействия менасивных высказываний, а полученные результаты могут быть использованы для прогнозирования прагматического воздействия менасивов на единичного или массового адресата. Рассмотрение вербальных проявлений угрозы как коммуникативного конструкта позволяет оценить не только интенсивную глубину воздействия высказываний-угроз на участников социальной интеракции, но и

интерпретировать направления оказываемого воздействия в рамках типового сценария угрозы.

Ключевые слова: вербальная угроза, менасивные высказывания, коммуникативный конструктор угрозы, прагматическое воздействие, эмоциональное состояние

*Светлой памяти
Юрия Александровича Сорокина
посвящается*

Введение

В различных сферах деятельности носители языка регулярно встречаются с вербальными угрозами (также: высказываниями-угрозами, высказываниями со значением угрозы или менасивами). При этом, результаты исследований свидетельствуют о том, что в ментальном (консциентальном) пространстве языковой личности имеется комплексное – во многом субъективное – представление о вербальной угрозе, основанное на логической связи антецедентно-консеквентной природы между возможными санкционными последствиями для объекта воздействия и совершением объектом воздействия каузируемых действий с целью избежать таких последствий или нивелировать их отрицательное воздействие [Романов, Новоселова 2021]. Иначе говоря, в ментальном пространстве языковой личности как «стерильного собеседника» [Wunderlich 1975: 12-13; Beck 1980: 20; Nowak 1981: 94] потенциально представлена информация о наборе санкционных действий, каждое из которых может быть задействовано в определенном жизненном сценарии. Помимо этого, языковая личность обладает знанием о том, что в типовой ситуации «угроза» у объекта воздействия есть возможность избежать наступления негативных последствий, выполнив каузируемые действия.

Не вызывает сомнений, что представления носителей языка о феномене вербальной угрозы определенным образом структурируются в их ментальном пространстве, объединяются [Langacker 1987] и им «приписывается когнитивная структура, которая задает в каком-то смысле все значения сразу, но ни одного из реальных значений не описывает» [Падучева 2004: 16]; ср. также сенсомоторные и концептуальные структуры в: [Пиаже, 2004], а языковая личность обращается к таким ментальным (когнитивным) структурам, хранящимся в ее «семантической памяти» [Солсо 1996] при каждой встрече с той или иной вербальной угрозой в контексте социального взаимодействия. В этой связи есть все основания полагать, что участники социальной интеракции обладают когнитивной способностью осознавать и интерпретировать каждый конкретный случай вербальной репрезентации угрозы на фоне языковых, энциклопедических, социокультурных, логических и иллюкативных знаний о различных вариантах санкционного воздействия, а также оценивать возможность избежать такого воздействия, выполнив каузируемые действия [подробнее о типах знаний см.: Романов 1988: 101; 1991].

Тем не менее, совокупный объем отдельных представлений носителей языка о феномене вербальной угрозы не позволяет отразить (вскрыть) когнитивный (ментальный) механизм, используемый носителем языка для интерпретации и оценки вербальной угрозы, репрезентированной в контексте социального взаимодействия при помощи различных языковых средств и ориентированной на оказание определенного

прагматического воздействия на объект. Следовательно, субъективные представления языковой личности о возможной репрезентации вербальной угрозы не позволяют сформировать базис или способ истолкования, на основе которого когнитивный агент осуществляет оперирование феноменом вербальной угрозы в условиях социальной интеракции.

Указанные обстоятельства, а также недостаточное теоретическое осмысление когнитивной специфики феномена вербальной угрозы поднимают вопрос о том, как человек «измеряет» и классифицирует угрозы «на всех уровнях проявления когнитивной способности и его коммуникативной активности в типовых сценариях жизнедеятельности, какими критериями он пользуется» [Романова 2009: 16], а также, какие признаки вербальных угроз существуют с точки зрения носителей языка и картины мира. В этой связи вполне закономерно возникает необходимость поиска методологического подхода, с помощью которого было бы возможно не только описать отдельные знания (представления) носителей языка о вербальной угрозе, но и определенным образом упорядочить и классифицировать такие представления с учетом совокупного объема семантических признаков вербальной угрозы. В частности, важно отыскать такой адекватный когнитивный (смысловой) инструмент, который позволит исследовать процесс отображения угрозы в ментальном пространстве когнитивного агента, а также определить, к каким ментальным структурам он обращается при встрече с угрозой в контексте дискурсивного взаимодействия, как он интерпретирует, структурирует (упорядочивает) и осмысляет (оценивает) угрозу. Иными словами, целесообразно вскрыть лингвокогнитивный (когнитивно-дискурсивный) механизм проявления феномена вербальной угрозы в обыденных сценариях жизнедеятельности, на основе которого происходит оперирование угрозой участниками таких сценариев в пространстве социальной интеракции.

Методология

В выбранном ракурсе рассуждений, затрагивающем когнитивную специфику феномена вербальной угрозы и проблему ее толкования в пространстве социального взаимодействия или в формах жизни [Wittgenstein 1953], представляется перспективным обратиться к опыту когнитивных изысканий с позиций новой гуманитарно-научной парадигмы *конструктивизма* или *конструктивистской парадигмы*, которая формируется в последние годы эпохи постмодернизма в лингвистике, философии, психологии и социологии [Герген 2016; Джерджен 2003; 2016; Касавин 2007; Келли 2000; Пиаже 2004; Романов, Романова 2005; 2009; Романов, Немец 2006; Улановский 2010; Шюц 2003; Watzlawick 1981].

Так, согласно основным теоретическим положениям ряда современных работ конструктивистского (когнитивного) направления в психологии [Келли 2000], для осмысления, структурирования и упорядочения вербальных угроз предлагается использовать такой смысловой инструмент как *конструкт*, являющий собой способ истолкования мира, «трактовку ментальной репрезентации как специфического языка мышления» [Петров 1990: 228], «смысловую единицу более высокого уровня, чем понятие, которая используется для интерпретации, оценки и прогнозирования событий окружающего мира, своего поведения и поведения других людей» [Романов, Немец 2006]. Конструкт в отличие от понятия (и концепта), обозначающего «существенное свойство относимых к нему вещей», представляет собой «толковательный акт»

[Келли 2000], «который человек создает для предсказания событий и через которые он воспринимает мир» [Улановский 2010: 283].

Примечательно, что безграничный потенциал конструкционистской социальной психологии, не имеющий «ни дисциплинарных границ, ни фиксированных заранее параметров исследования» [Джерджен 2003: 45] способствовал проникновению идей и методологии гуманитарно-научной парадигмы конструктивизма в область лингвистических исследований. Более того, теоретико-методологические основания конструктивистской парадигмы оказались востребованными в среде ученых-лингвистов в свете смещения исследовательских интересов последних десятилетий «с содержательно-формальных (грамматических) характеристик вербального (перформативного) поведения на действительный характер таких дискурсивных социальных практик в сценариях жизни индивидов» [Романов 2016], а также необходимости выхода за пределы имманентной, внутренней лингвистики, чтобы описывать язык с учетом его реального функционирования в обществе, а не ограничиваться анализом «коммуникативных единиц на уровне языка-речи» [Колшанский 1984: 170-171].

Исследовательский интерес к «социальной реализации типовых дискурсивных практик как социальных действий» [Романов, Романова 2011] способствовал формированию и становлению в рамках функциональной парадигмы отдельного направления *коммуникативного (диалогического) конструктивизма*, предложенного и разработанного представителями Тверской научной школы динамической модели регулятивного общения под руководством профессора Романова А.А. [Романов 1988; 2020; 2016; Романов, Немец 2006; Романов, Новоселова 2013; 2021; Романов, Романова 2005; Романова 2009; Romanov, Novoselova 2021]. Обозначенный подход помещает в фокус лингвистических исследований «языковую личность как субъект речевой (дискурсивной) деятельности и как когнитивный агент языкового сознания в эпистемологическом пространстве жизнедеятельности» [Романов, Романова 2009: 16-17; ср. также утверждение Ж. Деррида о том, что «ничто не существует вне текста»: Деррида 1999: 121-130], а также формируется интерес к описанию «человеческого фактора» в ситуации интерактивного взаимодействия по различным типовым сценариям.

Оперируя в работе понятием «коммуникативный конструкт», следует уточнить, что под коммуникативным конструктом понимается адекватный когнитивный инструмент, при помощи которого языковая личность интерпретирует, структурирует (упорядочивает) и осмысляет (оценивает) вербальную угрозу. В выбранном ракурсе рассуждений становится понятным, что коммуникативный конструкт, имеющий «конгруэнцию со структурами сознания в ментальном пространстве» [Романов 2016], позволяет использовать его в качестве способа истолкования или когнитивного (смыслового) инструмента, с помощью которого можно не только описать отдельные знания (представления) носителей языка о вербальной угрозе, но и определенным образом упорядочить и классифицировать такие представления с учетом совокупного объема ее семантических признаков.

Кроме того, на целесообразность применения коммуникативного конструкта для описания вербальной угрозы указывает и то обстоятельство, что угроза представляет собой достаточно сложную ситуацию, содержащую указание на возможность наступления негативных последствий для объекта воздействия, а также указание на возможность объекта избежать наступления таких последствий в случае выполнения

каузируемых действий, например: “*If you don't beg my pardon, directly, or I'll make it the worse for you*” [Collins 2021]; “*If you touch me with that whip I'll take things into my own hands*” [Dreiser 2021]; “*But don't move a step forward, or your life is not worth a bulrush*” [Dickens 2021]. Иначе говоря, в содержательном объеме вербальной угрозы зафиксирован **набор контрарных элементов**, который формирует функционально-когнитивную структуру (рамку, фрейм) угрозы в ментальном пространстве носителя языка. В частности, упоминание говорящим о наступлении негативных последствий способствует формированию дискомфортных эмоциональных переживаний у адресата воздействия, в то время как вербализация условия, при котором у адресата появляется возможность избежать негативных последствий, нейтрализует интенсивную «глубину» его дискомфортных переживаний [Романов, Новоселова 2021]. Поэтому есть все основания утверждать, что конструкт как дихотомическая структура в духе идей Дж. Келли [2000] – это наиболее подходящий (адекватный) когнитивный (смысловой) инструмент, позволяющий описать, как когнитивный агент осуществляет оперирование феноменом угрозы, основанном на дихотомии наказания и возможности его избежать, как отображается угроза в его ментальном пространстве, а также к каким ментальным структурам он обращается при встрече с вербальной угрозой в контексте социального взаимодействия.

В силу сказанного представляется очевидным, что для вскрытия лингвокогнитивного (когнитивно-дискурсивного) механизма проявления феномена вербальной угрозы в пространстве обыденных сценариев жизнедеятельности, на основе которого происходит оперирование угрозой участниками таких сценариев в социальной интеракции, необходимо построить и описать такой когнитивный феномен как **коммуникативный конструкт угрозы**, или менасивный коммуникативный конструкт. Предлагаемый конструкт позволит не только отобразить границы семантического пространства вербальной угрозы в условиях социального взаимодействия и структурировать признаки вербальной угрозы в ментальном пространстве когнитивного агента, но и установить, как он интерпретирует, структурирует (упорядочивает) и осмысляет (оценивает) дискурсивные проявления угрозы в условиях социального взаимодействия. Вполне очевидно, что в выбранном ракурсе исследования вербальные проявления угрозы в виде дискурсивных менасивных практик будут рассматриваться как «конструкты вновь создаваемой коммуникативной реальности, отражающие весь спектр регулятивных отношений между участниками социальной интеракции» [Романов, Романова 2009: 22], а исследование будет направлено на установление того, как в коммуникативном пространстве угрозы формируется конвергентная *конструктивная реальность* говорящего и слушающего при помощи вербальной угрозы и как взаимодействуют эти реальности: реальность, связанная с возможностью наступления негативных последствий для объекта воздействия (слушающего), и реальность, предоставляющая ему возможность избежать наступления таких последствий.

Коммуникативный конструкт угрозы и принципы его организации

Принимая во внимание то обстоятельство, что угроза – в вербальном или невербальном проявлении – способна выводить собеседников из состояния комфорта и формировать широкий диапазон их эмоциональных переживаний [ср.: Берковиц 2001; Изард 1999; Риман 1999; Симонов 1981; Фрейд 1989], имеются достаточные основания для того, чтобы рассматривать коммуникативный менасивный конструкт

«как определенный тип отношений между такими оценочными понятиями контрарного порядка как *комфортное* эмоциональное состояние и *дискомфортное* эмоциональное состояние» [о личностном мире внутренних состояний см.: Романов, Немец 2006; Романов, Сорокин 2004; 2008; Сорокин, 2009]. При обозначенном подходе становится понятным, что коммуникативный конструкт угрозы будет включать в свой содержательный объем вербальные проявления угрозы в виде отдельных высказываний-угроз или дискурсивных практик-угроз, которые формируют у участников типового взаимодействия различные эмоциональные состояния, находящиеся в диапазоне лимнологического пространства между комфортом и ощущением дискомфорта.

Вполне очевидно, что для построения коммуникативного конструкта угрозы следует зафиксировать и упорядочить различные эмоциональные состояния, которые формируют высказывания-угрозы. В частности, важно установить соответствия между представлениями носителей языка о вербальной угрозе и влиянием этих представлений на оценку эмоционального (также прагма-эмоционального) воздействия той или иной вербальной угрозы в пространстве социального взаимодействия. Иными словами, необходимо установить соотношение между высказываниями-угрозами, обладающими теми или иными манифестационными и функционально-семантическими свойствами, и их прагма-эмоциональным воздействием на адресата, которое проявляется в формировании у него определенного эмоционального состояния в диапазоне применимости коммуникативного конструкта угрозы – между комфортом и дискомфортом.

Безусловно, предлагаемое построение коммуникативного конструкта является собой достаточно сложную задачу, так как, согласно К. Гергену, «попытки определить эмоции или выделить их характер сопровождают западную науку больше последних двух тысяч лет» [2016: 155]. При этом, К. Герген отмечает, что представители гуманитарной науки не сомневаются в существовании эмоций, однако ученый обращает внимание на разногласия в их взглядах на характер эмоций, указывая на пятнадцать эмоциональных состояний в работах Аристотеля, шесть «аффективных» и пять «духовных» эмоций в работе «Сумма теологии» Фомы Аквинского, а также на шесть главных «страстей души» у Декарта, десять «основных страстей человеческой природы» у Дэвида Хартли и десять конкретных эмоциональных состояний у Томкинса и Изарда [подробнее см.: Герген 2016: 155].

Однако, учитывая то обстоятельство, что высказывания «точно отражают эмоциональную установку говорящего человека, позволяя поразительно быстро познать образ его мыслей и манеру переживаний» [Романов 1995: 156], представляется возможным распознать эмоциональное состояние адресанта и адресата высказывания-угрозы, реализованного в пространстве социальной интеракции. В этой связи следует отметить, что первые попытки распознать, на какой именно аффективной ступени – одобрение или неодобрение – находятся партнеры по общению, были предприняты в работе А.А. Романова [1995: 156-160], в которой автор исходит из того, что по речевым оборотам собеседника, в частности, «по повторению не несущих информацию аффективных слов» можно определить эмоциональную установку говорящего, полагая, что языковые средства поверхностной манифестации коммуникативного намерения уже отражают эмоциональное состояние говорящего.

В русле сказанного важно констатировать, что в ментальном пространстве носителей языка представление о вербальной угрозе отражается в виде определенной

иерархической системы содержательных (также семантических) характеристик. В частности, дефиниционный анализ вербального репрезентанта угрозы в английском языке – глагольной лексемы «*threaten*» – позволяет выявить интегративный инвариантный (гиперонимический) компонент «*наступление негативных последствий для кого-либо или чего-либо*» (также интегративный компонент менасивности), который объединяет все значения глагола и включает в свой содержательный объем негативные последствия, исходящие как от одушевленного предмета и отражающие его целенаправленную деятельность по причинению кому-либо морального и / или физического вреда, так и негативные последствия, которые содержатся в определенной ситуации (состоянии, положении дел) или порождаются неодушевленным предметом [CACD, URL; LDCE, URL; OAAD, URL; WNWCD, URL].

При этом, дефиниционный анализ показывает, что вариантами интегративного гиперонимического компонента «наступление негативных последствий для кого-либо или чего-либо» являются 6 сем, которые могут быть расположены по принципу увеличения интенсивности проявления негативных последствий для объекта воздействия и детальной конкретизации их семантического объема в следующем порядке: (а) сема «источник возможной опасности» → (б) сема «совершение чего-либо неприятного» → (в) сема «совершение чего-либо плохого» → (г) сема «причинение боли, вреда или беспокойства» → (д) сема «осуществление наказания» → (е) сема «разрушение чего-либо». Характерно, что перечисление сем начинается с семы (а), которая не содержит указания на конкретный способ совершения негативных последствий, в то время как каждая последующая сема «включает» в свой содержательный объем предыдущую сему, конкретизируя способ совершения санкционного воздействия. Показательно, что каждая последующая сема является семантически «объемнее» предыдущей.

Становится очевидным, что предлагаемое иерархическое распределение сем, формирующих представление о возможных негативных проявлениях вербальной угрозы, позволяет говорить о явлении «включенности» или **инклюзивном механизме** интегративного (инвариантного) компонента «наступление негативных последствий для кого-либо или чего-либо» (также об инклюзивном механизме негативных последствий вербальной угрозы), при котором каждая последующая сема включает в свой содержательный объем предыдущую, а вся совокупность взаимодополняющих сем в полном объеме отражает все варианты негативных последствий вербальной угрозы, формируя психосемантическое поле (пространство) угрозы. В частности, принцип работы предложенного механизма заключается в том, что на этапе встречи с той или иной вербальной угрозой языковая личность как когнитивный агент обращается к собственным – во многом субъективным – представлениям о негативных последствиях угрозы (семам), которые структурируются в ментальном пространстве по принципу увеличения интенсивной «глубины» и конкретизации способа негативного воздействия. На следующем этапе языковая личность осуществляет оперирование предлагаемым инклюзивным механизмом негативных последствий вербальной угрозы, позволяющим ей оценить последствия конкретных вербальных угроз, сравнив эти последствия с собственными представлениями (знаниями) о возможном санкционном воздействии вербальных угроз.

Сказанное дает основание полагать, что в условиях социального взаимодействия партнеры по общению – говорящий и слушающий – осуществляют оперирование феноменом вербальной угрозы, ориентируясь на такие – во многом субъективные –

представления о содержательных характеристиках угрозы. Так, языковая личность может оценить прагма-эмоциональное воздействие конкретного высказывания-угрозы, основываясь на имеющемся в ее ментальном пространстве представлении о содержательных характеристиках вербальной угрозы в виде вариантов интегративного компонента «наступление негативных последствий для кого-либо или чего-либо» и их эмоциональном воздействии. Получается, что зафиксированные семантические характеристики вербальной угрозы служат когнитивной основой для оценки эмоционального воздействия высказываний-угроз, а также могут использоваться в ходе толкования того или иного высказывания как высказывания со значением угрозы. Например, предвыборное высказывание-угроза “*That is the only way we can turn our progressive platform into real change for America*” (Clinton, July 28, 2016) формирует у избирателей кратковременные эмоциональные переживания, так как в содержательном объеме такого менасива есть указание на некоторую временную отсрочку в наступлении негативных последствий для избирателей как массового адресата. В свою очередь, предвыборное высказывание-угроза “*This is catastrophic. It will mean more drought, more famine, more rising sea level, more floods, more ocean acidification, more extreme weather disturbances, more disease and more human suffering*” [Sanders 2015] способствует формированию у избирателей интенсивных эмоциональных переживаний, так как автор такой угрозы достаточно подробно описывает складывающуюся негативную ситуацию в стране при помощи разветвленной системы однородных членов предложения.

Таким образом, складывается отчетливое представление о том, что когнитивный агент оценивает прагма-эмоциональное воздействие высказываний-угроз на основе их семантических характеристик и сопоставления этого воздействия с собственными знаниями о воздействующем потенциале вербальной угрозы. Иначе говоря, семантические характеристики вербальной угрозы соотносимы с эмоциональными состояниями участников социальной интеракции, которые (состояния) находятся в диапазоне лингвистического пространства между комфортным и дискомфортным эмоциональным состоянием. При этом, несомненно, что вербальная демонстрация безвыходной для адресата ситуации (сема «разрушение чего-либо») оказывает на него интенсивное прагма-эмоциональное воздействие, в то время как указание адресанта высказывания-угрозы на существование некоторой опасности (сема «источник возможной опасности») не отражает обязательное наступление негативных последствий для объекта каузации и не приводит его к дискомфортным переживаниям. Следовательно, можно полагать, что в когнитивном плане семантические характеристики вербальной угрозы закладывают основу для построения коммуникативного конструкта угрозы, который позволяет структурировать и упорядочить эмоциональные переживания собеседников, формируемые при помощи конкретных проявлений вербальной угрозы – высказываний менасивной направленности.

В русле сказанного важно обратить особое внимание на «неразрывность» связи коммуникативного конструкта угрозы с теми элементами, для описания которых он предназначен» [Романов, Немец 2006]. Так, согласно ряду работ, выполненных в русле коммуникативного конструктивизма [Романов 2016; Романов, Немец 2006; Романов, Новоселова 2021; Романова 2009], можно полагать, что наиболее важными элементами для отражения полученного опыта в виде коммуникативного конструкта угрозы являются модальности Я-адресанта и Я-адресата высказываний-угроз как

когнитивного агента, т.е. многообразные оттенки самовосприятия себя, другого человека или мира дискурсивной реальности. Каждая модальность *Я*, репрезентируя многообразные оттенки самовосприятия языковой личности, имеет определенное местоположение на континууме содержания коммуникативного конструкта [Романов, Немец 2006]. На этом основании на коммуникативном конструкте угрозы можно обозначить модальности *Я*-участников дискурсивного взаимодействия в типовой ситуации «угроза» – *Я*-адресанта и *Я*-адресата высказываний-угроз.

Следует напомнить, что все модальности *Я* когнитивного агента составляют диспозицию, в то время как «диспозиция модальностей *Я* – это одновременная проекция нескольких модальностей *Я* на континуум коммуникативного конструкта» [Романов, Немец 2006: 33]. Характерно, что диспозиция модальности *Я*-говорящего и *Я*-слушающего представляет собой то, что создается в процессе и посредством социальной интеракции, когда отправитель и адресат идентифицируют себя как личности и обозначают свои цели и желания [Романов 2016]. Иными словами, диспозиция модальностей *Я*-адресанта и *Я*-адресата высказываний-угроз формируется в процессе взаимодействия собеседников в типовой ситуации «угроза» и ограничена диапазоном лимнологического пространства между комфортным и дискомфортным состоянием. В этом плане диспозиция становится «действенным элементом (действием-практикой) социально-коммуникативной интеракции и жизненного сценария её участников» [Романов, Немец 2006; Романова 2009: 149–150].

Стоит уточнить, что в рамках настоящего исследования целесообразно учитывать две модальности когнитивного агента – *Я*-реальное (какой *Я* сейчас – после дискурсивной реализации конкретного высказывания-угрозы) и *Я*-воспоминание (каким *Я* был ранее – до момента дискурсивной реализации высказывания-угрозы), так как от проецирования (размещения) указанных модальностей на коммуникативный конструкт угрозы зависит содержательная интерпретация их диспозиций [подробнее о модальностях *Я* в психологии см.: Бернс 1986]. В русле сказанного становится понятным, что при обозначенном подходе к проецированию модальностей *Я* на коммуникативный конструкт угрозы исследование будет направлено на изучение того, как модальности *Я*-адресанта и *Я*-адресата менасивных высказываний изменяют свое местоположение на коммуникативном конструкте угрозы и как в дискурсивной реальности этот процесс отражается на установлении отношений между собеседниками. По этой причине разработка коммуникативного конструкта угрозы будет успешной, если на его континууме содержания будут отражены все возможные диспозиции эмоциональных состояний адресата и адресанты угрозы, формируемые при помощи вербальной угрозы, в иерархическом порядке.

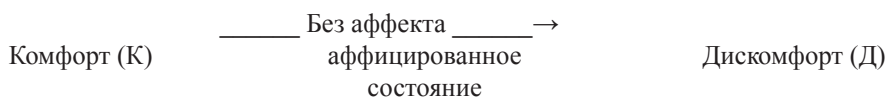
В выбранном ракурсе рассуждений заметим, что «каждая диспозиция модальности *Я* имеет свойство проявляться в когнитивном, обыденном и дискурсивном поведении вполне определенным образом в виде той или иной коммуникативно-дискурсивной практики, в то время как конструктивная манифестационность дискурсивного (вербального и невербального) поведения достаточно точно отражает взаиморасположение модальностей *Я* когнитивного объекта» [Романова 2009: 150]. Поэтому, если одна из модальностей *Я*-адресата изменит свое местоположение на континууме содержания коммуникативного конструкта угрозы под действием менасивных высказываний, способных в силу своих манифестационных и функционально-семантических свойств оказывать различное воздействие на эмоциональное состояние, а также формировать

переживания определенной интенсивности, то такое изменение отразится на вербальном и невербальном поведении адресата угрозы как когнитивного агента. К тому же следует учесть и то, что на реализацию менасивного высказывания в той или языковой форме оказывает влияние модальность адресанта, которая также может изменять свою диспозицию в ходе дискурсивного взаимодействия.

Нетрудно убедиться в целесообразности выявления и систематизации возможных диспозиций Я-адресанта и Я-адресата в коммуникативном пространстве угрожающей интеракции. Поэтому, принимая во внимание то обстоятельство, что «каждая диспозиция жестко привязана к определенному конструкту» [Романов, Немец 2006], появляется возможность проинтерпретировать связи диспозиций менасивного конструкта, осуществив переход от анализа индивидуального сознания к анализу Я-концепции когнитивного агента в перформативном поведении. С этих позиций предстоит рассмотреть коммуникативный конструкт угрозы, который сформирован совокупностью модальностей Я когнитивного агента и представлен в ментальном пространстве языковой личности в виде типового фреймового взаимодействия или фрейма «угроза».

Представляется нелишним еще раз напомнить о том, что «одной из главных и универсальных характеристик коммуникативного конструкта является его биполярность» [Романов, Немец 2006], т.е. «коммуникативный конструкт имеет два полюса действительности, проявляющиеся в повсеместном наличии противоположностей [Романов, Немец 2006]. Так, конструкт угрозы – это определенный тип отношений между такими оценочными понятиями контрарного плана, как *комфортное* эмоциональное состояние и *дискомфортное* эмоциональное состояние Я-адресанта и Я-адресата, между которыми существует среднее понятие – *аффицированное* эмоциональное состояние [Романов, Новоселова 2013; 2021], так как высказывания со значением угрозы в силу своих манифестационных и функционально-семантических свойств способны выводить адресата из состояния комфорта и формировать широкий диапазон переживаний.

Контрарность (но не антонимичность в лингвистическом плане) отношений между комфортными и дискомфортными эмоциональными переживаниями Я-адресанта и Я-адресата, а также движение от комфорта к дискомфорту в контексте социального взаимодействия представляется удобным изобразить в виде определенной линии (континуума), направленной от полюса комфорта (от точки К) к полюсу дискомфорта (к точке Д) и проходящей через нейтральную позицию «Без аффекта»:

Диспозиция «Без аффекта» служит когнитивной (мысленной) точкой отсчета аффицированного отрицательного и положительного состояний Я-адресанта и Я-адресата вербальной угрозы. Указанная диспозиция делит континуум содержания менасивного конструкта на две равные части с центром в точке «ноль», т.е. «Без аффекта». При этом, левая часть конструкта соответствует аффицированным положительным переживаниям участников типового фрейма «угроза» (+А), а правая – аффицированным отрицательным (–А).

Представленная ниже схема демонстрирует интерактивно-семантическое отображение возможных диспозиций Я-участников фрейма «угроза» на менасивном конструкте:

Схема № 1

К _____ +А _____ 0 _____ -А _____ Д

Условные обозначения:

0 – точка отсчета;

А – аффицированное эмоциональное состояние:

+А – положительное;

– А – отрицательное;

К – комфорт;

Д – дискомфорт.

Уместно вновь подчеркнуть, что существует «неразрывность связи конструкта с теми элементами, для описания которых он предназначен» [Романов, Романова 2005; Новоселова 2014], а «каждый элемент коммуникативного конструкта имеет вполне определенное положение на континууме его содержания» [Романов, Немец 2006: 32]. Поэтому при движении по континууму содержания менасивного конструкта слева направо – от точки (К) к точке (Д) – усиливается некомфортность эмоциональных переживаний собеседников, а также возрастает интенсивность прагма-эмоционального воздействия менасивных высказываний на адресата. В частности, в точках +А или –А рассматриваемого конструкта эмоциональное состояние адресата будет аффицированным (положительным или отрицательным соответственно), так как имела место реализация высказывания со значением угрозы, но адресат понимает, что с легкостью может вернуться к комфортному состоянию – к точке К. В свою очередь, в точке (Д) коммуникативного конструкта угрозы адресат будет испытывать дискомфортное или угнетенное состояние, вызванное оценкой возможных негативных последствий.

Необходимо отметить, что коммуникативный конструкт угрозы обладает той особенностью, что «расположению входящих в него конституентов (элементов) присущ *иерархический*, соподчиненный характер» [Романов, Немец, 2006], где могут быть выделены диспозиции пиковых переживаний (К и Д), промежуточные (средние) диспозиции (+А и –А) и нулевая точка или диспозиция («Без аффекта»), которые отличаются друг от друга интенсивной глубиной прагма-эмоционального воздействия вербальной угрозы на Я-адресата, но функционирующие в функционально-семантическом пространстве типового фреймового взаимодействия «угроза». Более того, исходя из свойства континуальности коммуникативного конструкта, представляется правомерным говорить о том, что количество диспозиций Я-говорящего и Я-слушающего можно дополнить путем «прецизной» градации промежуточных диспозиций аффицированного эмоционального состояния, установив соотношение между 6 семантическими характеристиками вербальной угрозы – вариантами интегративного (инвариантного) компонента «наступление негативных последствий для кого-либо или чего-либо» – и возможными диспозициями эмоционального состояния Я-собеседников. В частности, семантические свойства вербальной

угрозы предоставляют достаточные основания для того, чтобы зафиксировать 6 промежуточных диспозиций аффицированного положительного и отрицательного эмоционального состояния *Я*-участников типового фреймового взаимодействия «угроза», а именно 3 диспозиции аффицированного положительного состояния: +3, +2А, +1А и 3 диспозиции аффицированного отрицательного состояния: -1А, -2А, -3А, каждая из которых соотносима с семантическими характеристиками вербальной угрозы. Предлагаемую градацию промежуточных диспозиций *Я*-участников дискурсивного взаимодействия типовой ситуации «угроза» можно отобразить на схеме:

Схема № 2

К ___ +3А ___ +2А ___ +1А ___ 0 ___ -1А ___ -2А ___ -3А ___ Д

Условные обозначения:

- те же (см. выше),
- цифры 1, 2, 3 и -1, -2, -3 обозначают интенсивность прагма-эмоционального воздействия высказывания-угрозы на адресата при движении от точки комфорта к точке дискомфорта (по степени усиления).

Примечательно, что на предлагаемой схеме промежуточные диспозиции *Я*-собеседников расположены в порядке увеличения интенсивной «глубины» их эмоциональных переживаний в рамках типового фрейма «угроза» от +3А до -3А. При этом, несомненно, что варианты интегративного компонента «наступление негативных последствий для кого-либо или чего-либо» (семы) также расположены по принципу увеличения интенсивности проявления негативных последствий для адресата воздействия и детальной конкретизации их содержательного объема. Иначе говоря, чем ниже цифровой показатель промежуточной диспозиции, тем интенсивнее прагма-эмоциональное воздействие вербальной угрозы на адресата и тем «опаснее» оказываются для него негативные последствия высказывания-угрозы. Больше того, каждой промежуточной диспозиции *Я*-говорящего и *Я*-слушающего менасивного конструкта может быть присвоен не только определенный номер, отражающий иерархический характер диспозиций коммуникативного конструкта, но и наименование, содержащее описание эмоционального состояния адресанта и адресата высказывания со значением угрозы.

Следующая таблица фиксирует определенную зависимость между семантическими характеристиками вербальной угрозы (семами), расположенными по принципу увеличения интенсивной «глубины» негативных последствий для адресата воздействия, и их *глубиной воздействия* на эмоциональное состояние участников типового фрейма «угроза», представленной в порядке увеличения интенсивности воздействия на собеседников (коммуникативный конструкт представлен вертикально):

Таблица № 1

Коммуникативный конструкт угрозы

Комфортное эмоциональное состояние (отсутствие переживаний)	К	<i>Комфорт</i>	
Аффицированность (затронутость <i>положительных</i> переживаний, легкая отвлеченность)	+3А	<i>Умиротворение</i> (отсутствие переживаний вообще)	(а) сема «источник возможной опасности»
	+2А	<i>Спокойствие</i> (отсутствие постоянных переживаний)	(б) сема «совершение чего-либо неприятного»
	+1А	<i>Осознание</i> (отсутствие кратковременных переживаний)	(в) сема «совершение чего-либо плохого»
Нейтральность переживаний	0	<i>Без аффекта</i> (точка отсчета, точка «ноль»)	
Аффицированность (затронутость <i>отрицательных</i> , негативных переживаний)	-1А	<i>Испуг</i> (кратковременное переживание)	(г) сема «причинение боли, вреда или беспокойства»
	-2А	<i>Страх</i> (постоянное состояние)	(д) сема «осуществление наказания»
	-3А	<i>Фобия</i> (безвыходное положение, трепет)	(е) сема «разрушение чего-либо»
Дискомфортное эмоциональное состояние (постоянно угнетенное, давящее состояние)	Д	<i>Дискомфорт</i>	

Таким образом, зафиксированный набор возможных (потенциальных) диспозиций эмоционального состояния Я-адресанта и Я-адресата вербальной угрозы позволяет считать, что коммуникативный конструкт есть **функционально-семантическое пространство вербальной угрозы**. На основании сказанного становится

понятным, что практически любая вербальная угроза, реализованная в социальном взаимодействии носителей того или иного языка, представляет собой одну из возможных диспозиций Я-говорящего и Я-слушающего на континууме содержания менасивного конструкта. При таком понимании менасивный конструкт являет собой набор возможных диспозиций эмоциональных состояний – Я-адресанта и Я-адресата высказывания-угрозы. Предлагаемое построение коммуникативного конструкта угрозы демонстрирует, что он сформирован последовательностью высказываний-угроз, реализованных в контексте социальной интеракции и связанных с изменением эмоционального состояния адресата под возможностью наказания, а высказыванием-угрозой можно считать любой из конститuentов конструкта угрозы, входящий в объем континуума содержания «комфорта – дискомфорта» и связанный с каузацией адресата вербальной угрозы к совершению каких-либо действий под упоминанием возможных негативных последствий.

Выводы

Коммуникативный конструкт угрозы выступает в качестве когнитивного инструмента, базиса или способа истолкования, при помощи которого носитель языка может оценивать высказывания-угрозы, способные в силу своих манифестационных и функционально-семантических свойств оказывать различное воздействие на эмоциональное состояние собеседников и формировать у них переживания определенной интенсивности: от аффицированного состояния, характеризующегося «затронутостью» положительных или отрицательных переживаний, до ощущения дискомфорта. Разработка коммуникативного конструкта угрозы позволила определить лингвистические параметры содержательного (семантического) пространства вербальной угрозы в условиях социального взаимодействия, а также зафиксировать в этом пространстве набор отдельных элементов, формирующих представление о вербальной угрозе в ментальном пространстве языковой личности как когнитивного агента.

При этом следует иметь в виду, что разработка коммуникативного конструкта не исключает некоторой субъективности в оценке вербального поведения участников социальной интеракции и их эмоциональных переживаний, однако предлагаемый когнитивный инструмент позволяет системно и *в одной плоскости* взглянуть на прагма-эмоциональное воздействие вербальных угроз. Более того, рассмотрение вербальных проявлений угрозы как коммуникативного конструкта позволит оценить не только интенсивность воздействия высказываний-угроз на участников социальной интеракции, но и откроет широкие возможности для интерпретации направлений оказываемого воздействия в рамках типового сценария угрозы.

© Романов А.А., Новоселова О.В., 2021

Литература

- Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм – ЕВРОЗНАК, 2001. 512 с.
- Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986. 367 с.
- Герген К. Дж. Социальная конструкция в контексте. Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2016. 328 с.

Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля. СПб.: «Алетейя», 1999. 207 с.

Джерджен К.Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика: сб. статей / Пер. с англ. А.М. Корбута. Минск: БГУ, 2003. 232 с.

Изард К.Э. Психология эмоций / Перев. с англ. СПб: Издательство «Питер», 1999. 464 с.

Касавин И.Т. Дискурс-анализ и его применение в психологии // Вопросы психологии. 2007. № 6. С. 97–119.

Келли Дж. Психология личности. Теория личных конструктов. СПб.: Речь, 2000. 182 с.

Колишанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М. Наука, 1984. 175 с.

Новоселова О.В. Функционально-семантическая интерпретация менасивных топонимов в социальной интеракции // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2014. № 35. С. 68–77. URL: www.tverlingua.ru (дата обращения 23.03.21)

Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.

Пиаже Ж. Генетическая эпистемология. 5-е изд. СПб.: Питер, 2004. 160 с.

Риман Ф. Основные формы страха. М.: Алетейя, 1999. 336 с.

Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. 183 с.

Романов А.А. Иллокутивные знания, иллокутивные действия и иллокутивная структура диалогического текста // Текст в коммуникации. М.-Тверь, 1991. С. 82–100.

Романов А.А. Грамматика деловых бесед. Тверь: «Фамилия», «Печатное дело», 1995. 240 с.

Романов А.А. «Окно дискурса» как регулятивный механизм распространения и внедрения «вирусной» информации: два подхода к проблеме // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2016. № 4. С.1–35. URL: www.tverlingua.ru (дата обращения 23.03.21)

Романов А.А. Лингвопрагматическая модель речевого управления диалогом: системный анализ с примерами из русского и немецкого языков. М.: URSS (ЛЕНАНД), 2020. 264 с.

Романов А.А., Немец Н.Г. Дискурс утешения: Лингвопсихологический анализ. М.: ИЯ РАН, 2006. 144 с.

Романов А.А., Новоселова О.В. Дискурс угрозы в социальной интеракции (функционально-семантический анализ). Москва-Тверь: ИЯ РАН, Тверская ГСХА, 2013. 168 с.

Романов А.А., Новоселова О.В. Менасивные конструкты предвыборной дискурсии: лингвокогнитивный анализ материалов программ президентской кампании 2018 года. М.: Флинта, 2021. 440 с.

Романов А.А., Романова Л.А. Перформативные речевые акты в парадигме социального конструкционизма // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Сер.: «Акмеология образования». 2005. Т. 11, № 2. С. 26–36.

Романов А.А., Романова Л.А. Притяжение перформатива. Очерки по теории перформативности от Дж. Л. Остина до наших дней. М.: Институт языкознания РАН, «Агросфера» Тверской ГСХА, 2009. 156 с.

Романов А.А., Романова Л.А. Мимесис перформативного значения о функционировании естественно-языковых практик // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2011. № 2. С. 66–71. URL: www.tverlingua.ru (дата обращения 23.03.21).

Романов А.А., Сорокин Ю.А. Соматикон: Аспекты невербальной семиотики. М.: ИЯ РАН, ТвГУ, 2004. 253 с.

Романов А.А., Сорокин Ю.А. Вербо- и психосоматика: две карты человеческого тела. М.: ИЯ РАН; Тверь: Агросфера ТГСХА, 2008. 172 с.

Романова Л.А. Структурно-семантические аспекты перформативов в функциональной парадигме языка. М.: ИЯ РАН, 2009. 180 с.

Симонов П.В. Эмоциональный мозг. М.: Наука, 1981. 166 с.

Солсо Р. Когнитивная психология. М.: Тривола, 1996. 600 с.

Сорокин Ю.А. Лингвокультурная среда: контакты и конфликты. М.: ИЯ РАН; Тверь: Агросфера ТГСХА, 2009. 118 с.

Улановский А.М. «Новая парадигма» социальных наук: линии развития современного конструктивизма // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. С. 279–298.

Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М.: Наука, 1989. 456 с.

Шюц А. Смысловая структура повседневной жизни. М.: Ин-т фонда «Общественное сознание», 2003. 336 с.

Beck G. Sprechakte und Sprachfunktionen. Tübingen: Niemeyer, 1980.

Langacker R.A. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Stanford: Stanford University Press, 1987. 516 p.

Nowak R. Greizen der Sprachanalyse. Tübingen: Narr, 1981.

Romanov A., Novoselova O. Threatening strategy in pre-election discourse // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2021. Vol. 102. NININS. P. 703–710. DOI: 10.15405/epsbs.2021.02.02.88.

Watzlawick P. Die erfundene Wirklichkeit. München: Piper Verlag, 1981.

Wittgenstein L. Philosophical investigations. New York: Macmillan, 1953.

Wunderlich D. Zur Konventionalität von Sprechhandlungen // Linguistische Pragmatik. Wiesbaden: Athenaion, 1975. P. 5–58.

Источники

Sanders B. 2016 Presidential Campaign Announcement Speech. 26th May, 2015. URL: <http://www.4president.org> (дата обращения 26.04.2015).

Collins W. The Woman in White. URL: <http://www.gutenberg.org> (дата обращения 23.03.21).

Dickens C. Oliver Twist. URL: <http://www.gutenberg.org> (дата обращения 23.03.21).

Dreiser T. Jennie Gerhardt. URL: <http://ebooks.adelaide.edu.au> (дата обращения 23.03.21).

Словари

CACD – Cambridge Academic Content Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения 23.03.21).

LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.ldoceonline.com> (дата обращения 23.03.21).

OAAD – Oxford Advanced American Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения 23.03.21).

WNWCD – Webster’s New World College Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения 23.03.21).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 26.05.2021

Дата принятия к печати: 22.06.2021

Сведения об авторах:

Романов Алексей Аркадьевич – доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики Тверского государственного университета

Контактная информация:

170904, Россия, г. Тверь, ул. Маршала Василевского (Сахарово), д. 7

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0905-4921>

e-mail: romanov_tgsha@mail.ru

Новоселова Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии

Контактная информация:

170904, Россия, г. Тверь, ул. Маршала Василевского (Сахарово), д. 7

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4501-986X>

e-mail: olvnov@mail.ru

Для цитирования:

Романов А.А., Новоселова О.В. Лингвокогнитивный анализ конвергентного пространства конструкта угрозы // Вопросы психолингвистики №2 (48) 2021, С. 96–117. doi 10.30982/2077-5911-2021-48-2-96-117

UDC 81.42+324

LBC 81+66.04

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-96-117

Research article

LINGUOCOGNITIVE ANALYSIS OF CONVERGENT SPACE OF THE THREAT CONSTRUCT

Alexey A. Romanov

Tver State Agricultural Academy, Tver State University, Tver, Russia

Olga V. Novoselova

Tver State Agricultural Academy, Tver, Russia

Abstract

The article is devoted to the communicative construct of threat as a cognitive tool, basis or method of interpretation helping a speaker to evaluate threat statements which are capable form different effects on interlocutors' emotional state and form their feelings of certain intensity. The communicative threat construct makes it possible to determine the limological parameters of the semantic space of verbal threat in the context of interlocutors' social interaction and fix in this space the meaningful elements that form the idea of verbal threat in cognitive agents' mental space.

The study shows that the communicative construct of threat includes a number of statements in a form of language social practices realized in the process of discursive interaction and associated with a change of addressee's emotional state in the content continuum from disposition "comfortable state" to disposition "uncomfortable state". The set of speaker's and listener's possible dispositions of the emotional state forms the functional and semantic space of verbal threat making it possible to assert that almost any utterance with the meaning of threat is one of the *I*-speaker's and *I*-listener's possible dispositions on the content continuum of menasive construct, while a menasive construct is a set of *I*-speaker's and *I*-listener's possible dispositions of emotional states. The use of a communicative construct of threat opens up possibilities for interpreting the effect of threats, and the results of this study can be used to predict the pragmatic effect of threats on a single or mass addressee. Considering of verbal manifestations of threat as a communicative construct makes it possible to evaluate not only the intense depth of the pragmatic effect of threats in social interaction, but also to interpret the directions of this effect within the framework of a typical threat scenario.

Keywords: verbal threat, menasive statements, communicative construct of threat, pragmatic effect, emotional state

References

- Beck, G. (1980) *Sprechakte und Sprachfunktionen*. Tübingen, Niemeyer.
- Berkovic, L. (2001) *Agressija: prichiny, posledstvija i kontrol'* [Aggression: causes, consequences and control]. Saint Petersburg, Prajm, EVROZNAK publ. 512 p. (in Russian).
- Berns, R. (1986) *Razvitie Ja-koncepcii i vospitanie* [Self-concept development and education]. Moscow, Progress publ. 367 p. (in Russian).

Derrida, Zh. (1999) *Golos i fenomen i drugie raboty po teorii znaka Gusserlja* [Voice and phenomenon and other works on Husserl's sign theory]. Saint Petersburg, «Aletejja» publ. 207 p. (in Russian).

Dzherdzhen, K. Dzh. (2003) *Social'nyj konstrukcionizm: znanie i praktika* [Social constructionism: knowledge and practice]. Translated from English by Korbuta, A.M. Minsk, BGU publ. 232 p. (in Russian).

Frejd, Z. (1989) *Vvedenie v psihoanaliz* [Introduction to psychoanalysis]. Moscow, Nauka publ. 456 p. (In Russian).

Gergen, K. Dzh. (2016) *Social'naja konstrukcija v kontekste* [Social construction in context]. Xarkov, Gumanitarnyj Centr. 328 p. (in Russian).

Izard, K. Je. (1999) *Psihologija jemocij* [The psychology of emotions]. Saint Petersburg, Piter publ. 464 p. (in Russian).

Kasavin, I. T. (2007) *Diskurs-analiz i ego primenenie v psihologii* [Discourse analysis and its application in psychology]. *Voprosy psihologii*. (6), 97–119. (in Russian).

Kelli, Dzh. (2000) *Psihologija lichnosti. Teorija lichnyh konstruktov* [Psychology of Personality. Personal construct theory]. Saint Petersburg, Rech' publ. 182 p. (in Russian).

Kolshanskij, G. V. (1984) *Kommunikativnaja funkcija i struktura jazyka* [Communicative function and structure of language]. Moscow, Nauka publ. 175 p. (in Russian).

Langacker R.A. (1987) *Foundations of Cognitive Grammar*. Vol.1. Stanford, Stanford University Press. 516 p.

Novoselova, O.V. (2014) *Funkcional'no-semanticheskaja interpretacija menasivnyh toponomov v social'noj interakcii* [Functional and semantic interpretation of menasive toponomes in social interaction]. *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. (35), 68–77. URL: www.tverlingua.ru (Accessed 23th March 2021) (in Russian).

Nowak, R. (1981) *Greizen der Sprachanalyse*. Tübingen, Narr.

Paduceva, E.V. (2004) *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in vocabulary semantics]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury. 608 p. (in Russian).

Piazhe, Zh. (2004) *Geneticheskaja jepistemologija* [Genetic epistemology]. Saint Petersburg, Piter. 160 p. (in Russian).

Riman, F. (1999) *Osnovnye formy straha* [Basic forms of fear]. Moscow, Aleteja. 336 p. (in Russian).

Romanov, A.A. (1988) *Sistemnyj analiz reguljativnyh sredstv dialogičeskogo obshhenija* [System analysis of the regulatory means of the dialogical communication]. Moscow, Institut jazykoznanija AN SSSR. 183 p. (in Russian).

Romanov, A.A. (1991) *Illokutivnye znanija, illokutivnye dejstvija i illokutivnaja struktura dialogičeskogo teksta* [Illocutionary knowledge, illocutionary actions and the illocutionary structure of the dialogical text]. In: *Tekst v kommunikacii* [Text in communication]. Moscow-Tver', Institut jazykoznanija AN SSSR, pp. 82–100. (in Russian).

Romanov, A.A. (1995) *Grammatika delovyh besed* [Business Conversation Grammar]. Tver', Familija, Pechatnoe delo. 240 p. (in Russian).

Romanov, A.A. (2016) «Okno diskursa» kak reguljativnyj mehanizm rasprostranenija i vnedrenija «virusnoj» informacii: dva podhoda k probleme [«Window of discourse» as a regulative mechanism of dissemination and implementation of «viral» information: two

approaches to the problem]. *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. (4), 1–35. URL: www.tverlingua.ru (In Russian). (Accessed 23th March 2021).

Romanov, A.A. (2020) *Lingvopragmatičeskaja model' rečevogo upravljenija dialogom: sistemnyj analiz s primerami iz russkogo i nemeckogo jazykov* [Linguopragmatic model of speech dialogue: system analysis with examples from Russian and German]. Moscow, URSS (LENAND). 264 p. (in Russian).

Romanov, A.A., Nemeč, N.G. (2006) *Diskurs utešenija: Lingvopsihologičeskij analiz* [Consolation discourse: linguistic psychological analysis]. Moscow, Institut jazykoznanija AN SSSR. 144 p. (in Russian).

Romanov, A.A., Novoselova, O.V. (2013) *Diskurs ugrozy v social'noj interakcii (funkcional'no-semantičeskij analiz)* [Discourse of threat in social interaction (functional-semantic analysis)]. Moscow, Institut jazykoznanija AN SSSR, Tver', Tverskaja GSHA publ. 168 p. (in Russian).

Romanov, A.A., Novoselova, O.V. (2021) *Menasivnye konstrukty predvybornoj diskursii: lingvokognitivnyj analiz materialov programm prezidentskoj kampanii 2018 goda* [Menasive constructs of pre-election discourse: linguo-cognitive analysis of materials from the 2018 presidential campaign programs]. Moscow, Flinta. 440 p. (in Russian).

Romanov A.A., Romanova, L.A. (2005) *Performativnye rečevye akty v paradigme social'nogo konstrukcionizma* [Performative speech acts in the paradigm of social constructionism]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universitetata imeni N.A. Nekrasova. Ser.: «Akmeologija obrazovanija»*. (11), 26–36. (in Russian).

Romanov, A. A., Romanova, L. A. (2009) *Pritjazhenie performativa. Očerki po teorii performativnosti ot Dzh. L. Ostina do nashih dnei* [The attraction of the performative. Essays on the theory of performativity from J.L. Austin to the Present]. Moscow, Institut jazykoznanija RAN publ, «Agrosfera». 156 p. (in Russian).

Romanov, A. A., Romanova, L. A. (2011) *Mimesis performativnogo znanija o funkcionirovanii estestvenno-jazykovykh praktik* [Mimesis of performative knowledge in the functioning of natural language practices]. *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. (2), 66–71. URL: www.tverlingua.ru (In Russian). (Accessed 23th March 2021).

Romanov, A. A., Sorokin, Ju. A. *Somatikon: Aspekty neverbal'noj semiotiki* [Somatikon: aspects of non-verbal semiotics]. Moscow, Institut jazykoznanija AN SSSR. 253 p. (in Russian).

Romanov, A. A., Sorokin, Ju. A. (2008) *Verbo-i psihosomatika: dve karty čelovečeskogo tela* [Verbo and psychosomatics: two maps of the human body]. Moscow, Institut jazykoznanija AN SSSR; Tver', Agrosfera TGSHA publ. 172 p. (in Russian).

Romanov, A., Novoselova, O. (2021) Threatening strategy in pre-election discourse. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. (102), 703–710. DOI: 10.15405/epsbs.2021.02.02.88.

Romanova, L.A. (2009) *Strukturno-semantičeskije aspekty performativov v funkcional'noj paradigme jazyka* [Structural and semantic aspects of performatives in the functional paradigm of the language]. Moscow, Institut jazykoznanija AN SSSR. 180 p. (in Russian).

Shjuc, A. (2003) *Smyslovaja struktura povsednevnoj žizni* [The semantic structure of everyday life]. Moscow, Obshhestvennoe soznanie. 336 p. (in Russian).

Simonov, P. V. (1981) *Jemocional'nyj mozg* [Emotional brain]. Moscow, Nauka. 166 p. (in Russian).

Solso, R. (1996) *Kognitivnaja psihologija* [Cognitive psychology]. Moscow, Trivola. 600 p. (in Russian).

Sorokin, Ju.A. (2009) *Lingvokul'turnaja sreda: kontakty i konflikty* [Linguocultural sphere: contacts and conflicts]. Moscow, Institut jazykoznanija AN SSSR, Tver', Agrosfera TGSNA Publ. 118 p.

Ulanovskij, A.M. (2010) «*Novaja paradigma*» *social'nyh nauk: linii razvitija sovremennogo konstruktivizma* [New paradigm “of social sciences: lines of development of modern constructivism]. In: *Social'naja jepistemologija: idei, metody, programmy* [Social epistemology: ideas, methods, programs]. Moscow, «Kanon+» ROOI «Reabilitacija, pp. 279–298. (in Russian).

Watzlawick, P. (1981) *Die erfundene Wirklichkeit*. München, Piper Verlag.

Wittgenstein, L. (1953) *Philosophical investigations*. New York, Macmillan.

Wunderlich, D. (1975) *Zur Konventionalität von Sprechhandlungen*. Linguistische Pragmatik. Wiesbaden, Athenaion, pp. 5–58.

Sources

Sanders B. 2016 Presidential Campaign Announcement Speech. May 26, 2015. URL: <http://www.4president.org> (Accessed 23th March 2021)

Collins W. *The Woman in White*. URL: <http://www.gutenberg.org> (Accessed 23th March 2021)

Dickens C. *Oliver Twist*. URL: <http://www.gutenberg.org> (Accessed 23th March 2021)

Dreiser T. *Jennie Gerhardt*. URL: <http://ebooks.adelaide.edu.au> (Accessed 23th March 2021)

Dictionaries

CACD – *Cambridge Academic Content Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (Accessed 23th March 2021).

OAAD – *Oxford Advanced American Dictionary*. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (Accessed 23th March 2021).

LDCE – *Longman Dictionary of Contemporary English*. URL: <https://www.ldoceonline.com> (Accessed 23th March 2021).

WNWCD – *Webster's New World College Dictionary*. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (Accessed 23th March 2021).

©Romanov A.A., Novoselova O.V., 2021

Article history:

Received: 26.05.2021

Accepted: 22.06.2021

Bionotes:

Alexey A. Romanov – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, head of Department of the Theory of Language and Intercultural Communication, Tver State Agricultural Academy, Professor of the Department of Fundamental and Applied Linguistics, Tver State University

Contact information:

170100, Russia, Tver, 33, Zhelyabovast.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0905-4921>

e-mail: romanov_tgsha@mail.ru

Olga V. Novoselova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Theory of Language and Intercultural Communication, Tver State Agricultural Academy

Contact information:

170904, Russia, Tver, Sakharovo, 7, Marshala Vasilevskogo St.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4501-986X>

e-mail: olvnov@mail.ru

For citation:

Romanov, A.A. & Novoselova, O.V. Linguocognitive Analysis of Convergent Space of the Threat Construct. *Journal of Psycholinguistics*. 2 (48), pp. 96–117. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-96-117 (in Russian)

УДК 81.42

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-118-129

Научная статья

МИФОЛОГИЯ РУССКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ НЕОЛОГИЗМОВ)

Гудков Дмитрий Борисович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена особенностям национальной мифологии, находящей отражение в коммуникации русского политического дискурса. Основное внимание уделено актуализации мифологических представлений в неологизмах, обозначающих политические реалии современной России. Рассматриваются способы словообразования представленных лексем, особенности их семантики и функционирования. Особое внимание уделено приемам языковой игры, используемым при создании данных единиц.

Ключевые слова: миф, мифологическое сознание, политический дискурс, неологизм, способ словообразования, языковая игра

Введение

«Борьба за номинации оказывается борьбой за фундаментальные групповые ценности», – писал Ю.А. Сорокин, один из пионеров исследования лингвистической составляющей политического дискурса в России [Сорокин 1997: 5]. Данная статья посвящена именно новым номинациям отечественного политического дискурса, в полной мере раскрывающим агональность и непримиримость господствующих в нем коммуникативных практик.

Термин «политический дискурс» нуждается в толковании, что обусловлено различием подходов как к пониманию дискурса, так и к тому, что относится к сфере «политика» и «политическое». Не имея возможности хотя бы кратко остановиться на классификации существующих точек зрения по указанным вопросам, постараемся коротко обозначить свое понимание данных терминов.

Под дискурсом мы будем понимать (по М. Фуко, см. [Фуко 1996: 24]) условия производства и восприятия высказываний, существующие в обществе устойчивые практики речевого взаимодействия, соответственно, политическим дискурсом мы называем массив текстов «о политике» в их функционировании в социальном пространстве, т.е. условия порождения и понимания-интерпретации данных текстов, сближаясь в этом понимании с Е.И. Шейгал: «Политический дискурс – любые речевые образования, содержание которых относится к сфере политики» [Шейгал 2004: 121].

Политика, по определению В.И. Ленина (а его мнение в данном вопросе можно считать вполне авторитетным) – это «устройство государственной власти, (...) участие в делах государства, направление государства, определение форм, задач, содержания деятельности государства» [Ленин 1960–1981: 339–340]. Таким образом, ключевой

проблемой политики, по мнению не только процитированного выше автора, но и всех, кто касался этого вопроса (от Платона, Макиавелли, до современных политологов), является проблема власти, при этом совершенно очевидно: если есть власть, то есть и те, кто подчиняются этой власти.

Мы согласны с тем, что «семиотическая методология позволяет представить политическую власть как коммуникативный процесс, при котором государство и его институты осуществляют постоянное регулятивное воздействие с помощью неких символов и знаков, призванных вызвать соответствующую им ответную реакцию адресата – населения данной страны в целом, его отдельных групп и граждан. Это «субъект-объектное» взаимодействие, осуществляемое посредством определенных знаковых систем, совокупностей символов и смыслов, представляющих собою язык данного общения» [Рахимов, Хабибулин: 52].

Если рассматривать политический процесс как коммуникацию, то могут быть выделены следующие типы коммуникативных отношений: «власть – власть» (встречи глав государств, договоры лидеров партий и т.п.; субъект – субъектные отношения), «власть – подчиненные» (указы, постановления, обращения к народу и др.; власть при этом выступает как субъект, а подчиненные – как объект); «подчиненные – подчиненные» (выступления и отклики на них в различных сегментах интернета, дискуссии в тех или иных политических клубах, бытовые споры о политике и т.д.; субъект – субъектные отношения). Теоретически возможен и еще один вариант: «подчиненные – власть», при котором инициатором коммуникативного взаимодействия, адресантом сообщения выступают именно подчиненные, а власть вынуждена играть роль адресата. Для России такой тип коммуникации традиционно реализуется почти исключительно в виде бунта. Другие формы последнего типа коммуникации в русском политическом дискурсе могут считаться маргинальными. Именно последние два типа коммуникативного взаимодействия мы называем «низовой» составляющей политического дискурса.

До настоящего времени основное внимание исследователей уделялось почти исключительно «дискурсу власти», т.е. тем или иным аспектам (жанровым, семиотическим, лингвистическим и др.) двух первых типов политического коммуникативного взаимодействия. При этом мы считаем не менее значимым его низовой компонент, который отнюдь не всегда является лишь пассивным реципиентом производимых властью значений, но весьма активно (как мы постараемся показать), генерирует собственные смыслы и способы их вербальной реализации. Политический дискурс не только дискурс политиков, т.е. людей, профессионально занимающихся политикой. Комментарий или реплика в Интернете, сделанный собственными руками транспарант, наклейка на стекле автомобиля и т.д. – все это многочисленные и мало исследованные политические тексты.

Мифология и идеология

Давно уже стало общим местом утверждение об агональности политического дискурса, выступающего как поле борьбы различных субдискурсов, которые борются за право на навязывание большинству собственных значений. Каждый из них основывается на определенной идеологии. При этом последняя нераздельно связана с мифологией (системой мифов). Коротко остановимся на этом.

В наивном, обыденном сознании под мифом подразумевается небылица, именно это понимание и отражается в подавляющем большинстве употреблений соответствующего слова в различных русских дискурсах сегодня. Мифу оказывается противопоставлено некое истинное знание, а сам миф является достоянием «темного», «неразвитого», «непросветленного» сознания. Однако есть и иная точка зрения. «Миф не есть нечто давно отжившее, некая выдумка, но представляет собой «логически, т.е. прежде всего диалектически необходимую категорию сознания и бытия вообще» [Лосев [http](#)]. «Миф может адаптироваться к новым социальным условиям, к новым культурным поветриям, но он не может исчезнуть окончательно» [Элиаде [http](#)]. Можно вспомнить большое количество работ по современной политической мифологии, исследование мифологической структуры таких идеологических систем, как коммунизм, фашизм и национал-социализм (напр.: Э. Кассирер, Э. Фромм, Б.П. Вышеславцев, С. Московичи) и т.д.

Обратим внимание на существеннейшее свойство мифа, при отсутствии которого в том или ином сообщении бессмысленно говорить о нем как о мифе. Э. Лич: «Специфика мифа в том, что он является божественной истиной для тех, кто верит, и волшебной сказкой для неверующих» (цит. по [Флад 2004: 31]). Проблема в том, что говорить о мифе именно как о мифе можно только в том случае, если в него верят. Чтобы миф был действительно мифом, необходимо рассматривать его «не с точки зрения какого-нибудь научного, религиозного, художественного и пр. мировоззрения, но исключительно лишь с точки зрения самого мифа; (...) миф есть (для мифического сознания, конечно) наивысшая по своей конкретности, максимальная интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность» [Лосев [http](#)]. Скажем, загробная жизнь для верующего человека не фикция, не абстракция, а живо переживаемая реальность, понятие кармы для человека индуистской культуры не подвергается сомнению и определяет его конкретные поступки; для человека, любящего Родину, последняя не является исключительно географическим термином, некоей территорией, а разговоры о ее особом предназначении – выдумками, он ощущает магическую связь с родной землей, болезненно переживает разлуку с ней (ср. литературу русской эмиграции, в примитивизированном виде – переживания футбольных болельщиков, олицетворяющих себя с группой спортсменов, которые, в свою очередь, не просто гоняют кожаную сферу, но защищают страну как таковую); космополит, верящий в универсальные общечеловеческие ценности, тоже остро переживает эти ценности и т.д. и т.п. Итак, без веры, без конкретного личностного переживания миф мертв, это уже не миф, как мумия не человек.

В данной работе мы будем рассматривать миф следующим образом: миф – не подвергаемая рефлексии высшая истина, лично и конкретно переживаемая индивидом, объясняющая ему мир и задающая модели поведения в этом мире, она почти непроницаема для эмпирического опыта и «чистой» логики, при этом миф обладает собственной логикой. Мифологическое сознание является отнюдь не только достоянием традиционного общества, давно ушедших веков, оно активно представлено и сегодня.

Идеология, как следует из внутренней формы этого слова, представляет собой некую систему идей, опирающуюся на некоторый теоретический фундамент и (добавим от себя) претендующая на научность и логическую непротиворечивость.

При этом «в исторически сложившемся арсенале идеологии находится вся совокупность мифических образов. Этот как бы вневременный арсенал средств мифического мышления может соответствующим образом активизироваться в зависимости от обстоятельств и социальных условий» [Автономова 1998: 195]. Не откажем себе в удовольствии привести яркую цитату из А.Ф. Лосева: «С точки зрения коммунистической мифологии, не только «призрак ходит по Европе, призрак коммунизма» (...), но при этом «копошатся гады контрреволюции», «воют шакалы империализма», «оскаливает зубы гидра буржуазии», «зияют пастью финансовые акулы» и т.д. Тут же снуют такие фигуры, как «бандиты во фраках», «разбойники с моноклем», «венценосные кровопускатели», «людоеды в митрах», «рысофорные скулодробители»... Кроме того, везде тут «темные силы», «мрачная реакция», «черная рать мракобесов», и в этой тьме – «красная заря мирового пожара», «красное знамя восстаний»... Картинка! И после этого говорят, что тут нет никакой мифологии» [Лосев [http](http://)].

Миф выступает как высшая форма системности, доступной обыденному сознанию <...>; обыденное сознание заимствует из мифа некоторые <...> формы объяснения действительности и одновременно те или иные программы деятельности, предписания к поведению» [Автономова 1988: 177–178]. При этом, по А. Грамши, «массы как таковые не могут усваивать философию иначе, как веру» [Грамши 59: 28]; философия в данном случае максимально сближается с идеологией как системой идей, являющейся фундаментом любой политической коммуникации, согласно Ю.А. Сорокину, считавшему, что «политический дискурс есть разновидность – видовая – идеологического дискурса» [Сорокин 1997: 4]. Идеология же, если и не заменяется полностью, то существенно дополняется мифами, сохраняющими все свои имманентные свойства.

Среди последних выделим следующие:

- бинарность оппозиций (можно быть или святым, или демоном, героем или предателем и трусом, какая-либо градуальность исключается);
- синкретизм (для нас значимо, что в представителе «тьмы» не может быть ничего светлого или хотя бы не совсем темного, что-либо (та или иная идея, явление, действие и т.д.) или безоговорочно принимается, или полностью и решительно отвергается;
- непроницаемость для эмпирического опыта и других мифологических систем;
- интенсивность личностного переживания, рождающая высшую экспрессивность и аксиологичность.

Неологизмы русского политического дискурса

Мы полагаем, что все, сказанное выше, находит свое яркое воплощение в словообразовательном творчестве в таком низовом жанре русского политического дискурса, как интернет-комментарий. Последний сам по себе заслуживает отдельного разговора (его жанровая специфика, типы, вербальные маркеры, коммуникативные особенности и др.), которого мы позволим себе в настоящей работе избежать, остановившись лишь на присутствующих в нем неологизмах.

При отборе материала мы рассматривали различные ресурсы мировой сети: форумы, блоги, чаты и др., не обращая при этом к официальным сайтам партий

и отдельных политиков¹. К неологизмам мы относили вербальные единицы, употребленные не менее пяти раз в разных текстах различными авторами, единичные употребления нами не анализировались и рассматривались как окказионализмы (при всей условности границы между окказионализмом и неологизмом). Вряд ли многим словам, вошедшим в наш список, уготована долгая жизнь – они создавались на злобу дня и, можно предположить, что по мере удаления от тех событий, которые явились причиной их рождения, с изменением политической повестки будут выходить из употребления. Но при всем этом данные единицы являют собой, на наш взгляд, весьма интересный феномен, заслуживающий внимания.

Пытаясь в самом общем виде классифицировать собранные нами неологизмы, отметим доминирование имен, нам встретились только 3 глагола: *подхрюкивать*, *(по-)едросить* и *майданить*, причем лишь первый выступает в качестве производящего в словообразовательном гнезде (*подхрюкивание*, *подхрюкиватели*):

Подхрюкивали все президенты независимой и на Запад, и на Восток, но после событий 2014 года, подхрюкивание раздавалось уже только в сторону Запада. Зато какое это было подхрюкивание! *На всех уровнях!* (<https://news-front.info/2019/06/25/dmitrij-borisenko/>). Запад прессует нас санкциями, чтоб разбалансировать экономику, вывести народ на улицы и скинуть власть. Это всем понятно. Как назвать тех, кто помогает ему в этом? Не «подхрюкиватели», нет? (<https://www.politforums.net/internal/1550746797.html>). Это наше обманутое поколение. Лет через 5-7 поймут, что ими воспользовались, **поедросили** и бросили (ru.pokerstrategy.com/Россия/thread.php). Поскольку в Москве нелюдь снова пытается майданить, *самое время перечитать старенький айпад с разогнанного гей-парада и перепостить кое-какие мои старые посты с метками «майданы», «антиоранжевое сопротивление» и пр.* (<https://sandra-nika.livejournal.com/2269869.html>).

Если говорить о семантических группах неологизмов, то первое место занимает уничижительное обозначение приверженцев той или иной идеологии, тех или иных политических воззрений (*бандерлядь*, *едрос(-)ы*, *кремлеботы*, *кремлядь*, *либераст(-)ы*, *майдаун* (*майданутый*), *навальнятина*, *патриотня*, *поцреот*, *православнутый*, *путиноид*, *толераст*):

Если бандерляди взаправду думают, что перевес в их сторону – это хорошо. Саакашвили тоже был о-очень уверен в своей победе над Южной Осетией и Абхазией... Давайте, укрофашистня, подходи ближе, не стесняйся (<http://antifashist.com>). Вопрос: Почему слово «**едрос**» как обозначение члена партии Единая Россия быстро вошло в народный обиход как оскорбительное... ([otvet.mail.ru](https://otvet.mail.ru/question/78065506) Открытые вопросы/78065506). Кремлеботы отстаивают точку зрения Кремля, Единой России и прочих жуликов и воров, а навальновские – госдеповскую, навальновскую, прозападную (<https://teenslang.su/content>). **Кремляди** – новая порода людей в России! С ударением на букву «я» это слово очень емко характеризует категорию людей, лицемерящих в угоду Кремля (mercedesgclass.com/gclass/кремлядь/). Рассказ о себе начинаю с литературной

¹ Учитывая некоторые экстралингвистические факторы, мы не включаем в наш обзор примеры с однозначно обсценной лексикой. Отдельного разговора заслуживает орфография и пунктуация отечественных пользователей сети Интернет, но этот вопрос мы даже не станем поднимать, заметив, что старались исправить наиболее грубые ошибки, сохраняя при этом стилистику.

отповеди записным борцам с «конспирологией» – как правило, это отпетые **либерасты**, склочность которых сравнится только с их невежеством (voprosik.net>liberasty-i-gossiya/). Давайте вспомним, чем укропский майдаун отличается от российского? Спрашивали – отвечаем: **и укропский, и российский майдауны есть запредельные мрази, но укропский майдаун, в отличие от российского, есть патриот укропии** (<https://sandra-nika.livejournal.com/2269869.html>). Все знают, что быть нацистом плохо. Но некоторые остаются нацистами, невзирая на это. Майданутые знают, что продали и предали свою страну. Майданутые знают, что они преступники. Майданутые знают, что их обманывают. Но они рады обманываться, и они поддерживают преступления «своих» (<https://dosie.su/obshestvo/25638.html>). *Рассказать об этой битве молодому поколению, которое предательская **навальнятина** тащит на площади поджигать майдаун и ломать страну. Рассказать о том, как в 1943-м их ровесники сражались за великую Советскую Родину, как громили фашистов* (<http://www.kprfspb.ru/17348.html>). *Понимаю, что значительная часть нищего белорусского населения – тухлая **патриотня**, в Орде ей будет комфортнее умирать. Но все же исторический выбор зависит не от совкового старичья с угасающим сознанием* (<https://colonelcassad.livejournal.com/6076025.html>). У **поцреота** в мозге живёт парадокс, вынуждая одновременно любить Россию и русский народ и презирать этот самый народ, считая его быдлом, которым можно править только с помощью сильной руки (<https://otvet.mail.ru/question/77019779>). Задолбали православнудые. *Не путать с православными: они ищут Бога, а православнудые – дьявола. Если первые пытаются спастись сами, то последние начинают спасать окружающих, причём им по барабану, хотят этого «спасения» окружающие или нет* (http://www.znatnado.ru/-kolonki_page_2096). Чем отличается зомбо-путиноид от нормального думающего человека? Тем, что у путиноида история России начинается с 91 года и заканчивается концом правления Путина! Думающий же человек чтит своих предков начиная от славянских племён и гордится своей страной во все времена, начиная от княжеской России до СССР! (<https://ok.ru/pavelgrudi/topic/69468078101972>). **Единственное, чего не может стерпеть толераст, – это любого нетерпения к кому-либо.** Этот постулат прочно вошёл в обиход современного светского общества и стал его нормой. А общество, ослеплённое демократическими стремлениями, топчет насмерть любого, кто только встанет у него на пути – на его толерантном пути (<http://krasvremya.ru/tolerantnost>).

Среди неологизмов присутствует значительное количество этнонимов, вернее, форм, указывающих на национальную принадлежность лица (группы лиц), при этом максимально пейоративных, уничижительных (*мелкобриты, наглосаксы, хохлопы, хохлопитеки, пиндосы, поленья*). Зачастую эти единицы используются для указания не столько на этничность, сколько на приверженность определенным политическим и идеологическим воззрениям:

*Сколько **мелкобриты** пакостей нам сделали. Начиная с Крымской войны* (ok.ru>antimaydannod/topic/154338713405440). «Русские считают украинцев младшими, убогими, но все-таки братьями. А «наглосаксы» считают украинцев биомусором», - уверена украинская правозащитница Татьяна Монтян (<https://fishki.net/anti/2216064>). *Убогим тупым **пиндосам** хочется, чтобы весь мир у них в шестёрках ходил, и купался в том же самом **пиндосском** дерьме* (<https://maxpark.com/community/8218/content/7378253>). *К вам, поляки, это относится в первую очередь. Четыре раздела*

были? И? Ждете пятого. Тупые **поленья** не знают, что мир противоречив. Свою позицию - «давайте их побьём, но только все вместе (но мы лучшие поруководим)» они считают **праведной**. Она им не раз «помогала» (<http://ursa-tm.ru/forum/index.php?topic/386002>). Не будет никакого вторжения, никто не будет вторгаться на помойку, которую потом, при постоянных плевках в спину и подлянках, устраиваемых хохлопами, **придётся содержать**. Нет уж, пусть хохлопы дохнут под Западным владычеством (<https://politikus.ru/articles/politics/83329.html>). Граждане Украины, которые верят своим властям, тому бреду, что несет олигархическая власть – это реальные **хохлопитеки-идиоты без мозгов** (<https://rex711.livejournal.com/1392300.html>).

Следует обратить внимание на такую характерную особенность, как использование малопродуктивных в «нормальной» речи словообразовательных средств, к примеру, за счет расширения зоны действия моделей, имеющих жесткие семантические ограничения. Ярким примером подобного является использование в качестве словообразовательного средства морфемы -атин- (навльнятина, соросятина, чубайсятина):

*Посмотрел сейчас Незнайку на Луне. Как этот мульт еще не запретили, или запретили уже? Это же какая-то **навальнятина** с призывом к свержению действующей власти* (<http://waroffline.org/index.php?showtopic=185&st=0&>). *«Я далеко от политики, бизнесов не имею и говорю, что хочу. Наш премьер и вся **соросятина** просто перекалывают на Россию свою вину за поражение в Карабахе», - заявил армянский телепродюсер Армен Григорян* (<https://www.politnavigator.net/armyanskijj-teleprodyuser.html>). *Крупный российский бизнес, порождённый «гайдаро-чубайсятиной» – это энергичная и преступная мразь, лишенная моральных основ, которая в сумерках перестройки торопливо, как мародер, обобрала убитую Родину* (<https://zen.yandex.ru/media/id/601ed980f2a56f0eaa36517f>).

Другим примером является использование суффикса -н' - (либерастня, патриотня, фашистня):

*Вы, **либерастня**, отдадите и Крым, и Курилы с Калининградом. Ваши вожди об этом прямо говорят. Так что на хрен вас, майдуновпятиколонных* (<http://ursa-tm.ru/forum/index.php?topic/316333>). *Еще совсем недавно вся пригожинская **патриотня** визжала - Сенцов будет сидеть. А эти? Другие? Что, тоже будут сидеть, пока Сенцов двадцать лет не отсидит?* (<https://sajonik.livejournal.com/3025457.html>). *Жительницы Харькова возмущены тем, что по городу ездят вооруженные боевики нацгвардии и карательных батальонов. Женщины начали кричать и обзывать их нецензурными словами и «чертовой **фашистней**»* (<https://rusvesna.su/news/1412538647>).

Для презрительной номинации активно используются единицы с квазиморфемой-лядь-, отсылающей к семантике соответствующей обсценной лексемы (бандерлядь, кремлядь, хохлядь):

*Куда к вам? В вашу хохлопомойку? Твой подхрюкивающий хозяевам из госдепа «пяточок», **бандерлядь**, выдаёт тебя до самого кончика хвоста* (<https://russia.ru.net/LisaPatrikeevna>). **Кремляди** – новая порода людей в России! С ударением на букву «я» это слово очень емко характеризует категорию людей, лицемерящих в угоду Кремля (mercedesgclass.com/gclass/кремлядь/). *Национально свидомая **хохлядь** сегодня*

напала на дверь Сбербанка в Киеве. Или это дверь напала на хохлядь? Нифига не понятно, потому что у «патриотов» как обычно все через задницу (<https://labuda.blog/22900.html>).

Обратимся теперь к замечаниям по поводу приведенного глоссария. Некоторые из них лежат на поверхности. Так, очередной раз наглядно иллюстрируется агональность политического дискурса и повышенная конфликтность Интернет-коммуникации. Подавляющее большинство приведенных номинаций представляют собой ярко выраженные пейоративы. Безусловна и ориентация на создание комического эффекта, прежде всего, сатирического, саркастического, направленного на дискредитацию, вербальное «уничтожение» того объекта, на который указывает языковой знак. Многие из них являют собой откровенный отсыл к обценной лексике (кремлядь, православнудый, белогандонник, либераст, пропагандон, толераст).

При создании данных лексем наглядно проявляется поэтическая функция языка, установка на «творчество». Появление нового знака, безусловно, усложняет код (в нашем случае – русский язык), что, согласно принципу языковых антиномий, подробно описанному М.В. Пановым (см. [Панов 2007]), сокращает «текст», но при этом затрудняет восприятие сообщения реципиентом. Однако это затруднение компенсируется тем «удовольствием», которое получает адресат высказывания от разгадывания предложенной «загадки», а ведь получение удовольствия игроками и есть главная цель любой игры. Загадка в данном случае легко разгадывается, что создает эффект «интеллектуальной победы», привлекает внимание и способствует установлению контакта с «говорящим».

Любопытно, что пользователи рассматриваемыми знаками активно реализуют метаязыковую функцию, давая собственную семантизацию используемых неологизмов, ср.: Быдлосование – это когда быдло сует в урну заполненные как под копирку бумажки; Человек, порабощённый этим толерантным настроем, называется на сетевом сленге – **толерастом** и т.п.

Следует подчеркнуть, что комический эффект создается благодаря тому, что, с одной стороны, оказывается нарушена языковая норма, привычный узус вербальных единиц, но при этом задействуются те словообразовательные механизмы, которые предоставляет система языка.

При этом имеет смысл обратить внимание на одну особенность некоторых из данных неологизмов. Они выступают как своеобразный мини-текст, являя собой особый тип знака, совмещающий в себе номинацию и предикацию, слово представляет собой даже не словосочетание, а свернутое предложение, наиболее яркие примеры: кремлядь, быдлосование. Подобный прием можно наблюдать при языковой игре с именами собственными, которые нами в этой работе сознательно не рассматривались, ср., например: Путлер, Воровальный.

Заметим также специфический способ образования подобных вербальных единиц. В данном случае мы имеем дело не со сложением основ, как это происходит при конструировании неологизмов, скажем, в спортивном дискурсе (ср., например: лыжегоночный, медалеемкий, евролижный и др.), но с усечением одной или даже обеих основ тех слов, из которых «складывается» неологизм: либераст, толераст, бандерлядь, быдлосование. При этом в семантике данных единиц совмещаются и тесно переплетаются значения исходных слов. Вероятно, именно это является основой той

семантической неопределенности, которая характерна для этих вербальных единиц и которая дает возможность аксиологическим и коннотативным аспектам их значения превалировать над денотативными.

Выводы

В приведенных примерах употребления неологизмов русского политического дискурса наглядно проявляется характерная для него карнавальность в уже традиционном понимании М.М. Бахтина (ср.: «В низ, наизнанку, наоборот, шиворот-навыворот – таково движение, проникающее все эти формы. Все они сбрасывают в низ, переворачивают, ставят на голову, переносят верх на место низа, зад на место переда, как в прямом пространственном, так и в метафорическом смысле» [Бахтин [http](http://)]). Игра, в данном случае игра с означающими, оказывается самоценной и самодостаточной. При этом в значительном количестве примеров легко увидеть обращение к «низу», как телесному, так и языковому (имеется в виду апелляция к языковому материалу, находящемуся за пределами литературной нормы). Впрочем, в этом пользователи Интернета следуют в русле той тенденции, которая была задана первым лицом государства, призвавшим мочить террористов в сортирах, не лепить горбатого и осуждавшим чиновников за то, что они с дуба рухнули.

Номинативные особенности рассматриваемых единиц и их функционирование в коммуникации наглядно свидетельствуют, что данные неологизмы однозначно принадлежат мифологическому сознанию и отражают борьбу различных мифов в рамках русского политического дискурса. Каждая из этих лексем исключает какую-либо градуальность оценки, объект номинации целиком «уничтожается» подобным именованием, исключается из числа явлений, достойных обсуждения, само оно максимально аксиологично и экспрессивно до страстности. При этом какие-либо аргументы против заявленной точки зрения не могут восприниматься, т.к. изначально принадлежат еретикам. Разве можно вступать в дискуссию с православнутой патриотней? Стоит ли слушать аргументы майданутой бандерляди?

Картина совершенно закономерная и характерная отнюдь не только для «низовой» коммуникации в политическом дискурсе.

© Гудков Д.Б., 2021

Литература

- Автономова Н.С.* Разум. Рассудок. Рациональность. М.: Наука, 1988. 287 с.
- Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. Электронный ресурс. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Baht/intro.php (дата обращения: 11.05.2021).
- Грамини А.* Избр. произв. в 3-х т.: пер. с итал. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957–59. Т. 3. 561 с.
- Ленин В.И.* ПСС. М., 1960–1981. Т. 23.
- Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. Электронный ресурс. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/6/dialektika-mifa/> (дата обращения: 14.05.2021).
- Панов М.В.* Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т.2. М.: Языки славянской культуры, 2007. 848 с.

Рахимов Р.А., Хабибуллин А.Г. Политическая власть и право: проблемы семиотического анализа // Правоведение. 2000. № 2. С. 52–59.

Сорокин Ю.А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия // Политический дискурс в России. Материалы рабочего совещания. (Россия, Москва, 30 марта 1997 г.). М.: НИОПИК, 1997. С. 57–62.

Флад К. Политический миф. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 264 с.

Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 416 с.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 328 с.

Элиаде М. Аспекты мифа. Электронный ресурс. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/el_asp/index.php (дата обращения: 11.05.2021).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 01.06.2021

Дата принятия к печати: 20.06.2021

Сведения об авторе:

Гудков Дмитрий Борисович – доктор филологических наук, профессор филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Контактная информация:

119991 Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2505-7375>

e-mail: dmi-gudkov@rambler.ru

Для цитирования:

Гудков Д.Б. Мифология русского политического дискурса (на примере неологизмов) // Вопросы психолингвистики №2(48) 2021, С. 118–129, doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-118-129

UDC 81.42

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-118-129

Research article

**MYTHOLOGY OF RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE
(A CASE STUDY OF NEOLOGISMS)**

Dmitry B. Gudkov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract

The article is devoted to the peculiarities of national mythology reflected in the communication of Russian political discourse. The main attention is paid to the actualization of the mythological representations in neologisms denoting the political realities of modern Russia. The methods of word formation of the presented lexemes, the features of their

semantics and functioning are considered. Special attention is paid to the language game techniques used when creating these units.

Keywords: myth, mythological consciousness, political discourse, neologism, method of word formation, language game

References

Avtonomova, N.S. (1988) *Razum. Rassudok. Ratsional'nost'* [Mind. Reason. Rationality]. Moscow, Nauka publ. 287 p. (in Russian)

Bakhtin, M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa* [Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance]. Available from: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Baht/intro.php (Accessed 11th May 2021). (in Russian)

Gramsci, A. *Izbrannye proizvedeniya v 3-kh tomakh* [Selected works in 3 volumes]. Translated from Italian. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1957–59. Vol. 3 (in Russian)

Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete collection of works]. Moscow, 1960–1981. Vol. 23 (in Russian)

Losev, A.F. *Dialektika mifa* [Dialectics of myth]. Available from: <https://azbyka.ru/otechnik/6/dialektika-mifa/> (Accessed 14th May 2021). (in Russian)

Panov, M.V. (2007) *Trudy po obshchemu yazykoznaniyu i russkomu yazyku* [Works on General Linguistics and the Russian language]. Vol. 2. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 848 p. (in Russian)

Rakhimov, R.A., Khabibulin, A.G. (2000) *Politicheskaya vlast' i pravo: problemy semioticheskogo analiza* [Political power and law: problems of semiotic analysis]. *Pravovedenie*. (9). 52–59. (in Russian)

Sorokin, Yu.A. (1997) *Politicheskii diskurs: popytka istolkovaniya ponyatiya* [Political discourse: an attempt to interpret the concept]. In: *Politicheskii diskurs v Rossii. Materialy rabocheho soveshchaniya* [Political discourse in Russia. Materials of the workshop]. (Russia, Moscow, 30th March 1997). Moscow, NIOPIK publ., pp. 57–62. (in Russian)

Flood, Ch.G. (2002) *Politicheskii mif* [Political myth]. Translated from English (2004). Moscow, Progress-Traditsiya. 264 p. (in Russian)

Foucault, M. (1969) *Arkheologiya znaniya* [The archaeology of knowledge]. Translated from French (1996). Kiev, Nika-Tsentr. 416 p. (in Russian)

Sheigal, E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow, Gnosis publ., 2004. 328 p. (in Russian)

Eliade, M. *Aspekty mifa* [Aspects of myth]. Available from: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/el_asp/index.php (Accessed 14th May 2021). (in Russian)

© Gudkov D.B., 2021

Article history:

Received: 01.06.2021

Accepted: 20.06.2021

Bionotes:

Dmitry B. Gudkov – Doctor of Philology, Professor of the Faculty of Philology of the Lomonosov Moscow State University

Contact information:

119991 Russia, Moscow, GSP-1, Leninskie gory, 1, bld. 51

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2505-7375>

e-mail: dmi-gudkov@rambler.ru

For citation:

Gudkov, D.B. (2021) Mythology of Russian Political Discourse (A Case Study of Neologisms). *Journal of Psycholinguistics*. 2 (48), pp. 118–129. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-118-129 (in Russian)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'13, 159.9

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-130-143

Научная статья

ВЫГОТСКИЙ, ИЛЬЕНКОВ И ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ МЫСЛИ И СЛОВА

Журавлев Игнатий Владимирович

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания
РАН, Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются ключевые положения теории исторического развития психики Л.С. Выготского и обсуждается проблема отношения между мыслью и словом как ключевая проблема психолингвистики. Главный методологический принцип теории Выготского – это принцип монизма. Все высшие психические функции характеризуются социальным происхождением и единой структурой, в которой «определяющим целым» является знак. История психики человека может быть представлена как естественная история знаков. Теория Л.С. Выготского не является «словоцентристской», поскольку именно его разработки позволяют трактовать слово не только как венец развития и единство общения и обобщения, но и как превращенную форму деятельности. Проблема отношения между мыслью и словом – это психолингвистическая проекция психофизической проблемы, методологически корректное решение которой должно опираться на введенное А.Н. Леонтьевым противопоставление образа и процесса. Данное противопоставление является одним из главных постулатов психолингвистики. Знак – это всегда «полупрозрачный» объект, который в одних случаях стремится к полнейшему «испарению» (и тогда на первый план выступает его функциональное бытие), а в других – обретает «плотность» (и тогда его содержание заслоняется его объектными характеристиками). «Вращивание» знака – это и есть испарение его объектных свойств; «внутренний» знак — это знак, выступающий в своем функциональном бытии. Путь «от мысли к слову» – это формирование мысли, «живая драма», жизнь мысли внутри слова.

Ключевые слова: Выготский, Ильенков, психофизическая проблема, мышление и речь, знак, высшие психические функции, образ и процесс

Введение

Современная психолингвистика может быть представлена как совокупность теорий, имеющих принципиально различные методологические основания. Наиболее глубокими являются различия в онтологии, связанные с тем, реализуется ли в психолингвистической теории принцип монизма или, напротив, принцип дуализма. Монистическая онтология наиболее строго выстраивается в линии «Спиноза – Гегель – Маркс – Выготский – Леонтьев», т.е. реализуется в деятельностном подходе к анализу речевых процессов, а дуалистическая – в картезианской традиции, к которой может быть отнесена и лингвистика Н. Хомского, и вся современная когнитивистика.

Отсутствие в психолингвистике единой онтологии оборачивается формированием

принципиально различных подходов к решению главной проблемы психолингвистики – проблемы отношения между мыслью и речью (это психолингвистическая проекция основного вопроса философии). Единственно верный путь решения этой проблемы – это путь, ясно очерченный Л.С. Выготским, который считал ее «центральной проблемой и *via regia* всей исторической психологии» [Записные книжки Л.С. Выготского 2018: 293]. Принципиальные положения культурно-исторической психологии, основанной Л.С. Выготским, легли в основу общепсихологической теории деятельности и, соответственно, теории речевой деятельности (основной теории Московской психолингвистической школы).

Социальное происхождение и знаковое опосредование психических функций

Главный методологический принцип теории Л.С. Выготского – это *принцип монизма*, требующий рассмотрения человеческой психики, сознания не как особой «бестелесной» субстанции, противопоставленной миру физических («протяженных») объектов, а как функции человеческого коллектива. Вместо картезианского абсолютного противопоставления психики и тела (мозга), выражающегося в неразрешимой психофизической проблеме, Выготский ориентируется на диалектическое противопоставление индивида и коллектива. Оставляя психику «один на один» с мозгом, невозможно объяснить ни мозг, ни психику (но именно этим и занимается большинство представителей так называемой «philosophy of mind»). Развитие высших психических функций у ребенка никак нельзя объяснить созреванием его мозга, реализацией биологически (генетически) заложенных в мозге «задатков». Равным образом это развитие невозможно объяснить и реализацией («актуализацией») душевных «способностей» или «качеств», якобы в зачаточной форме присутствующих в психике с самого начала, с момента появления ребенка на свет. Путь объяснения, найденный Выготским, – это анализ системы социальных отношений и деятельности коллектива, позволяющий раскрыть как единое происхождение всех высших психических функций (в фило- и онтогенезе), так и единое их строение.

Любая высшая психическая функция, говорит Л.С. Выготский, в ходе развития выступает на сцену дважды: сначала – как отношение *между людьми* (интерпсихическое), а потом – как отношение *внутри психики* (интрапсихическое). Система интрапсихических отношений формируется в ходе *интериоризации* системы интерпсихических отношений. Это можно пояснить на примере формирования понятий, т.е. развития функции обобщения. Обобщение – это не только подведение предмета или явления под какую-то общую категорию, но и узнавание предмета в качестве «того же самого» в любой новой ситуации взаимодействия с ним. Любой стол, который мы прежде не видели, благодаря обобщению мы воспринимаем именно как стол. Но и письменный стол, стоящий у нас в кабинете, мы можем иногда использовать как обеденный опять-таки благодаря обобщению. Однако понятием стола мы обладаем исключительно потому, что смотрим на стол «глазами» коллектива. Первоначально обобщение – это разделение предмета между людьми в совместной деятельности, это коллективный взгляд на предмет (интерпсихическое отношение), и лишь затем, в результате интериоризации, обобщение становится способностью человека разделить предмет с самим собой, увидеть его в контексте собственной деятельности, отнести его к той или иной категории в свой голове (интрапсихическое отношение). Другой

пример – формирование воли: изначально один человек управляет другим, и только впоследствии человек начинает управлять собой сам. Только так и развиваются все высшие психические функции: сначала ребенок учится чему-то во взаимодействии со взрослым, а затем делает это самостоятельно. Функции или операции, которые ребенок пока еще выполняет с помощью взрослого, находятся, по Л.С. Выготскому, в *зоне ближайшего развития*. Когда ребенок обучается выполнять их сам, они переходят в *зону актуального развития*.

Единое социальное происхождение высших психических функций необходимо оборачивается единством их *строения*. Недостаточно сказать, что интерпсихические отношения «становятся» интрапсихическими. Надо указать *средство*, при помощи которого форма отношения между людьми становится формой интрапсихического отношения. В этом средстве должны соединяться *общение* и *обобщение*: с одной стороны, оно должно служить воздействию одного человека на другого, но с другой стороны, оно должно быть средством, при помощи которого человек станет самим собой, обретет способность посмотреть на себя со стороны и управлять собственным поведением. Наконец, это средство само должно быть объектом эволюции, развития, оно должно быть частью «неорганического тела человека», т.е. системы объектов, в которых воплощаются и фиксируются формы человеческой деятельности: *раз высшие формы поведения становятся возможными благодаря культурному, а не биологическому развитию человека, то и в строении этих форм поведения «определяющим целым» должны быть единицы, имеющие не природное, а культурное происхождение*. Таким критериям отвечает только знак (в первую очередь – слово естественного языка): согласно Выготскому, все высшие формы поведения, все высшие психические функции опосредуются знаками.

Идеи, на которые опирался Л.С. Выготский, достаточно просты, их высказывали и его предшественники, и его современники. Иное дело идеи, которые он формулировал сам. О социальном происхождении психики говорили, конечно, и другие исследователи. В психологии народов (этнической психологии), социологии, антропологии формулировались положения о различии между социальным и индивидуальным, влиянии коллективного на индивидуальное, детерминации развития психики человека социальными факторами. В. Вундт предлагал исследовать высшие психические процессы методами *психологии народов*, т.е. путем анализа языка, мифов и обычаев. Г.Г. Шпет, разрабатывая проект этнической психологии, говорил о реальности коллектива как субъекта совокупного действия. Представители английской антропологической школы (Э. Тайлор, Дж. Фрэнсер) видели отличие психики цивилизованного от психики дикаря в различиях между культурами, в разнице между запасом знаний. Французские исследователи (Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль) разрабатывали концепцию коллективных представлений. Идея о том, что высшие формы поведения включают опосредующие звенья (например, использование орудий), также была не нова. Многим исследователям было ясно, что бихевиористская и рефлексологическая формула «стимул – реакция» не обладает объяснительным потенциалом, достаточным для исследования высших психических процессов: в нее требовалось включить «среднее звено». Э. Кассирер в качестве такого звена рассматривал *символическую систему*. «Человек сумел открыть новый способ адаптации к окружающей среде. У него между системой рецепторов и эффекторов есть еще третье звено, которое можно назвать символической системой.

<...> Вместо того чтобы обратиться к самим вещам, человек постоянно обращен на самого себя. Он настолько погружен в лингвистические формы, художественные образы, мифические символы или религиозные ритуалы, что не может ничего видеть и знать без вмешательства этого искусственного посредника» [Кассирер 1998: 470–471]. Несколько позже пионеры когнитивной революции в качестве среднего звена предложили рассматривать когнитивную карту (Э. Толмен), систему глубинных убеждений (А. Бек) и т.п.

Однако подход Выготского состоял не просто в том, чтобы добавить в известную формулу недостающее среднее звено. Принципиально это еще ничего не решало бы, и дуализм схемы «стимул – реакция» не был бы таким образом преодолен. Точно так же, недостаточно было просто связать развитие психики человека с системой социальных отношений: ведь эта система может трактоваться как такая же внешняя по отношению к человеку (индивиду) среда, каковой является среда биологическая. И снова, тут не произошло бы преодоление дуалистической схемы «внешнее – внутреннее». Выготский, выстраивая *монистическую* психологию (как последователь Спинозы, Гегеля и Маркса), элегантно ударом разрушает обе дуалистические схемы. Его аргументация изящна и точна. Он не только показывает, как «устроены» высшие психические функции, но и обосновывает их строение их происхождением. Во-первых, в структуре высшей функции примитивная связь между стимулом и реакцией не просто устраняется или, наоборот, усложняется введением опосредующего звена: высшая структура вбирает в себя низшую, сохраняя («снимая») ее и в то же время подчиняя ее себе. Во-вторых, *происхождение* высших психических функций рассматривается как их *природа*, а это значит, что социальность, система социальных отношений не противопоставляется индивиду как внешняя среда, из которой он что-то «усваивает» в ходе развития, а трактуется как суть, как существо его психики. Мы носим систему социальных отношений внутри себя. Нет дуалистического противопоставления индивидуального и социального, есть понимание индивидуального *как* социального. Нет двух разных идей: социального происхождения психики и знакового опосредования психических функций. Есть одна идея, одна теория, один объяснительный принцип.

Знак как «определяющее целое»

Мы сказали, что только знак может быть средством, формирующим систему интрапсихических отношений. Однако поведение человека опосредуется не только знаками, но и орудиями. Почему тогда мы говорим именно о знаке? Почему употребление палки обезьяной не свидетельствует о наличии у нее высших форм психики, характерных для человека? Ответ Выготского гениален и прост. Знак, говорит он, не изменяет ничего в объекте, во внешнем для человека мире. Как ты вещь ни называй, ее физические свойства от этого не изменятся. Иное дело орудие: оно тем и отличается от знака, что направлено на внешний мир, призвано изменять что-то во внешнем мире. Знак же изменяет мир внутренний, он направлен не на внешнюю реальность, а на реальность внутреннюю, пусть даже изначально это внутренняя реальность другого человека.

Сначала человек воздействует при помощи знака на другого, а потом на самого себя. Сначала он выступает как объект такого воздействия, а потом применяет это воздействие к самому себе, становясь и его субъектом, и его объектом. И только так

психические функции человека становятся произвольными, только так формируется самосознание – способность человека посмотреть на себя со стороны. Как пишет Л.С. Выготский, про животного можно сказать, что его «потянуло» к чему-то, а про палку нельзя сказать, что она «взялась» лапой обезьяны. Применение орудия – это важный шаг к произвольности функций. Но орудием мы не воздействуем на самих себя, на свой внутренний мир. Чтобы функция стала произвольной, нужно сделать самого себя объектом собственного воздействия. Единственным средством, позволяющим это сделать, является знак. Эта функция знака исчезает лишь вместе с наступлением безумия [Выготский 2000: 619].

Развитие психики поэтому может быть представлено в виде естественной истории знаков: «Новые структуры, которые мы противопоставляем низшим, или примитивным, отличаются прежде всего тем, что непосредственная слитность стимулов и реакций в едином комплексе оказывается нарушенной. ...Между стимулом, на который направлено поведение, и реакцией человека выдвигается новый промежуточный член, и вся операция принимает характер опосредованного акта. ... *в высшей структуре функциональным определяющим целым или фокусом всего процесса является знак и способ его употребления*» [Выготский 2000: 595–596]. Еще раз подчеркнем, что этот принцип применим по отношению к абсолютно любой высшей психической функции, будь то память или мышление, воображение или воля, восприятие или внимание. И если исследователь, интроспективно рассматривая функции, которые уже прошли свое развитие (и в своей «окаменелой форме» выглядят примерно так же, как и примитивные реакции), не обнаруживает в них роли знаков, то это никак не может свидетельствовать о том, что знакового опосредования там нет. Природа и суть функции – это история ее развития. Знаками (и в первую очередь – знаками естественного языка) «прошито» в психике всё. Это, конечно, не означает, что нет произвольных, несознательных, неоречевленных процессов. Они всегда есть, но ими не только не исчерпывается, но и никак не объясняется психология человека.

Во избежание недоразумений отметим, что мы можем словами действовать на предметы, а орудиями – на самих себя. Однако слово (знак) в этом случае выступает как орудие, а орудие – как знак. Оговоримся также, что знаки могут быть не только словесными. Например, при экспериментальном изучении функции опосредованного запоминания используются пиктограммы. Однако при переходе от внешнего опосредования к внутреннему, при формировании внутренней структуры функции памяти неизбежно возрастает опора именно на слова: теперь уже слово как универсальный знак оказывается средством, позволяющим вспомнить картинку (актуализировать образ), а не наоборот, не картинка позволяет вспомнить слово. Слово «шкаф» гораздо легче «перенести» из комнаты в комнату, чем хотя бы на дюйм сдвинуть с места реальный шкаф или хотя бы на пару секунд удержать в голове представление шкафа. Потому-то Выготский и говорит, что слово – это не источник, а венец развития, что «вначале было дело, а в конце – слово». Отсюда и неоправданные обвинения Выготского в «словоцентризме» (почему они не оправданны – станет ясно из наших дальнейших рассуждений).

Аргументы против «словоцентризма»

Принципиальные возражения против позиции словоцентризма высказывал Э.В. Ильенков. Суть их заключается в следующем. Мышление в своей изначальной

форме – это деятельность в предмете и с предметом, а не в слове и со словом; это движение тела по форме другого тела. Схема (образ, форма) такого движения возникает раньше слова; мышление в этом широком смысле свойственно не только человеку, но и животному. Человеческий ребенок, однако, отличается от животного тем, что он окружен предметами человеческой культуры, так что, обучаясь движению по форме предметов, он усваивает логику опредмеченного в них общественно-человеческого мышления [Ильенков 2021: 244–245]. Поэтому уже сенсомоторные схемы ребенка, обеспечивающие ему возможность овладения языком, отличаются от сенсомоторных схем животного.

Слово возникает лишь как посредник человеческого мышления, как внешняя форма, за которой скрывается процесс реальной жизнедеятельности общественного человека [Ильенков 2020: 132]. Как показал знаменитый загорский эксперимент, прежде чем приступить к обучению ребенка языку, нужно научить его вести себя по-человечески в сфере человеческого быта. «Поэтому логику мышления можно понять до, вне и независимо от исследования логики языка, но в обратном порядке нельзя понять ни язык, ни мышление» [Ильенков 2021: 246].

Здесь необходимо уточнение. Домашняя кошка с момента появления на свет может быть окружена исключительно человеческими предметами, однако ее сенсомоторные схемы остаются сенсомоторными схемами животного. Необходимо различать движение по внешней форме предмета (фиксируемое в сенсомоторной схеме) и движение по внутренней его форме, т.е. *действие* с предметом, представляющее собой актуализацию предметного значения. Обезьяна, чешущая молотком спину, не видит предмет там, где он есть, а человек, использующий в качестве молотка ножку от табуретки, видит предмет даже там, где его нет. В этом и состоит принципиальная разница между сенсомоторными схемами и предметными значениями – разница, очень хорошо демонстрируемая и примерами из области патологии (различие между агнозией формы и предметной агнозией). Вести себя по-человечески – значит овладеть системой предметных значений, которая надстраивается над системой сенсомоторных схем и подчиняет ее себе. Однако система предметных значений отчасти подчинена системе вербальных значений как более высокому уровню сознания [Журавлев 2019]. Более того: чтобы возникло предметное значение (форма действия с предметом сообразно его предназначению), должен возникнуть знак – квазиобъект, который можно «носить с собой» даже тогда, когда деятельность с предметом закончилась, и который будет выступать как представитель предмета тогда, когда его нет перед глазами. *Форма деятельности должна продолжить свое существование в чем-то кроме самого предмета* – иначе предмет не станет тождественным, константным, не станет предметом культуры, и его предназначение придется каждый раз заново «вытаскивать» из его физических свойств (что вообще не всегда возможно). Язык как универсальная система знаков – и есть «то необходимое условие, единственно посредством которого предмет может получить свое существование в голове человека» [Леонтьев А.Н. 2001: 94].

Вернемся теперь к Ильенкову. Слово – не единственная форма объективации мысли: «...о действительном мышлении человека гораздо вернее судить по его поступкам, нежели по его речам о них, по тому, что он делает, нежели по тому, что он говорит» [Ильенков 2020: 126]. Слово действительно не порождает мысль, слова бывают пустыми, и изучать слова для того, чтобы изучить мышление, – значит впадать

в «словесный фетишизм». Что верно, то верно. Однако эта критика Ильенкова была направлена против западных направлений философии (герменевтика, неопозитивизм, логический анализ языка), но никак не против школы Выготского—Леонтьева. Более того: именно Ильенков как никто другой знал цену Слову. Формы (образы) человеческой деятельности объективируются не только в словах, но «и в скульптурном, и в графическом, и в живописном, и в пластическом изображении, и в виде привычно-ритуального способа (“образа”) обращения с вещами и людьми» [Ильенков 2021: 47–48]. Однако «все то, что я не могу выразить в форме речи, высказать в форме, понятной другому, я и сам не осознаю в качестве общественного индивида, в качестве человека» [Ильенков 2019: 51]. Важно только не фетишизировать слово, а понимать, что за ним стоит.

Вектор развития психологии, заданный Л.С. Выготским, позволил А.Н. Леонтьеву рассматривать *деятельность* как предмет психологии. У Ильенкова психика, мышление – это и есть движение «мыслящего тела» по форме другого тела. Мышление не отдельно от деятельности тела (человеческого, т.е. органического и неорганического, индивидуального и коллективного), оно *и есть* эта деятельность. У Леонтьева предмет психологии – это «деятельность субъекта по отношению к действительности, опосредствованная отображением этой действительности» [Леонтьев А.Н. 1994: 163]. И поскольку Л.С. Выготский источник развития видит в деле, а венец – в слове, его позиция оказывается полностью иммунизированной от обвинений в словоцентризме. *Слово играет в развитии психики центральную роль только потому, что в слове воплощена деятельность*. Слово (знак, квазиобъект) – это и есть кристаллизованная деятельность общественного человека по отношению к одному объекту, закрепленная (воплощенная) в другом объекте. Сознательный (т.е. означающий!) взгляд на вещь – это взгляд на нее глазами других людей, взгляд глазами коллектива, позволяющий увидеть в вещи форму возможной деятельности с ней. Сознательный взгляд на себя – это также взгляд глазами коллектива, позволяющий человеку увидеть себя участником коллективной деятельности. Сознательный взгляд по природе своей всегда опосредован знаком, и прежде всего – словом как универсальным знаком. «Словоцентризма» здесь ровно столько, сколько «делоцентризма».

Противопоставление образа и процесса

Теперь мы подходим к проблеме отношения между мыслью и словом, которую следует трактовать как психологическую (и психолингвистическую) конкретизацию психофизической проблемы. Может показаться, что и Л.С. Выготский, предлагавший «семиотическое» решение психофизической проблемы, и А.Н. Леонтьев, который предлагал «деятельностное» ее решение, остаются на позициях скрытого дуализма. Как подметил А. Сурмава, «никакие знаки не способны заткнуть пропасть между двумя картезианскими субстанциями» [Сурмава 2009: 115]. Если знак только опосредует отношение между стимулом и реакцией, то само это отношение никуда не исчезает. Аналогичным образом, если между субъектом и объектом «встроить» деятельность, то дуалистическое отношение «субъект – объект» при этом также сохранится [Вересов 2000]. В первом случае знак расщепляется на «внешний» и «внутренний», во втором случае внешней и внутренней становится деятельность. Но стоит ли именно так понимать позиции Выготского и Леонтьева?

Позиция А.Н. Леонтьева лучше всего выражается в его словах о том, что «действительной противоположностью» является не противоположность сознания и внешнего мира, а противоположность образа и процесса, безразлично внутреннего или внешнего [Леонтьев А.Н. 2003: 354]. Процесс (деятельность) может включать как внешние, так и внутренние звенья; важно, что это именно процесс, противопоставляемый образу (форме). Это противопоставление является диалектическим: образ и процесс могут переходить друг в друга и бывают тождественными. Процесс порождает образ и в то же время опосредуется им; образ служит *формой* процесса, выступает в качестве *правила*, которому подчиняется процесс. Например, в ходе распознавания предмета, осязаемого рукой, движения руки подчиняются форме (образу) предмета. Таков фундаментальный закон восприятия, сформулированный А.Н. Леонтьевым: процессы в рецепирующей системе уподобляются свойствам воспринимаемого предмета в ходе его активного «опробования» [Леонтьев А.Н. 1965: 178].

Соответственно, образ не может существовать независимо от активности субъекта (внешней или внутренней): образ есть только тогда, когда есть соответствующий процесс; процесс наполняет образ *жизнью*. Именно как отношение между процессом и образом следует рассматривать отношение между *образующими сознания* – феноменальной (чувственной/биодинамической) тканью, с одной стороны, и значением, с другой. В общепсихологической теории деятельности образующие сознания мыслятся не как независимые сущности, соединяющиеся по закону ассоциации, а как *моменты*, конституирующие сознание в его становлении: значение – это форма (образ) деятельности, порождаемая в деятельности и руководящая ей, а феноменальная ткань – внутренняя или внешняя активность субъекта (процесс), подчиненная значению.

Однако утверждение о том, что образ не может существовать независимо от процесса, не следует понимать упрощенно. Будучи формой общественной деятельности, формой деятельности общественного человека с предметным миром, образ оказывается как раз независимым от сознания и деятельности каждого человека в отдельности. Понятие образа невозможно раскрыть, не обращаясь к соотношению индивидуального и общественного и к категории идеального. Идеальное «обладает наличным бытием только как овеществленная и овеществляемая форма предмета, осязаемой телесной вещи вне сознания»; идеальное – это «деятельность в форме вещи» или, наоборот, «вещь под формой деятельности» [Ильенков 2021: 61–62]. Форму деятельности в этом случае никак нельзя трактовать как образ индивидуального сознания. Напротив, все идеальные явления (предметы и символы человеческой культуры) противостоят индивидуальному сознанию как обладающие объективной реальностью предметы и процессы, в которых запечатлены формы общественной деятельности. Идеальное существует только в человеческой деятельности, но «человек при этом понимается не как отдельный индивид с его мозгом, а как реальная совокупность реальных людей, совместно осуществляющих свою специфически человеческую жизнедеятельность» [Ильенков 2021: 84].

Если противопоставление образа и процесса вводится как попытка решения (или снятия) психофизической проблемы, то, очевидно, именно во взаимопереходах образа и процесса следует искать механизм опосредования мысли словом. Принципиально важно, что путь «от мысли к слову» – это не движение из пункта А в пункт Б, из «комнаты» мыслей в «комнату» слов. Это не оречевление изначально бессловесной

мысли (вообще неясно, как можно «оречевить» бессловесную мысль), это именно *формирование* мысли, «живая драма», *жизнь* мысли *внутри* слова. В психике (вопреки мнению сторонников теории модулярности) нет отдельных комнат для мыслей и слов. Есть процесс и форма (образ) этого процесса. Противопоставление образа и процесса А.А. Леонтьев рассматривал как один из главных постулатов психолингвистики [Леонтьев А.А. 1997: 68].

Судьба «внутренних» знаков

Вводя противопоставление образа и процесса, А.Н. Леонтьев тем самым преодолевал рассеяние деятельности на «внешнюю» и «внутреннюю». Вернемся теперь на полшага назад и посмотрим, можно ли преодолеть противопоставление «внешнего» и «внутреннего» в теории Л.С. Выготского. Как обстоит дело со знаками, которые, как кажется, в ходе интериоризации становятся «внутренними»? Что такое «внутренний» знак?

Вопреки наивным толкованиям, знак у Выготского не вклинивается между стимулом и реакцией, как и у Леонтьева деятельность не вклинивается между субъектом и объектом в качестве среднего звена. Дело обстоит совершенно иначе. Здесь нам необходимо отметить ключевую характеристику процесса опосредования и истории этого процесса. Любое средство, перестроившее примитивную связь между стимулом и реакцией, парадоксальным образом стремится к исчезновению, с одной стороны, и к наибольшему воплощению собственного бытия – с другой. По Л.С. Выготскому, судьба знаков-посредников в структуре высшей психической функции может быть различной. В одних случаях это «вращивание по типу шва», когда опосредованная связь между стимулом и реакцией становится непосредственной, а посредник – «шов» – отмирает, становится ненужным. В других случаях операция переходит вовнутрь с сохранением всех своих звеньев («вращивание целиком»). Наконец, третьим и самым важным вариантом является «вращивание структуры» – перевод вовнутрь не конкретных звеньев операции, а совокупности правил ее выполнения.

Однако описываемое Л.С. Выготским «вращивание» знаков нельзя трактовать как перевод внешнего средства вовнутрь, физического – в психическое (так дуализм не преодолевается, а, напротив, устанавливается). *Интериоризация – это формирование структуры психических операций за счет опосредования их формами коллективной деятельности.* Знак как носитель такой формы – это, как я говорю, *объект особой плотности*, он всегда столь же «внешний», сколь и «внутренний»; это «полупрозрачный» объект, который в одних случаях стремится к полнейшему «испарению» (и тогда его не позволяет нам увидеть даже самая изошренная интроспекция), а в других – неожиданно обретает свою «плотность», обращает наше внимание на свои объектные характеристики (и в этих случаях его функциональное бытие отходит для нас на задний план). Только такие «полупрозрачные» объекты обладают для нас наибольшим семиотическим потенциалом. Судьба знаков, опосредующих психические функции, судьба слова, опосредующего мысль, – это стремление к такой «полупрозрачности».

Испарение знака – это испарение его объектных свойств, которое можно проследить как в ходе развития психики, так и в актуальной психической деятельности. В ходе развития психики ребенка его эгоцентрическая речь дает начало его внутренней речи, и понятно, что в целом у «внутреннего» слова остается меньше объектных

характеристик, чем у «внешнего». Однако в некоторых ситуациях эгоцентрическая речь появляется и у взрослого, так что описываемое испарение знака в ходе развития – это всегда отчасти обратимый процесс. (Обратимым лишь отчасти он является потому, что структура внутренних операций, сформированная в ходе интериоризации, в норме остается сохранной даже при экстериоризации тех или иных звеньев этих операций). В актуальном функционировании знака также можно наблюдать процесс испарения: речь «испаряется в мысль», знак стремится к наибольшей прозрачности, к исчезновению, чтобы не заслонять собственное содержание.

«Внутренний» знак – это и есть знак с минимальными объективными характеристиками. Это не объект, мистическим образом перенесенный из протяженной субстанции в мыслящую. Это функция, это процесс в одном объекте, подчиненный форме другого объекта. «Внутреннее» – это функциональное бытие знака, и искать его следует не в бестелесной субстанции, не в «нематериальной мысли», а в движении «мыслящего тела» по форме предметов, или, как говорил Э.В. Ильенков, во встречном движении формы вещи и формы деятельности. К такому пониманию отношения между мыслью и словом, надо полагать, и шел Л.С. Выготский. Процесс воплощения мысли в речи – это «*постоянно* совершающийся переход внешнего во внутреннее и внутреннего во внешнее, действительное, а не мнимое единство и борьба противоположностей» [Записные книжки Л.С. Выготского 2018: 293].

Отметим также, что ни один объект не присутствует в опыте человека изначально. Ни первобытный человек, ни ребенок не имеет поначалу дела с перманентными (тождественными) объектами. Соответственно, и знак не возникает как тождественный объект. Он постепенно обретает объектные характеристики, а потом постепенно их утрачивает. Это удивительный объект, который есть тогда, когда его нет. Возникая в ходе развития «в конце», в актуальном функционировании психики он передвигается «к началу», только так и становясь «определяющим целым», задающим структуру психических операций. Это не просто венец развития, это превращенная форма деятельности, главная функция которой – управлять деятельностью, направлять и опосредовать ее.

Заключение

Проблема отношения между мыслью и словом – это ключевая проблема психолингвистики, являющаяся психолингвистической проекцией основного вопроса философии. Эту проблему невозможно решить, оставляя психику «один на один» с мозгом (телом). Но именно этот (тупиковый) путь выбирают многие современные исследователи, работающие в области философии сознания, когнитивных наук, психологии и психолингвистики. Этому способствует и сама формулировка психофизической проблемы как «the body-mind problem», исключающая или существенно затрудняющая возможность увидеть психику и сознание как надындивидуальные феномены.

Л.С. Выготский убедительно продемонстрировал единство всех высших психических функций по строению и происхождению. Только знак может быть «центральной клеточкой» и «определяющим целым» в структуре высшей психической функции. Именно поэтому история психики человека – это история знаков. Теория Л.С. Выготского не является «словоцентристской», ибо именно его разработки позволяют трактовать слово не только как венец развития и единство общения и обобщения, но

и как превращенную форму деятельности.

Решение психофизической проблемы (и, соответственно, проблемы отношения между мыслью и словом) становится возможным только в том случае, если отношение между мыслью и словом понимать как отношение между процессом и образом. (Неслучайно А.А. Леонтьев рассматривал противопоставление образа и процесса как один из главных постулатов психолингвистики).

Знак – это всегда «полупрозрачный» объект, который в одних случаях стремится к полнейшему «испарению» (и тогда на первый план выступает его функциональное бытие), а в других – обретает «плотность» (и тогда его содержание заслоняется его объектными характеристиками). «Вращивание» знака – это и есть испарение его объектных свойств; знаки не «переносятся вовнутрь», а, лишаясь объектных свойств, выступают в своем функциональном бытии. Путь «от мысли к слову» – это не оречевление изначально бессловесной мысли, не «ассоциация» между «готовой» мыслью и «готовым» словом, а *формирование* мысли, «живая драма», *жизнь* мысли *внутри* слова.

© Журавлев И.В., 2021

Литература

Вересов Н. Выготский, Ильенков, Мамардашвили. Опыты теоретической рефлексии и монизм в психологии // Вопросы философии. 2000. №12. С. 74–88.

Выготский Л.С. Психология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 1008 с.

Журавлев И.В. Психология и психопатология восприятия: Прологомены к теории «зонда». Изд. 2-е, доп. М.: ЛЕНАНД, 2019. 160 с.

Записные книжки Л.С. Выготского. Избранное / Под общ. ред. Екатерины Завершневой и Рене ван дер Веера. М.: Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2018. 608 с.

Ильенков Э.В. Абстрактное и конкретное: собр. соч. Т. 1. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. 464 с.

Ильенков Э.В. Диалектика идеального: собр. соч. Т. 5. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2021. 448 с.

Ильенков Э.В. Диалектическая логика: собр. соч. Т. 4. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. 464 с.

Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарика, 1998. 784 с.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.

Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2001. 511 с.

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Издательство «Мысль», 1965. 574 с.

Леонтьев А.Н. Становление психологии деятельности: Ранние работы. М.: Смысл, 2003. 439 с.

Леонтьев А.Н. Философия психологии: из научного наследия. М.: Издательство Московского университета, 1994. 288 с.

Сурмава А. Ильенков и революция в психологии // Логос. 2009. № 1. С. 112–132.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 29.05.2021

Дата принятия к печати: 19.06.2021

Сведения об авторе:

Журавлев Игнатий Владимирович – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Отдела психолингвистики, ФГБУН Институт языкознания РАН.

Контактная информация:

125009, Россия, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6392-9544>

e-mail: zhuravlev@iling-ran.ru

Для цитирования:

Журавлев И.В. Выготский, Ильенков и проблема соотношения мысли и слова // Вопросы психолингвистики №2(48) 2021, С. 130–143, doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-130-143

UDC 81.13, 159.9

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-130-143

Research article

**VYGOTSKY, ILYENKOV, AND THE PROBLEM OF CORRELATION BETWEEN
THOUGHT AND WORD**

Ignatiy V. Zhuravlev

Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article deals with the key provisions of Vygotskian theory of historical development of mind and discusses the problem of the relationship between thought and word as a key problem of psycholinguistics. The main methodological principle of Vygotskian theory is the principle of monism. All higher mental functions are characterized by social origin and unified structure, in which the “defining whole” is the sign. The history of human mind can be represented as the natural history of signs. Vygotskian theory is not “word-centered”, since it is his developments that allow us to interpret the word not only as the crown of the development and the unity of communication and generalization, but also as a transformed form of activity. The problem of the relationship between thought and word is a psycholinguistic projection of the body-mind problem, the methodologically correct solution of which should be based on the “image – process” opposition introduced by A.N. Leontiev. This opposition is one of the main postulates of psycholinguistics. A sign is always a “semitransparent” object, which in some cases tends to complete “evaporation” (and then its functional being comes to the fore), and in others – acquires “density” (and then its content is obscured by its object characteristics). The interiorization of a sign is the evaporation of its object properties; the “inner” sign is a sign that appears in its functional being. The path “from thought to word” is the formation of thought, the “living drama”, the life of thought within the word.

Keywords: Vygotsky, Ilyenkov, psychophysical problem, thinking and speech, sign, higher mental functions, image and process

References

- Cassirer, E. (1998) *Izbrannoe. Opyt o cheloveke* [Selected works. Essays on human being]. Moscow, Gardarika publ. 784 p. (in Russian).
- Il'nikov, E'.V. (2019) *Abstraktnoe i konkretное: sobr. soch. T. 1.* [Abstract and concrete: collected works, vol. 1]. Moscow, Kanon+ ROOI «Reabilitaciya» publ. 464 p. (in Russian).
- Il'nikov, E'.V. (2020) *Dialekticheskaya logika: sobr. soch. T. 4.* [Dialectical logic: collected works, vol. 4]. Moscow, Kanon+ ROOI «Reabilitaciya» publ. 464 p. (in Russian).
- Il'nikov, E'.V. (2021) *Dialektika ideal'nogo: sobr. soch. T. 5.* [Dialectics of the ideal: collected works, vol. 5]. Moscow, Kanon+ ROOI «Reabilitaciya» publ. 448 p. (in Russian).
- Leont'ev, A.A. (1997) *Osnovy` psixolingvistiki* [Foundations of psycholinguistics]. Moscow, Smy'sl publ. 287 p. (in Russian).
- Leont'ev, A.N. (1965) *Problemy` razvitiya psixiki* [Problems of the development of mind]. Moscow, "My'sl" publ. 574 p. (in Russian).
- Leont'ev, A.N. (1994) *Filosofiya psixologii: iz nauchnogo naslediya* [Philosophy of psychology: from the scientific heritage]. Moscow, "Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta" publ. 288 p. (in Russian).
- Leont'ev, A.N. (2001) *Lekcii po obshhej psixologii* [Lectures on general psychology]. Moscow, Smy'sl publ. 511 p. (in Russian).
- Leont'ev, A.N. (2003) *Stanovlenie psixologii deyatelnosti: Rannie raboty`* [The origin of the psychology of activity: early works]. Moscow, Smy'sl publ. 439 p. (in Russian).
- Surmava, A. (2009) *Il'nikov i revolyuciya v psixologii* [Ilyenkov and the revolution in psychology], Logos (1), pp. 112–132. (in Russian).
- Veresov, N. (2000) *Vy'gotskij, Il'nikov, Mamardashvili. Opyty` teoreticheskoy refleksii i monizm v psixologii* [Vygotsky, Ilyenkov, Mamardashvili. Essays on theoretical reflection and monism in psychology], Voprosy` filosofii (12), 74–88. (in Russian).
- Vy'gotskij, L.S. (2000) *Psixologiya* [Psychology]. Moscow, EKSMO-Press publ. 1008 p. (in Russian).
- Zavershneva, E., van der Veer, R. (ed.) (2018) *Zapisnye knizhki L.S. Vy'gotskogo. Izbrannoe* [Vygotsky's selected notebooks]. Moscow, «Kanon+» ROOI «Reabilitaciya» publ. 608 p. (in Russian).
- Zhuravlev, I.V. (2019) *Psixologiya i psixopatologiya vospriyatiya: Prolegomeny` k teorii «zonda»* [Psychology and psychopathology of perception: Prolegomena to the "probe" theory]. Moscow, LENAND publ. 160 p. (in Russian).

© Zhuravlev I.V., 2021

Article history:

Received: 29.05.2021

Accepted: 19.06.2021

Bionotes:

Ignatij V. Zhuravlev – Ph.D. in Psychology, Senior Researcher, Sector of Psycholinguistics, Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences

Contact information:

1/1 B. Kislovskiy per., Moscow, Russian Federation, 125009

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6392-9544>

e-mail: zhuravlev@iling-ran.ru

For citation:

Zhuravlev, I.V. (2021) Vygotsky, Ilyenkov and the Problem of Correlation Between Thought and Word. *Journal of Psycholinguistics*. 2(48), pp. 130–143. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-130-143 (in Russian).

УДК 17
ББК Ш1в
DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-144-155

Научная статья

МЕЖВИДОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Клюканов Игорь Энгелевич

Российский новый университет (РосНОУ), Москва, Россия,
Восточно-Вашингтонский университет, Чини, США

Аннотация

В статье описывается процесс взаимодействия человека с природным миром, границы которого являются открытыми. Затрагивается использование языков-посредников в данной коммуникации, а также возможности применения отечественной теории деятельности к ее изучению. Особо отмечается роль жестов как выразительных движений, которые могут быть вербальными и невербальными и на основе которых межвидовая коммуникация приобретает игровой характер. Конверсационный анализ рассматривается в качестве основного метода прямого и систематического изучения подобных коммуникативных взаимодействий, представляющих собой беседу, порядок которой естественно создается и воссоздается в конкретной ситуации. Приводятся такие примеры порядка, как очередность или чередование участников взаимодействия, смежные пары и выравнивание. Обсуждается, почему коммуникация человека и природы не может быть совершенной, а также затрагивается оптимальная стратегия их взаимодействия.

Ключевые слова: природа, культура, язык-посредник, жесты, игра, конверсационный анализ, этнометодология, беседа

Введение

В самом начале своей книги «Феноменологии восприятия» Морис Мерло-Понти пишет: «Мир есть не то, что я думаю, но то, чем я живу, я открыт миру, я, вне всякого сомнения, сообщаюсь с ним» [Мерло-Понти 1999: 15–16], подчеркивая при этом неисчерпаемость мира. Люди – лишь часть этого мира; к тому же наши слова и поведение, с одной стороны, ускользают «от простоты животной жизни», а, с другой, все они «обязаны чисто биологическому бытию» [Мерло-Понти 1999: 15–16]. Ту же самую мысль выражает Юрий Лотман, говоря, что человек как существо культуры в то же время связан с внекультурным миром природы, поэтому «неосторожно было бы категорически исключить животный мир из сферы культуры» [Лотман 1992: 44].

Интерес к животному миру, впрочем, которому открыт человек и который открыт человеку, наблюдается на протяжении тысячелетий, ср. труды Аристотеля по истории животных, Чарлза Дарвина по выражению эмоций у человека и животных, а также многочисленные работы по коммуникативному поведению животных, которые проводятся в рамках этологии, зоосемиотики, биосемиотики и т.д. На первый взгляд кажется, что коммуникация – это чисто человеческий феномен; в то же время, если бы так было на самом деле, то термин «коммуникация» не требовал бы никакого определения. Между тем говорится о «человеческой коммуникации» [Монич 2005],

а это значит, что существует и 'нечеловеческая коммуникация', ср. non-human communication [Scott-Phillips 2015]. Коммуникация относится не только к животным, но и любым существам, жизненный мир которых создается окружающей их средой, изменяя при этом саму среду. В целом, как пишет Грегори Бейтсон, «все восприятие и все реакции, все поведение и все классы поведения, все обучение и всю генетику, всю нейрофизиологию и эндокринологию, всю организацию и всю эволюцию ... следует рассматривать как предмет, коммуникативный по своей природе и потому имеющий отношение к тем крупным обобщениям или 'законам', которые применяются к феноменам коммуникации» [Бейтсон 2000: 22].

Теоретические подходы к межвидовой коммуникации

Когда граница проводится между так называемыми «языками животных» и человеческой коммуникацией, то отмечается, что последняя подчиняется законам общественно-исторического развития. Именно наличие сознания, благодаря которому становится возможным единство общения и обобщения, считается отличительной чертой речевой деятельности человека. Поскольку, однако, между миром человеческой культуры и внекультурным животным миром «граница размыта и ... обладает высокой степенью относительности» [Лотман 2000: 31], вопрос о том, есть ли сознание у животных, остается открытым. Например, согласно 'Кембриджской Декларации о Сознании', подписанной группой известных ученых в 2012 году, правомерно говорить о наличии сознания у многих животных, а также некоторых насекомых и головоногих моллюсков. Кроме того, указывают, что зачатки способности к абстрагированию и обобщению имеются у некоторых птиц и антропоидов, как показала Н.Н. Ладыгина-Котс [Зорина, Смирнова, Обозова 2019]. Все чаще говорят о том, что животные проявляют сострадание и другие чувства, обладают самопознанием и навыками совместного коммуникативного поведения. По выражению Франса де Ваала, известного приматолога и этолога, нет никаких сомнений в том, что животные – разумные существа; вопрос, скорее, в том, достаточно ли умны мы, чтобы судить об уме животных [де Вааль 2017].

Высказывается мнение, что отечественная теория деятельности сосредоточена не столько на совместном действии, которое возникает между людьми, сколько на речевом высказывании как интра-психическом и индивидуальном действии говорящего, включая его мотивы, цели, операции и т.п. [Резникова 2007]. Наверное, имеет смысл говорить о том, что теория деятельности имеет своим предметом отличительные характеристики человеческого сознания (как в его индивидуальном, так и в интерсубъективном планах), т.е. акцент делается на прерывности-в-непрерывности. В то же время, к психике и сознанию можно подойти с позиций непрерывности-в-прерывности, акцентируя внимание на взаимообусловленности и связи человека и природы, когда «тело другого и мое тело представляют собой единое целое, изнанку и лицо одного и того же феномена» [Мерло-Понти 1999: 450]. Именно такой подход более применим к исследованию межвидовой коммуникации, которая представляет собой то, что касается всех и которая требует методологии, способной отразить ее континуальный характер.

Часто исследователи прибегают к использованию сконструированных языков-посредников, которым обучаются животные и при помощи которых устанавливается с ними коммуникация. Подобные исследования, однако, направлены, прежде всего,

на то, чтобы выяснить, насколько развита когнитивная сфера животных как резерв их коммуникативных возможностей, а не на анализ коммуникативных взаимодействий как таковых [Панов 2016]. Для того чтобы на передний план вышел коммуникативный аспект, необходимо обратиться к анализу взаимодействий непосредственно, т.е. не через язык-посредник. С этой целью в качестве основы можно взять жест, который не является ни сугубо психическим, ни сугубо физиологическим феноменом [Касавин 2009], а представляет собой выразительное движение, в результате которого устанавливается связь между теми, кто вступает в коммуникацию. Особую роль жеста отмечали такие ученые, как Джордж Мид, Лев Выготский и Морис Мерло-Понти; последний писал, что «языковой жест, как и все остальные жесты, сам очерчивает свой смысл» [Мерло-Понти 1999: 242]. Смысл, о котором говорит Мерло-Понти и который создается каждым жестом, следует понимать, скорее, не как понятие логической семантики или же психологии, ср. личностный смысл; речь идет о значимом отношении между организмом и средой. В этом плане жесты могут быть как вербальными, так и невербальными; все, при помощи чего кто-то или что-то дает о себе знать и что становится значимым, является жестом.

На основе жестов как выразительных движений коммуникация приобретает игровой характер. Важность игры в процессе коммуникативных взаимодействий подчеркивали и Джордж Мид, и Лев Выготский, а также такие ученые, как Ирвинг Гофман, создавший драматургическую теорию, и Грегори Бейтсон, который отмечал в поведении животных способность к метакоммуникации, т.е. способность отличить выразительное движение, обозначающее некое состояние (например, «укус» значит «драка»), от жеста, который симулирует данное состояние («укус» значит «игра»). Иными словами, участники коммуникативного взаимодействия способны дать знать и принять как значимое следующее: «Действия, в которых мы сейчас участвуем, не означают того, что означали бы действия, которые они означают» [Бейтсон 2000: 207]. Учитывая это, когда, например, Людвиг Витгенштейн в «Философских исследованиях» пишет, что «если бы лев умел говорить, мы бы его не поняли», уместно заметить, что здесь важнее, может быть, не природа и возможность понимания, а наше совместное участие с ними в какой-нибудь игре. Разумеется, нельзя не отметить понятие «языковой игры», которое ввел в научный обиход Витгенштейн и которое уместно применить к анализу межвидовых коммуникативных взаимодействий [Meijer 2013].

Беседа как форма коммуникации

Поскольку мы не можем получить непосредственный доступ к «нефильтрованной» природе из-за того, что он предполагает использование символических средств, подобный анализ должен отойти, насколько это возможно, от рефлексии о нашем субъективном опыте, сосредоточившись вместо этого на прямой значимости нашего повседневного, «естественного» контакта с миром. В этом плане антропоморфные рассуждения, которые иногда используются когнитивными психологами и этологами, должны быть вынесены за скобки; цель анализа как внутри-, так и межвидовой коммуникации – не приписывать (наши мысли животным) или описывать (наши субъективные сознательные переживания), а просто записывать (отмечать) любые наблюдаемые закономерности, т.е. использовать индуктивный подход. Именно такой подход мы находим в методе конверсационного анализа, который дает возможность прямым и систематическим образом посмотреть на коммуникативные взаимодействия,

представляя интерес «для психологии и смежных областей, включая психолингвистику» [Улановский 2016: 219]. Когда говорят о влиянии феноменологии на разговорный анализ [Улановский 2016], следует помнить, что последний сосредоточен не столько на выявлении чистых форм субъективного сознания, сколько на анализе конкретного эмпирического материала.

Таким конкретным материалом – и, соответственно, предметом разговорного анализа – обычно считается разговор или же разговор-во-взаимодействии; в английском языке обычно употребляется термин ‘talk’ как форма наиболее естественной и обыденной коммуникации. Между тем ‘разговор’ часто предполагает определенные предмет, мотив и стратегию, ср. высказывание ‘Я хочу/должен с тобой поговорить’. Кроме того, иногда указывается, что разговорный анализ исследует диалог; данная форма коммуникации также является не совсем естественной и обыденной, представляя собой, скорее, способ познания и поиска истины, в котором на первый план выходит логос. В этом отношении ‘диалог’ близок по смыслу таким словам, как ‘дискуссия’ или ‘обсуждение’, более применимым к формам групповой коммуникации. В отличие от разговора и (в меньшей степени) от диалога, ‘дискуссия’ и ‘обсуждение’ – это, как правило, подробное рассмотрение конкретной темы, часто предполагающее некие правила. Например, в своей знаменитой метафоре коммуникации, которая обычно переводится как ‘бесконечный разговор’, Кеннет Берк пишет о том, как люди ‘вовлечены в горячую дискуссию» и как, когда вы уезжаете, ‘обсуждение все еще активно продолжается» [Burke 1973]. Следует отметить, что Берк в начале своего метафорического описания процесса коммуникации говорит о ‘нескончаемой беседе’ (‘unending conversation’), переключаясь затем на использование терминов ‘дискуссия’ и ‘обсуждение’ как предположительно синонимичных ‘беседе’. Между тем именно беседа – наименее институализированная и наиболее естественная форма коммуникации, которую нельзя стратегически подготовить и провести по неким заранее оговоренным правилам. Иногда, например, говорится об ‘искусстве беседы»; лучше, наверное, говорить об ‘искусстве диалога’ или ‘искусстве дискуссии», поскольку беседа – это наиболее безыскусная, непредсказуемая, обыденная и даже интимная форма коммуникации (английское слово ‘conversation’ использовалось в значении ‘sexual intercourse’).

Конversationный анализ и межвидовая коммуникация

Таким образом, коммуникативные взаимодействия, составляющие предмет разговорного анализа, следует рассматривать прежде всего как беседу, порядок которой вырастает естественно в конкретной ситуации. Не случайно основой разговорного анализа принято считать этнометодологию, т.е. исследование обыденных норм и правил коммуникативного поведения; существует большое количество подобных исследований применительно к самым разным ситуациям, в которых люди вступают в беседу. Между тем слово ‘этнос’ восходит к древнегреческому ‘ethnikos’, означая любую недифференцированную группу людей или животных. Например, в самых ранних письменных источниках, включая Гомера, этот термин использовался для описания не только групп воинов, но и различных групп животных, таких как пчелы, птицы или мухи [Chapman, McDonald, Tonkin 1989]. То, что данный термин стал применяться только к группам людей, говорит о том, как далеко культура ушла от природы, и в то же время подчеркивает необходимость изучения взаимосвязей

между людьми и животными. Кроме того, следует отметить, что 'этнос' восходит к тому же протоиндоевропейскому корню *s(w)e-, что и слово 'идиома', означающее 'форму речи, свойственную самому себе'. В этом плане межвидовую коммуникацию можно рассматривать как беседу, в которую включены различные виды людей и животных, т.е. по сути, беседу природы с собой.

Можно заметить, что конверсационный анализ – не самая сложная и глубокая процедура анализа, направленная на исследование различных структурных элементов, при помощи которых устанавливается порядок взаимодействий (или же восстанавливается, если он был нарушен), т.е. поверхностных явлений, доступных эмпирическому наблюдению. В то же время данный подход, вне всякого сомнения, является научным, а сегодня особенно важным, если учитывать, как далеко культура и цивилизация ушли от природы, т.е. от естественной коммуникации. Данный подход, разумеется, широко применяется в этологических исследованиях; показательно, что использование записывающих технологий для сбора и анализа материала коммуникации между людьми было впервые предложено в 1940-х и 1950-х годах этологами и антропологами, такими, как Бердвистелл, Бейтсон и Мид [Bull 2002].

Конверсационный анализ, изначально разработанный для изучения повседневных человеческих взаимодействий, хорошо подходит для исследования как коммуникации животных, так и коммуникации с животными. Если еще полвека назад, как писал Владимир Звегинцев, языки животных обычно рассматривались «хаотически сваленными в одну кучу», выступая «как однородная масса» [1968: 175], то сейчас уже есть большое количество исследований не только языков, но и бесед самых разных видов животных. Такие исследования существуют применительно к коммуникации птиц, обезьян, мышей, слонов, насекомых и др.; при этом сопоставления, которые проводятся с особенностями человеческой коммуникации, в дальнейшем могут использоваться при изучении межвидовой коммуникации [Pika, Wilkinson, Kendrick, Vernes 2018]. Для всестороннего изучения межвидовой коммуникации объединяют свои усилия этологи, биологи, зоологи, био- и зоосемиотики, ученые-коммуникативисты, а также те, кто профессионально имеет дело с животными, например, дрессировщики [Holler, Kendrick, Levinson 2016; Kulick 2017].

Наиболее часто анализируемая структура межвидовой коммуникации – это очередность или чередование участников взаимодействия, включая такие элементы, как назначение, самовыбор и продолжение взаимодействия. Отмечается, например, что следует учитывать как минимум четыре типа систем очередности, идентифицируемых в коммуникации с животными с учетом различных сенсорных модальностей [Rossano 2020]. Внимание ученых привлекает, например, очередность при взаимодействии бонобо и человека [Pedersen, Fields 2009]. Согласно психолингвистическим экспериментам, время паузы между очередными выразительными жестами составляет около 200 мс., а на создание самых простых выразительных жестов требуется не менее 600 с; все это говорит о том, насколько сложным является слаженный механизм межвидовых взаимодействий [Holler, Kendrick, Levinson 2016]. Очередность, по-видимому, обсуждается чаще всего потому, что она является образцом обратимости как реляционного по сути процесса взаимодействия без какого-либо окончательного положения, т.е. каждое достигнутое взаимодействие – это просто как бы оборот природы.

Еще одной часто анализируемой структурой межвидовой коммуникации являются смежные пары. Предлагаются все новые обозначения для смежных пар; например,

«дуэт» во взаимодействии певчих птиц или «па-де-де» как элемент кинетических взаимодействий. Взаимодействие ученого-естествоиспытателя с природой, по мнению Чарлза Пирса, можно рассматривать в терминах «вопроса-ответа», т.е. смежной пары: «Эксперимент... – это вопрос, поставленный перед природой. ... Если Природа ответит: «Нет!», экспериментатор получает важные знания. Если Природа говорит «Да», идеи экспериментатора остаются такими же, как и были, только несколько более глубокими» [Peirce 1998: 215]. Понятие «предпочтения» определяет то, насколько успешно складываются смежные пары [Fröhlich 2017], при этом предпочтительными структурами являются наиболее привычные, экономные и простые; в процессе межвидовой коммуникации выбор среди ряда альтернатив может зависеть, например, от таких стимулов, как приятные вкус или запах [Knutson, Karmarkar 2014].

Еще одним важным аспектом межвидовой коммуникации является alignment, т.е. ее выравнивание, выверка, регулировка. С этой точки зрения исследуется, например, взаимодействие людей со слонами [Ribó 2019a]. Кроме того, на основе последних достижений психолингвистики и семиотики предлагается теоретическая модель выравнивания взаимодействующих миров (Umwelten) в процессе межвидовой коммуникации [Ribó 2019b]. Если выравнивание дает коммуникативный сбой, то мир подлежит так называемой «практике исправления»; здесь особое внимание уделяется тому, кто это инициирует и как данная практика осуществляется [Hayashi, Raymond, Sidnell 2018; Voinov, Call, Knoblich, Oshkina, Allritz 2020].

Заключение

Изучение межвидовой коммуникации, включая выявление в ней сбоев и механизмов их поправки, не может дать чистых результатов, потому что люди сами вовлечены в эту коммуникацию, ср. Парадокс Наблюдателя. Так называемый «Гарвардский закон поведения животных» гласит, что «в тщательно контролируемых экспериментальных условиях животное ведет себя так, как ему заблагорассудится» [Renart, Machens 2014: 211], но на самом деле это не так, потому что мы не можем оставить природу в покое. Иными словами, проблемы в любых межвидовых контактах, в которые вовлечены люди, никогда не могут быть полностью устранены, потому что «все у человека сформировано и все естественно» [Мерло-Понти 1999: 246]; люди – существа и природы, и культуры, и с этим они ничего не могут сделать. В этом плане человека можно считать «естественным чужим» («the natural alien») [Evernden 1993] и даже осмысливать как «сбой» (glitch), но не как неожиданную техническую поломку, а как онтологическую основу человеческого существования [Reid 2012]. Соответственно, механизмы поправки сбоев осуществляются по-разному в процессе внутривидовой (естественной) и межвидовой коммуникации.

Животные сами разбираются со своими проблемами. Разумеется, есть различия в том, как долго могут длиться их успешные беседы. Например, при изучении крыс выяснилось, что они отвечали взаимностью на помощь, в основном, на основании последних взаимодействий, а не на более длительных временных отрезках [Schweinfurth, Taborsky 2020]. Иногда коммуникативные «поломки» приводят к серьезным травмам или даже смерти, когда ставки высоки, как в случае двух самцов, конкурирующих за право размножения с самкой [Breed, Moore 2016]. Во всех таких ситуациях, однако, природа выбирает лучший результат не для того или иного индивидуума, а для себя в целом, и поэтому продолжает развиваться посредством естественного отбора.

Сбои же во взаимодействиях людей с природой не могут быть полностью исправлены, и каждое взаимодействие является дилеммой, поскольку представляет собой трудный выбор между альтернативами, как правило, в разной степени нежелательными. Взаимодействие между природой и человеком никогда не может быть совершенным (совершенно естественным), поскольку люди как «естественные чужие» никогда не могут полностью интегрироваться в природу, то есть сделать результат своего взаимодействия целостным; они могут только сотрудничать с природой, т. е. действовать сообща для достижения одной и той же цели – продолжения коммуникации. В этом смысле выражение «защита окружающей среды» является противоречивым [Гройс 1993], поскольку мы можем защищать то, что находится вне нас, в данном же случае, являясь частью природы и в то же время будучи ей чужими, мы «защищаем» природу от самих себя (и тем самым себя от самих себя).

Лучшее, что мы можем сделать в процессе межвидовой коммуникации – это максимально делать только то, с чем мы ничего не можем поделать; чем дальше мы удаляемся от этой оптимальной стратегии, тем труднее становится выравнивание взаимодействий. В качестве такой стратегии можно рассматривать стратегию «око за око» в теории игр, которая применяется при анализе коммуникации животных [Breed, Moore 2016] и может применяться для осмысления межвидовых коммуникативных взаимодействий в форме постоянного «зеркального отражения» [Kaushik 2019: 52], т.е. возвратно-поступательного движения как очередности жестов. При этом люди не могут «переиграть» природу; они должны лишь вести с ней беседу. Это хорошо понимал материалист Маркс: «Природа есть его тело, с которым человек должен оставаться в процессе постоянного общения» [Маркс 1974: 92]. «Общение» здесь следует трактовать не как диалог, дискурс или обсуждение, а прежде всего как беседу, в которой создается и воссоздается ее порядок. Английское слово *conversation* («беседа») когда-то имело такие значения, как «место, где человек живет или обитает» и «общий образ действий или привычек, способ поведения в мире»: оба значения сейчас являются устаревшими. Между тем надо помнить, что мир существует, пока мы продолжаем обитать в беседе как друг с другом, так и другими видами. Беседа «нескончаема», пока она ведется: все вечно, пока не прекращается. В беседе с человеком природа – более надежный собеседник, поскольку она не может сказать себе «нет», в отличие от человека – «создателя негативного», как определил его в своем стихотворении Кеннет Берк. Людям характерны «амбиции, которые символические средства так охотно поощряют» [Burke 1958: 60], поэтому нам остается надеяться, что люди смогут преодолеть эти амбиции, и «мы сможем удержаться от полного разрушения этой красивой планеты и ее изобилия» [Burke 1958: 63].

© Клюканов И.Э., 2021

Литература

Бейтсон Гр. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. 1969–1972. / Пер. с англ. М.: Смысл. 2000. 476 с.

Гройс Б. Утопия и обмен. М.: Знак, 1993. 374 с.

де Вааль Фр. Достаточно ли мы умны, чтобы судить об уме животных? М.: Альпина Нон-фикшн, 2017. 404 с.

Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М.: Просвещение, 1968. 336 с.

Зорина З.А., Смирнова А.А., Обозова Т.А. Н.Н. Ладыгина-Котс – классик изучения мышления животных и современное развитие ее представлений // ЭБС Лань. 2019. №2. С. 64–97.

Касавин И.Т. О семиотическо-коммуникативной теории сознания (в развитие идей Л. С. Выготского) // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 21, № 3. С. 152–166.

Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 2000. 272 с.

Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. Экономическо-философские рукописи 1844 г. М.: Политиздат, 1974. С. 41–174.

Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб: 'Ювента', 'Наука', 1999. 605 с.

Монич Ю. К истокам человеческой коммуникации. Ритуализованное поведение и язык. М.: Академия гуманитарных исследований, 2005. 443 с.

Панов Е.Н. Парадокс непрерывности: Языковой Рубикон. О непреодолимой пропасти между коммуникацией животных и языком человека. М.: Языки славянских культур, 2012. 176 с.

Резникова Ж.И. Анализ современных методологических подходов к изучению языка животных. Вестник НГУ. Серия: Психология. 2007. Том 1, выпуск 2. С. 3–22.

Улановский А. М. Феноменология разговора: метод разговорного анализа // Вопросы психолингвистики. 2016. Т. 27. № 1. С. 218–237.

Bull P. Communication Under the Microscope: The Theory and Practice of Microanalysis. New York, NY: Routledge, 2002. 192 p.

Breed M., Moore. J. Animal Behavior. Amsterdam: Elsevier/AP, Academic Press, 2016. 496 p.

Burke K. The Poetic Motive // Hudson Review. 1958. Vol. 40. P. 54-63.

Burke K. The Philosophy of Literary Form: Studies in Symbolic Action. Berkeley: University of California Press, 1973. 496 p.

Chapman E., McDonald, M., Tonkin, E. Introduction – History and Social Anthropology // History and Ethnicity. / Tonkin E., McDonald M., Chapman M., editors. London and New York, NY: Routledge, 1989. P. 1–21.

Evernden N. The Natural Alien: Humankind and Environment. Toronto: University of Toronto Press, 1993. 172 p.

Holler J., Kendrick K., Casillas M., Levinson S. Turn-taking in Human Communicative Interaction. Front. Psychol. 2016. Issue 6. [Электронный ресурс. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.01919>]. (дата обращения: 05.05.2020).

Knutson B., Karmarkar U. Appetite, Consumption, and Choice in the Human Brain // The Interdisciplinary Science of Consumption. Preston S. D., Kringelbach M. L., Knutson B., editors, Cambridge, MA: The MIT Press, 2014. P. 163–184.

Kulick D. Human–animal Communication // Annu. Rev. Anthropol, 2017, issue 46. P. 357–378.

Meijer E. Political Communication with Animals // Humanimalia: A Journal of Human/animal Interface Studies. 2013, Vol. 5, No. 1. P 28–52.

Peirce Ch. The Essential Selected Philosophical Writings, vol. 2. Bloomington. Indiana University Press, 1998. 624 p.

Pika S., Wilkinson R., Kendrick K.H., Vernes S.C. Taking Turns: Bridging the Gap Between Human and Animal Communication. Proceedings. Biological sciences, 2018,

vol. 285 (1880), 20180598. [Электронный ресурс. URL: <https://doi.org/10.1098/rspb.2018.0598>] (дата обращения: 05.05.2020).

Reid A. glitches are us. May 22, 2012. [Электронный ресурс. URL: <https://profalexreid.com/2012/05/22/glitches-are-us/>] (дата обращения: 05.05.2020).

Renart A., Machens Ch. Variability in Neural Activity and Behavior // *Current Opinion in Neurobiology*. 2014, Vol. 25. P. 211–220.

Rossano F. Sequence Organization and Timing of Bonobo Mother-infant Interactions // *Interac. Stud.* 2013, Vol.14. P. 160–189.

Scott-Phillips Th. Nonhuman Primate Communication, Pragmatics, and the Origins of Language // *Current Anthropology*, 2015, Vol. 56, No.1 P. 56–80.

Voinov P.V., Call J., Knoblich G., Oshkina M., Allritz M. Chimpanzee Coordination and Potential Communication in a Two-touchscreen Turn-taking Game // *Sci Rep*, 2020, issue 10. [Электронный ресурс. URL: <https://doi.org/10.1038/s41598-020-60307-9>]. (дата обращения: 05.05.2020).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 05.06.2021

Дата принятия к печати: 24.06.2021

Сведения об авторе:

Клюканов Игорь Энгелевич – доктор филологических наук, профессор кафедры культурологии и социокультурных коммуникаций РосНОУ; профессор кафедры коммуникативных исследований Восточно-Вашингтонского университета

Контактная информация:

105005, Россия, г. Москва, ул. Радио, д. 22

Cheney, WA, USA, 99004

ORCID: 0000-0003-2240-0980

e-mail: igorklyukanov@yahoo.com

Для цитирования:

Клюканов И.Э. Межвидовая коммуникация: теоретические и методологические аспекты // *Вопросы психолингвистики* №2(48) 2021, С. 144–155, doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-144-155

UDC 17
LBC IIIb

Research article

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-??-??

INTERSPECIES COMMUNICATION: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS

Igor E. Klyukanov

Russian New University (RosNOU), Moscow, Russia;
Eastern Washington University, Cheney, USA

Abstract

The subject of the article is a process of interaction between the human and the natural world, whose boundaries are open. The use of intermediate languages in this interspecies communication is touched upon, as well as the possibility of applying the activity theory to its study. It is especially noted the role of gestures as expressive movements that can be both verbal and non-verbal, and which make the basis for interspecies communication taking the character of a play. Conversation analysis is considered as the main method for the direct and systematic study of such communicative interactions, conversation conceptualized as the order which is naturally created and recreated in a particular situation. Examples of this order are given, such as the turn-taking of interaction participants, adjacent pairs, and alignment. The article discusses why communication between the human and natural world cannot be perfect, as well as the optimal strategy for their interaction.

Keywords: nature, culture, intermediate language, gestures, play, conversation analysis, ethnomethodology, conversation

References

- Bateson, Gr. (2000) *Ekologiya razuma. Izbrannye stat'i po antropologii, psikiatrii i epistemologii* [Steps to an Ecology of Mind]. Translated from English. Moscow, Smysl. 476 p. (in Russian).
- Bull, P. (2002) *Communication Under the Microscope: The Theory and Practice of Microanalysis*. New York, Routledge.
- Breed, M., Moore, J. (2016) *Animal Behavior*. Amsterdam, Elsevier/AP, Academic Press.
- Burke, K. (1958) The Poetic Motive. *Hudson Review*. (40), pp. 54–63.
- Burke, K. (1973) *The Philosophy of Literary Form: Studies in Symbolic Action*. Berkeley, University of California Press. 496 p.
- Chapman, E., McDonald, M., Tonkin, E. (1989) Introduction – History and Social Anthropology. In: Tonkin, E., McDonald, M., Chapman, M. (Eds.). *History and Ethnicity*. London and New York, Routledge, pp. 1–21.
- de Vaal, Fr. (2017) *Dostatochno li my umny, chtoby sudit' ob ume zhivotnykh?* [Are We Smart Enough to Know How Smart Animals Are?]. Translated from French by Maisuryan, N. (2016). Moscow, Al'pina Non-fikshn. 404 p. (in Russian).
- Evernden, N. (1993) *The Natural Alien: Humankind and Environment*. Toronto, University of Toronto Press. 172 p.
- Grois, B. (1993) *Utopiya i obmen* [Utopia and exchange]. Moscow, Znak. 374 p. (in Russian).

Holler, J., Kendrick, † K., Casillas, M., Levinson, S. (2016) Turn-taking in Human Communicative Interaction. *Front. Psychol.* (6). [Electronic source: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.01919>]. (Accessed: 05.05.2020)

Kasavin, I.T. (2009) O semiotichesko-kommunikativnoi teorii soznaniya (v razvitie idei L.S. Vygotskogo) [On a semiotic-communicative theory of consciousness (toward the development of the ideas of L.S. Vygotsky). In: *Epistemology and philosophy of science*. 21 (3), pp. 152–166. (in Russian).

Knutson, B., Karmarkar, U. (2014) Appetite, Consumption, and Choice in the Human Brain. In: Preston, S. D., Kringelbach, M. L., Knutson, B. (Eds.). *The Interdisciplinary Science of Consumption*. Cambridge, The MIT Press, pp. 163–184.

Lotman, Yu. M. (2000) *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion]. Moscow, Gnozis. 272 p. (in Russian).

Marks, K. (1974) *Ekonomicheskio-filosofskie rukopisi 1884 g.* [Economic-philosophical manuscripts of 1844]. In: Marks, K., Engels, F. *Sochineniya*. Vol. 42. Moscow, Politizdat publ., pp. 41–174. (in Russian).

Meijer, E. (2013) Political Communication with Animals. *Humanimalia: A Journal of Human/animal Interface Studies*, 5(1), pp. 28–52.

Merlo-Ponti, M. (1999) *Fenomenologiya vospriyatia* [Phenomenology of perception]. Translated from French. Saint Petersburg, Yuventa, Nauka publ. 605 p. (in Russian).

Monich, Yu. (2005) *K istokam chelovecheskoi kommunikatsii. Ritualizirovannoe povedenie i yazyk* [Toward the origins of human communication. Ritualized behavior and language]. Moscow, Akademiya gumanitarnykh issledovaniy publ. 443 p. (in Russian).

Panov, E.N. (2012) *Paradoks nepreryvosti: Yazykovo Rubikon. O nepreodolimoj propasti mezhdu kommunikatsiei zhivotnykh i yazykom cheloveka* [Paradox of untranslatability: A language Rubicon. On the unsurmountable gap between communication of animals and human language]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 176 p. (in Russian).

Reznikova, Zh.I. (2007) *Analiz sovremennykh metodolicheskikh podkhodov k izucheniyu yazyka zhivotnykh* [An analysis of modern methodological approaches to the study of animal language]. Vestnik NGU. Seriya: Psikhologiya. 1(2), 3–22. (in Russian).

Ulanovskii, A.A. (2016) *Fenomenologiya razgovora: metod konversatsionnogo analiza* [Phenomenology of conversation: Conversation analysis method]. *Journal of Psycholinguistics*. 27(1), pp. 218–237. (in Russian).

Peirce, Ch. (1998) *The Essential Selected Philosophical Writings*, vol. 2. Bloomington, Indiana University Press. 624 p.

Pika, S., Wilkinson, R., Kendrick, K.H., Vernes, S.C. (2018) Taking Turns: Bridging the Gap Between Human and Animal Communication. *Proceedings. Biological sciences*, vol. 285(1880), 20180598. [Electronic source: <https://doi.org/10.1098/rspb.2018.0598>]. (Accessed: 05.05.2020)

Reid, A. glitches are us. May 22, 2012. [Electronic source: <https://profalexreid.com/2012/05/22/glitches-are-us/>]. (Accessed: 05.05.2020)

Renart, A., Machens, Ch. (2014) Variability in Neural Activity and Behavior. *Current Opinion in Neurobiology*. (25), pp. 211–220.

Rossano, F. (2013) Sequence Organization and Timing of Bonobo Mother-infant Interactions. *Interac. Stud.* (14), pp. 160–189.

Scott-Phillips, Th. (2015) Nonhuman Primate Communication, Pragmatics, and the Origins of Language. *Current Anthropology*. 56(1), pp. 56–80.

Voinov, P.V., Call, J., Knoblich, G., Oshkina, M., Allritz, M. (2020) Chimpanzee Coordination and Potential Communication in a Two-touchscreen Turn-taking Game. *Sci Rep.* (10). [Electronic source: <https://doi.org/10.1038/s41598-020-60307-9>]. (Accessed: 05.05.2020).

Zorina, Z.A., Smirnova, A.A., Obozova, T.A. (2019) *N.N. Ladygina-Kots – klassik izucheniya myshleniya zhivotnykh i sovremennoe razvitie ee predstavlenii* [N.N. Ladygina-Kots – a classic of studying the thinking of animals and the modern development of her ideas]. *EBS Lan'* (2), 64–97. (in Russian).

Zvegintsev, V.A. (1968) *Teoreticheskaya I prikladnaya lingvistika* [Theoretical and applied linguistics]. Moscow, Prosvechenie publ. 336 p. (in Russian).

© **Klyukanov I.E., 2021**

Article history:

Received: 05.06.2021

Accepted: 24.06.2021

Bionotes:

Igor E. Klyukanov – Doctor of Philological Sciences, Professor in the Department of Culturology and Sociocultural Communications, RosNOU; Professor in the Department of Communication Studies at Eastern Washington University

Contact information:

105005, Russia, Moscow, Radio St., 22

Cheney, WA, USA, 99004

ORCID: 0000-0003-2240-0980

e-mail: igorklyukanov@yahoo.com

For citation:

Klyukanov, I.E. (2021) Interspecies communication: Theoretical and methodological aspects. *Journal of Psycholinguistics.* 2 (48), pp. 144–155. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-144-155 (in Russian)

УДК 81.37

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-156-170

Научная статья

О ГЕНЕЗИСЕ У РЕБЕНКА ПОНЯТИЙ И ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ

Кошелев Алексей Дмитриевич

Издательский дом ЯСК, Москва, Россия

Аннотация

В статье показано, что первичными когнитивными единицами младенца, благодаря которым он начинает понимать отдельные фрагменты видимого мира, являются целостные ситуации («мальчик ест кашу», «мама читает книжку» и под.), поскольку они удовлетворяют исходным детским потребностям и желаниям. В процессе развития ребенка эти ситуации разделяются на конкретных участников (МАЛЬЧИК, КАША, ЛОЖКА, ТАРЕЛКА) и отношения («тарелка – каша», «порция каши – ложка», «ложка – рот мальчика»). Отделившиеся участники – функциональные части ситуаций – и становятся первыми детскими понятиями. Позднее таким же путем (разделением новых ситуаций на участников) образуются более специальные и сложные понятия: «мотор», «карбюратор», «тромбон» и др. В итоге, в статье делается вывод, что человеческие понятия не являются врожденными, как считают Дж. Фодор и ранний Хомский, или комбинациями простейших врожденных понятий, согласно мнению А. Вежбицкой, И. Мельчука и С. Пинкера. Все понятия возникают как продукты разложения целостных ситуаций, усвоенных ребенком ранее. Одновременно с формированием понятий у детей возникает тематическая классификация: при сортировке триад объектов (собака-кошка-кость; тарелка-чашка-ложка) ребенок объединяет в одну группу объекты, которые совместно участвуют в типичной ситуации: собаку и кость, тарелку и ложку, а не объекты, выполняющие в ситуации сходные функции: собаку и кошку или тарелку и чашку (таксономическая классификация). Показано, что источником тематической классификации являются не энциклопедические знания, как принято считать (Г. Мёрфи, Э. Маркман), а первичные целостные ситуации и возникающие при их разложении бинарные отношения. В заключительной части статьи анализируется роль языка в образовании детских классификаций, обсуждается генезис метафорических и метонимических значений, даются уточненные дефиниции этих значений.

Ключевые слова: целостная ситуация, образование понятий, таксономическая классификация, тематическая классификация, метафора, метонимия

1. Введение

В настоящее время в когнитивной науке имеется несколько мнений о путях образования понятий. Одни ученые (Дж. Фодор, ранний Н. Хомский) считают, что все понятия, включая такие специальные, как «карбюратор» и «тромбон», являются врожденными, другие (А. Вежбицкая, С. Пинкер) полагают, что к врожденным относится лишь небольшая часть простейших (не требующих объяснения) понятий.

Все остальные понятия представляют собой композиции этих простейших понятий. Наконец, поздний Хомский [Хомский, Бервик 2018] считает, что никто не знает, каким образом у ребенка появляются понятия.

В широком смысле понятием принято называть характеристику, задающую некоторую категорию (обособленный класс) объектов. Я сосредоточусь на простейших человеческих понятиях, задающих этот класс вполне конкретно. Как было доказано в известной серии исследований Э. Рош, Дж. Лакоффа и других, простейшие детские понятия – это концепты базового уровня. Они становятся основными значениями первых детских слов: *тарелка, мяч, окно, кошка, дерево, озеро, тропинка* и под. и возникают у детей после полутора лет. Далее я буду называть их базовыми концептами и определять как пары: Прототип ← Функция, где стрелка обозначает отношение интерпретации: прототип – это носитель функции, т. е. функция является свойством прототипа. Например, концепт ТАРЕЛКА определяется так:

(1) Базовый концепт ТАРЕЛКА (основное значение слова **тарелка**) =

ПРОТОТИП ← ФУНКЦИЯ
(типичный ментальный образ) (типичная роль в ситуации)

← ‘Контейнер для помещения в него
готовой пищи перед её употреблением’

Концепт (1) определяет класс тарелок, т.е. артефактных объектов со схожей с прототипом формой, предназначенных для выполнения данной функции. Заметим, что перцептивные свойства тарелки – «круглая форма», «плоское дно» и «приподнятые края» – выражены в прототипе (1), поэтому не упоминаются в описании функции.

Ниже я изложу точку зрения, альтернативную приведенным выше, а именно: никакие человеческие понятия – ни простейшие (базовые концепты), ни специальные или более сложные абстрактные – не являются врожденными. Все они возникают в процессе развития ребенка из синкретичных ситуаций, усвоенных им ранее.

2. Синкретичная [целостная] ситуация и ее разложение на понятия

Покажем, что онтогенетически первичными когнитивными единицами, посредством которых ребенок осмысляет воспринимаемый мир, являются не базовые концепты, как можно было бы думать, опираясь на работы [Rosch 1973; Lakoff 1987] и др., а синкретичные агентивные ситуации. Это: «*мальчик ест кашу / пьет из кружки / играет с погремушкой / гладит кошку / зовет маму / просит взять его на руки*», «*мама подходит к нему / сажает его на колени / дает ему игрушку / читает ему книжку*» и т.д. Эти элементарные ситуации появляются у младенца в 9–11 месяцев. И с этого времени воспринимаемый им мир представляется такими синкретичными ситуациями. Как мы покажем чуть ниже, отдельных участников этих ситуаций – осмысленных предметов и действий (тарелка, каша, кушать и др.) – в мире младенца еще нет.

2.1. Определение синкретичной ситуации. Естественно спросить, почему элементарными единицами становятся синкретичные ситуации, а не базовые концепты? На мой взгляд, потому, что они отвечают исходным биологическим потребностям и желаниям ребенка: утолить голод, поиграть, переместиться куда-то, послушать маму, погладить кошку и пр. Поэтому такие ситуации младенец запоминает и распознает в первую очередь. А поскольку первичные потребности и желания ребенка самостоятельны и отделены друг от друга, то синкретичные ситуации, реализующие эти потребности и желания, также дискретны и самостоятельны. Заметим, что отдельные концепты КОШКА, ТАРЕЛКА, СТУЛ и пр. этим потребностям младенца не отвечают. Поэтому на данном этапе развития они младенцу не интересны.

Для доказательства данного положения обратимся к некоторым результатам замечательных экспериментов М.М. Кольцовой, проведенных более 40 лет назад. В одном из них Рита Ф., 11 месяцев, обнаруживала четкий условный пищевой рефлекс на вид тарелки с кашей, когда она видела ее в обычной ситуации еды: тарелка с кашей стоит на столе, а она сидит за столом. В этом случае она двигалась в сторону тарелки и раскрывала рот. Однако вид тарелки с кашей в других ситуациях – в манеже, на подоконнике – вызывал у нее лишь кратковременную ориентировочную реакцию. Пищевая же совершенно отсутствовала. Точно также Рита каждый раз выражала явную оборонительную реакцию на шапку во время процедуры одевания перед прогулкой. Вид шапки и ее надевание сопровождалось криком и попытками сбросить ее с головы. Однако вид той же шапки в другой ситуации вызывал у нее только ориентировочную реакцию [Кольцова 1980: 36].

В этих же исследованиях Кольцова подчеркивает, что первичное разделение синкретичных ситуаций обусловлено их связью с различными видами потребностей. Например, предметы, имеющие пищевое подкрепление (тарелка, ложка, каша) образуют ситуацию еды и отделяются от предметов, имеющих игровое подкрепление (игрушки) и образующих ситуацию игры и т. д. [Там же].

Перейдем теперь от когнитивных к лингвистическим свидетельствам. К концу первого года ребенок начинает употреблять свои первые слова. По мнению многих исследователей детского языка (М.Д. Воейковой, С.Д. Кацнельсона, С.Н. Цейтлин) эти слова представляют собой однословные высказывания (голофразы), именующие целостные ситуации, ср. «Процесс наименования начинается у ребенка с наименования ситуации как нерасчлененного целостного единства» [Лепская 1997: 25]. Ср. также: «Вот как переводит Штерн первые слова детской речи. “Детское *мама*, – говорит он, – в переводе на развитую речь означает не слово *мать*, но предложение: *мама, иди сюда; мама, дай; мама, посади меня на стул; мама, помоги мне* и т.д.”» [Выготский, 1996: 73]. Следовательно, целостные ситуации (их ментальные репрезентации) существуют в памяти ребенка до и независимо от его первых слов.

Итак, и когнитивные, и речевые данные свидетельствуют о том, что первичными когнитивными единицами ребенка, дающими ему осмысление отдельных фрагментов окружающего мира, являются целостные (синкретичные) ситуации.

Определим теперь такую ситуацию. Я буду считать, что она имеет дуальную структуру, сходную со структурой концепта (1): Прототип (комплексный ментальный образ) ситуации – Потребность (желание). Стрелка обозначает отношение реализации: протекание действия в прототипе реализует функцию. Подчеркнем: дуальная структура ситуации связывает Прототип – внешний, доступный восприятию фрагмент мира, с Потребностью – компонентом внутреннего мира ребенка.

Пример.

(2) Целостная ситуация РЕБЕНОК ЕСТ КАШУ ЛОЖКОЙ ИЗ ТАРЕЛКИ =

ПРОТОТИП ← ПОТРЕБНОСТЬ (ЖЕЛАНИЕ),

(комплексный образ)

(реализуется в ситуации)

← ‘Постепенное утоление чувства голода’

Прототип ситуации – это слитный комплекс типичных образов объектов-участников и их взаимодействия. Прототип динамично изменяется, отражая действие Агенса КУШАЕТ, которое удовлетворяет потребность ребенка и тем самым идентифицирует ситуацию.

2.1. Как возникают простейшие понятия? Человеческие понятия (базовые концепты) – это разделившиеся части синкретичных ситуаций. Покажем, что синкретичные или целостные ситуации имплицитно содержат понятия – неразличимые пока базовые концепты. Например, ситуация (2) имплицитно содержит концепты КАША, ТАРЕЛКА, РЕБЕНОК, ЛОЖКА и др. Согласно общей теории развития, см. о ней в [Кошелев 2019: 202], сущность развития некоторой целостности заключается в превращении ее в систему частей. На первом этапе развития (дифференциация) целостность делится на отдельные функциональные части и отношения, связывавшие эти части в рамках целостности, а на втором этапе (интеграция) эти части и отношения объединяются в иерархическую систему. Например, сначала в сознании ребенка стул представлен как целостный объект. Но в результате когнитивного развития этого представления стул становится системой трех своих функциональных частей: сиденья, спинки и ножек, связанных соответствующими отношениями. Подчеркну: исходно у ребенка было целостное представление стула, в котором ни спинки, ни ножек, ни сиденья с их функциями не выделялось.

Аналогичным образом развиваются и синкретичные ситуации ребенка (их ментальные репрезентации). В конце первого года наиболее известные ребенку синкретичные ситуации начинают постепенно дифференцироваться на объекты (ментальные образы с их функциями) и связывающие их действия. Сначала объекты-участники лишь выделяются и обособляются в рамках целостной ситуации. Но дети уже начинают различать объекты, хотя они еще не способны идентифицировать их. Этот факт подтверждают известные эксперименты [Xu, Carey 1996]. Об этом же косвенно свидетельствуют результаты Кольцовой: «На 11–12 месяце появляются первые попытки пользоваться предметами по их назначению: пить из чашки, зачерпывать кашу ложкой, расчесывать волосы гребенкой и т.д. [Кольцова 1973: 27, 33]. «Вычленение объектов из “образа ситуации” происходит... довольно рано – уже в начале второго года жизни ребенка» [Кольцова 1980: 36]. Ср. также: «С первого полугодия второго года жизни ведущая деятельность – действия с предметами (до года – манипулятивная, после года – предметно-орудийная)» [Исенина 1986: 43–44].

Одновременно с участниками, из ситуации дифференцируются и отношения смежности (я буду называть их **тематическими**), связывающие ближайших участников ситуации РЕБЕНОК ЕСТ КАШУ ЛОЖКОЙ ИЗ ТАРЕЛКИ друг с другом: кашу с тарелкой (каша находится в тарелке), порцию каши – с ложкой, ложку с ребенком (его рукой), порцию каши с его ртом и др. Поэтому разделившись, эти участники (РЕБЕНОК, КАША, ЛОЖКА, ТАРЕЛКА, РОТ) и тематические отношения позднее объединяются (подобно частям стула) в ту же, но уже системную ситуацию. Описанный процесс можно уподобить процессу восприятия ребенком расцветшей розы. Сначала он видит розу целиком (синкретичная ситуация), а затем, благодаря развитию своего восприятия, начинает различать в ней отдельные лепестки, пестик (понятия), а также их взаимное расположение (тематические отношения).

Углубляясь в анализ механизмов, вызывающих дифференциацию объектов из ситуации, Кольцова уточняет, что разграничение предметов происходит у младенца на основе установления связей между комплексом ощущений, получаемых ребенком от предмета, и теми или иными его потребностями, например, ощущений от ложки – и пищевой потребностью, от действий с куклой – и игровой потребностью и т. д. Для 8–9 месячных младенцев ложка, каша, тарелка имеют общую, пока еще мало дифференцированную пищевую реакцию. Поэтому младенец не распознает их и часто берет губами и только что прорезавшимися зубами ложку или край чашки. Однако позднее ребенок начинает отличать пищу от посуды, поскольку лучше различает действия (проциоцепторику) с кашей, от действий с ложкой и с чашкой. То же самое, как свидетельствуют эксперименты Кольцовой, можно наблюдать «... в действиях с игрушками: в восемь-девять месяцев ребенок одинаково берет и куклу, и погремушку, и кубик и одинаково стучит по барьеру кроватки или манежа, – пока нет четкого различения этих объектов. Еще через два-три месяца ребенок уже качает куклу, кубики ставит один на другой, мяч катает, погремушку трясет и т.д. Дифференцирование и здесь происходит благодаря прибавлению к игровому подкреплению кинестетического [Кольцова 1973: 82–83].

Следует, однако, иметь в виду, что орудийная деятельность с предметами, ускоряющая их различение, возможна лишь в случае, когда ребенок учитывает в своих действиях с предметами их форму. Следовательно, в это же время в детском представлении предмета на первый план начинает выходить его форма, см. об этом ниже.

Благодаря остроумным экспериментам С. Воксмэн (S. Waxman), см. их описание в [Кошелев 2019: 120], выяснилось, что примерно с 14 месяцев дети начинают различать объекты (участников ситуации) и действия. Именуются также и другие когнитивные данные, подтверждающие разделение целостных ситуаций на составляющие. Так, с этого же времени дети начинают выделять в ситуациях движения компоненты Талми: инвариантную Манеру, например, манеру «идет» из множества движений разных Агенсов; инвариантного Агенса из множества движений с разными Манерами (идет, бежит, скачет) и др., подробнее об этом см. [Там же: 98].

Итак, в соответствии с приведенными данными, для годовалого ребенка предметы – участники ситуации – начинают выделяться из нее и постепенно обретать самостоятельный статус. Как уже отмечалось, одновременно формируются и тематические отношения, имплицитно связывавшие этих участников в ситуации. Этот процесс можно уподобить цветению розы (аналог развития ситуации). Её

лепестки постепенно появляются из синкретичного состояния в бутоне и разделяются. Одновременно формируются «тематические» отношения смежности между соседними лепестками и пестиком.

К полутора годам наиболее знакомые ребенку ситуации разделяются на отдельных участников и тематические отношения. Одна из главных причин этого заключается в том, что с этого возраста дети начинают распространять имя, присвоенное объекту с данной формой, на другие объекты такой же формы [Landauetal 1988]. Следовательно, с полутора лет форма предмета становится для ребенка главным критерием его принадлежности к классу референтов слова. А значит, у ребенка начинает формироваться **прототип** класса референтов. Другая, не менее важная причина заключается в том, что к этому же времени, согласно Исениной и Кольцовой, у ребенка развивается умение использовать знакомые ему предметы в соответствии с их назначением, т. е. кристаллизуется **функция** предмета. А значит, у ребенка возникает **концепт** базового уровня: «Форма (Прототип) – Функция (Назначение)». Это, в частности, означает, что после полутора лет ребенок будет распознавать воспринятый предмет (тарелку, шапку и др.), т. е. воспринимать его форму и понимать ее функцию, независимо от ситуативного окружения. Таким образом, **после полутора лет у детей появляются первые человеческие понятия**. Они задают первичную классификацию объектов – как классов референтов, удовлетворяющих общей характеристике, т.е. значению слова: прототипу и функции концепта.

Подытожим проведенные рассуждения. Простые человеческие понятия ДОРОГА, ДОМ, СТОЛ, ТАРЕЛКА, КАША и др. возникают у ребенка как продукты разложения его исходных целостных ситуаций на функциональные части (на участников). При этом каждый участник задает (своим прототипом и функцией в ситуации) самостоятельное понятие. Точно также, хотя и гораздо позднее, у человека возникают специальные и культурноспецифичные концепты. Например, концепт КАРБЮРАТОР образуется у человека в результате декомпозиции ряда ситуаций изучения и ремонта мотора автомобиля, в которых он непосредственно участвует, ТРОМБОН – продукт декомпозиции ряда музыкальных ситуаций и т.д. Аналогично, культурноспецифичные концепты, например, русские национальные блюда ЦИ, ПЕЛЬМЕНИ и др. формируются в результате участия в ситуациях приготовления и/или многократного употребления этих блюд.

Этим же путем в рамках одного общего понятия возникают более частные понятия. Например, наряду со словом *тарелка*, в русском языке имеются слова *блюдо* и *блюдец*, называющие частные виды тарелок. Разумно предположить, что эти имена возникли вследствие того, что ситуации, в которых используются эти виды тарелок, в русскоязычном сознании признаются, хоть и близкими, но не тождественными. Поэтому и их роли в этих ситуациях (вместе со способами взаимодействия с ними) также различаются. А значит, эти виды тарелок – носители различающихся ролей – получают разные имена.

2.3. Роль языка в образовании понятий. Проведенные рассуждения проясняют роль лексики родного языка в образовании детских понятий. С одной стороны, эта роль огромна. Начальные понятия ребенка, которые только что вычленились из его синкретичных ситуаций, весьма субъективны, поскольку опираются на его личный опыт. Например, в одной семье используются фарфоровые тарелки, в другой – деревянные, в третьей – алюминиевые, а в четвертой – одноразовые пластмассовые.

Принадлежат ли все они к одному классу тарелок? Являются ли их формы и типичные взаимодействия с ними настолько схожими, чтобы считать их тождественными? Благодаря слову *тарелка*, постоянные референтные употребления которого ребенок слышит от окружающих, эти различные по материалу и внешнему виду предметы включаются ребенком в один класс референтов этого слова. Итак, благодаря лексике родного языка первичные субъективные понятия ребенка унифицируются и превращаются в этноспецифичные понятия, принятые в его социуме.

С другой стороны, при всей важности лексики, ее роль в образовании понятий вторична, поскольку, вопреки мнению ряда исследователей, начальный толчок к разделению синкретичных ситуаций на отдельных участников обусловлен когнитивным, а не языковым (референтные употребления лексики) фактором, подробнее см. [Кошелев 2019: 166].

3. Детские классификации

3.1. Начало детских классификаций. Как отмечалось выше, первые слова, которые ребенок начинает произносить в 11–13 месяцев, называют целостные ситуации. Но в языке взрослых эти слова обозначают предметы или действия. Как ребенок соотносит их с ситуациями? Можно предположить, что благодаря начавшемуся в это время процессу вычленения участников из ситуации, ребенок теперь может называть своими словами этих выделяющихся участников, точнее, главных из них, которые непосредственно реализуют его потребность (желание).

При этом у ребенка появляются две возможности. Во-первых, он может назвать своим словом одного, главного участника, скажем, словом *каша* – кашу, а словом *кукла* – куклу. Тем самым у этих слов постепенно формируются основные значения – концепты КАША и КУКЛА. Из сказанного становится понятным, откуда появляются прототипы и функция этих понятий: из множества однотипных ситуаций, в которых они еще участвуют, т.е. «изнутри», а не «извне», не благодаря энциклопедическим знаниям.

3.2. Первичная классификация объектов. Классы референтов, которые задают возникшие концепты (основные лексические значения) определяют первичную классификацию объектов, о таксономической иерархии см. [Кошелев 2020]. Каждый класс (категория) базируется на общем свойстве (концепте), которому удовлетворяют все его члены. А именно, все они: а) похожи на прототип концепта и б) обычно используются в его функции. Далее, как только слова ребенка обретают устойчивые значения, он сразу же начинает использовать их не только в этих (основных), но и в метафорических значениях.

Коснемся этого вопроса чуть подробнее. Формирование основного значения слова сопровождается появлением лексико-семантических сверхгенерализаций, или расширенных значений [Clark 2009: 83; Елисеева 2014: 106] и др. Прежде всего, это **категориальная** сверхгенерализация [Там же], при которой ребенок ошибочно называет своим словом объекты, схожие с референтами, но не являющиеся ими. Например, он может словом *каша* назвать картофельное пюре, или горку творога, приняв их за кашу. Вскоре он поймет свою ошибку и далее не будет ее совершать.

Другой класс образуют сверхгенерализации, которые можно назвать метафорическими. Это случаи, когда ребенок называет своим словом предмет,

похожий на типичный референт слова, но не являющийся им (и ребенок это понимает). Например, словом *ball* (мяч) англоязычный ребенок называет не только мяч, но и яблоко, виноград, яйцо, тыкву, все круглое; словом *moon* (луна, англ.) – печенье, круглые пятна на окне, круглые рисунки в книжках, круглые почтовые марки, букву «О»; словом *dog* – не только собак, но и кошек, овец, лошадей и всех остальных четвероногих животных [Clark 2009: 82–83]. Мы согласны с теми исследователями, которые объясняют эти номинации не ошибкой ребенка, а недостатком у него подходящей лексики. Если перед тем же ребенком, – замечает Кларк, положить картинки с яблоком и мячом и спросить: «Где мяч?», он укажет на мяч [Там же: 84]. Как только ребенок узнает имена этих объектов, такие вынужденные именованья прекращаются.

3.3. Определение метафоры. Ближе к двум годам, когда у слов ребенка появляются нормативные значения (концепты), он начинает употреблять эти слова метафорически (и уже не вынужденно): называть ими объекты, похожие на типичный референт внешне или функцией, но не являющиеся референтами слова. Примеры детских метафор: Ася П. (2,0) называет вязаную шапочку на голове у мамы грибом; Аня Л. (1,9,11) положив цветок календулы на голову, говорит *У меня шляпа*, Женя Г. (2,0,10) называл похожий на рыбку листик рыбкой [Елисеева 2014: 114–116].

Отличие метафор от метафорических сверженерализаций не только в том, что это свободные (не вынужденные) именованья. Главное отличие в том, что метафорическая номинация корректна не для всех объектов, похожих на референты. Уже давно замечено, что львов и тигров можно метафорически назвать кошками, но волков не корректно назвать собаками. Запрет весьма неожиданный. Ведь волки, не будучи собаками, узнаваемо на них похожи. Другой пример. Почему-то куб со скругленными углами корректно метафорически назвать шаром, а яйцо – нет, хотя и здесь налицо очевидное сходство форм. Как я полагаю, дело в том, что метафора указывает на похожий, но **явно другой**, не референтный предмет. В этом суть метафоры – сближать не близкие объекты. В самом деле, львы и тигры похожи на кошек, но очевидно, что они не кошки. А волки неотличимы от собак. Аналогично, яйцо по форме слишком похоже на шар, поэтому его и не корректно назвать шаром. Не ясно, что утверждает фраза *Яйцо – это *шар*: то, что яйцо не идеальный шар, или то, что оно не шар, но похоже на шар (метафора).

4. Тематическая классификация

4.1. Природа тематической таксономии. Выше был рассмотрен случай, когда ребенок называет своим словом одного (главного) из участников ситуации, см. п. 3.1. Однако, ребенок может назвать тем же словом **пару взаимосвязанных** участников, как бы отождествляя их как сореализаторов его потребности, например, назвать словом *каша* – кашу и ложку, которые вместе реализуют утоление голода (ср.: *Он только три ложки съел* – мать о ребенке, съевшем лишь три ложки каши), словом *кукла* – куклу и действие «укачивать» и т. д.

Приведем примеры. Словом *ягода* ребенок называет не только ягоду, но и коробку из под йогурта с нарисованными на ней ягодами. Тем самым, он называет связанную пару: ягоду и коробку. А затем он словом *ягода* называет и сам йогурт, т.е. пару коробка – йогурт [Елисеева 2014]. Аналогично, ребенок использовал звуковой комплекс *afta*,

чтобы обозначать сначала стакан, а затем то, что было выпито из стакана [Werner 1957: 226]. Другой ребенок называл словом *qua-qua* сначала утку, плавающую в пруду, затем всякую жидкость, в том числе и молоко, которое он пьет из своей бутылки. Приведу комментарий Х. Вернера к таким детским именованию: «У австралийских аборигенов мы обнаруживаем сходные натуралистические группировки как наиболее примитивную форму упорядочения. Эти туземцы часто используют одно и то же слово для обозначения огня и дерева (*fireandwood*) – *bugee*, например, в языке бумбарра (*Bumbarra*). Хорошее и сладкое, пища и кушающий, жажда и вода также имеют одни и те же названия. Во всех этих случаях группировка определяется не объективной характеристикой, а принадлежностью ее членов к той или иной натуралистической ситуации. Этот примитивный способ классификации, основанный на участии различных предметов в одной и той же ситуации, отчетливо прослеживается на ранних стадиях онтогенеза языка ребенка» [Werner 1957: 226; курсив мой. – А. К.]

Объединение предметов не по их общим свойствам, а по их участию в одной ситуации, принято называть **тематической сортировкой (классификацией)** [Shylaja, Manjula: 2016]. Синкретичные ситуации, будучи первичными содержательными единицами детей, служат источником появления у них тематических сортировок.

4.2. Определение метонимии. Из рассмотренных выше употреблений слов у ребенка формируются метонимические значения. Как я уже отмечал ранее [Кошелев 2017: 269], они отражают **функциональную связность** двух объектов, а не только их пространственную смежность, ср. также: «когда ребенок использует одно и то же слово для воды и стекла, это происходит не из-за ассоциации в смысле смежности, а скорее потому, что операция группировки производна от реальной конкретной целостности» [Werner 1957: 227].

Рассмотрим для иллюстрации известную метонимию *Кастрюля кипит*. Она корректна лишь в случае, если вода кипит от нагрева кастрюли (скажем, кастрюля греется на плите). Если же вода в кастрюле нагревается от положенного в нее электрокипяtilьника, а не от кастрюли, то фраза **Кастрюля кипит* становится не корректной. Пространственная смежность кастрюли и кипящей воды сохраняется, но их функциональная связь утрачивается. Аналогично, метонимическая фраза *Тарелка сыра* корректна лишь в случае, если между сыром и тарелкой имеется функциональная связь: сыр мелко порезан и заполняет тарелку. Если же он лежит на тарелке большим куском, то эта фраза становится некорректной, поскольку указанная связь отсутствует. Коротко говоря, метонимическое значение содержит два утверждения: объекты а) смежные и б) функционально связанные (смежность обусловлена содержанием).

4.3. Тематическая vs таксономическая сортировка предметов. Согласно экспериментальным данным, сначала (после полутора лет) у ребенка возникает тематическая классификация, или тематическая сортировка объектов [Annett 1959; Shylaja, Manjula 2016]. Уже давно было замечено, что в задачах на сортировку похожих объектов двухлетние дети часто объединяют предметы не таксономически (на основе их общих свойств), а тематически – на основе отношений, отражающих их соучастие в некоторой типичной ситуации. Г. Мёрфи приводит такой пример: трехлетнему ребенку показывают собаку и спрашивают, на какой из двух других объектов она похожа («it is like»), на кошку или на поводок [Murphy 2002]. И ребенок

гораздо чаще отвечает «на поводок», чем «на кошку». Аналогично, из трех предметов: «тарелка», «ложка» и «чашка» дети чаще объединяли в один класс тарелку и ложку, а не тарелку и чашку. Однако в школьном и студенческом возрасте испытуемые, напротив, предпочитали таксономическое объединение предметов (собаку и кошку; тарелку и чашку), см. Рис. 1.

ДВА ТИПА КЛАССИФИКАЦИИ ТРЕХ ПРЕДМЕТОВ

ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ	ТАКСОНОМИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ
	
Функции тарелки и ложки дополняют друг друга в ситуации еды	Функции тарелки и чашки однотипны: 'контейнер для пищи/для жидкой пищи'

Рис. 1. Два вида сортировки объектов

Как возникает тематическая сортировка? Э. Маркмэн, Г. Мёрфи и некоторые другие исследователи полагают, что она появляется у детей благодаря их энциклопедическим знаниям. Так, Мёрфи, опираясь на монографию [Markman 1989], отмечает: дети открывают для себя, что подарки, торт, свечи и друзей можно обнаружить на вечеринке в честь дня рождения, и знание об этом является частью более общего знания о праздниках в нашей культуре [Там же]. Иначе говоря, сначала дети узнают такие объекты, как подарки, торт, свечи и под., а потом – как и когда они сочетаются друг с другом. Или, говоря метафорически, сначала дети узнают отдельные лепестки и пестик розы (подарки, торт, свечи), затем связывающие их отношения (энциклопедические знания), а позже, собирая все это вместе, они узнают расцветшую розу (что такое праздники).

Однако, согласно рассмотренному выше процессу образования понятий, все происходит с точностью до наоборот: сначала дети узнают **синкретичную ситуацию праздника** (целостную расцветшую розу), а затем из нее вычлениают отдельных участников – торт, свечи, подарки, гостей и др. и связывавшие их тематические отношения (вычлениают в розе лепестки, пестик и их расположение относительно друг друга). Коротко говоря, тематическая сортировка обусловлена не энциклопедическими (эксплицитными), а внутренне возникающими (имплицитными) знаниями.

5. Выводы

Завершая этот краткий обзор, обсудим некоторые общепризнанные результаты. В статье [Annett 1959] проводились эксперименты по сортировке контурных изображений 16 простых объектов (*корова, птица, дерево, цветок, яблоко, автомобиль* и др.) среди 302 детей в возрасте 5–11 лет и 42 взрослых в возрасте 18–73 лет. Как отмечается в статье, признак смежности, фиксирующий тематические отношения, имеет колоколообразное распределение, достигая пика у восьмилетних детей.

Замечание. Согласно Ж. Пиаже, до 8 лет ребенок определяет объект тематически – по его употреблению в типичной ситуации. Вот его ответы на вопросы взрослых: «Что такое вилка?» – «Это, чтобы кушать»; «Что такое мама?» – «Это, чтобы готовить обед»; «Что такое дождь?» – «Это, чтобы поливать» [Пиаже 1994: 305]. С 8 лет ребенок начинает определять объект таксономически – по его главному свойству. В 11–12 лет он ответит: «Мама – это дама, у которой есть дети», «Дождь – это вода, падающая с неба». Но в 8 лет его таксономические определения еще не полны: «Мама – это дама» [Там же: 306]. Тем не менее, они знаменуют появление общей характеристики объекта.

Признак сходства (таксономические отношения), напротив, растет с возрастом почти линейно. Однако далее этот показатель перестает расти и начинает снижаться – пожилые люди возвращаются к тематическим отношениям. Общий вывод: пожилые люди ведут себя в большей мере как дети, чем как молодые. Это же подтверждается в более поздней статье [Smiley, Brown 1979].

Подчеркну: если дети не получают привычного для нашей индустриальной культуры обучения и образования, то тематическая таксономия превалирует и во взрослом возрасте. Впервые это утверждение доказали знаменитые эксперименты А.Р. Лурии, которые он проводил в начале 1930-х годов с кочевниками Узбекистана и Киргизии. На вопрос местных ассистентов Лурии (задаваемый испытуемым в естественной обстановке, на их родном языке), какие три из четырех предметов: пила, полено, молоток и лопата «являются сходными», неграмотные крестьяне, жившие в отдаленных аулах, обычно исключали молоток [Лурия 1974: 73]. В то же время, их молодые односельчане, проучившиеся 2–3 года в местной школе, уверенно исключали полено.

Эксперименты А.Р. Лурии породили целое направление исследований предметной классификации, возникающей у людей самых разных возрастов, национальностей и культур. В них результаты Лурии получили полное подтверждение.

© Кошелев А.Д., 2021

Литература

- Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.: Лабиринт. 1996. 416 с.
- Елисеева М.Б.* Становление индивидуальной языковой системы ребенка: ранние этапы. М.: Языки славянской культуры. 2015. 344 с.
- Исенина Е.И.* Дословный период развития речи у детей. Саратов: Изд-во Саратовского университета. 1986. 162 с.
- Кольцова М.М.* Двигательная активность и развитие функций мозга ребенка. М.: Педагогика. 1973. 141 с.

Кольцова М.М. Развитие сигнальных систем действительности у детей. Л.: Наука, 1980. 164 с.

Кошелев А.Д. Очерки эволюционно-синтетической теории языка. М.: Издательский Дом ЯСК. 2017. 528 с.

Кошелев А.Д. О генезисе мышления и языка. М.: ИД ЯСК. 2019. 264 с.

Кошелев А.Д. О когнитивных основаниях лексической классификации предметного мира // Вопросы психолингвистики, 4(46) 2021. С. 59–75.

Лепская Н.И. Язык ребенка. Онтогенез речевой коммуникации. М.: Филол. ф-т МГУ, 1997. 152 с.

Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М.: Наука, 1974. 172 с.

Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 526 с.

Хомский Н., Бервик Р. Человек говорящий: эволюция и язык. СПб.: Питер, 2018. 304 с.

Annett M. The classification of instances of four common class concepts by children and adults // British Journal of Educational Psychology. 1959, 29(3). P. 223–236.

Lakoff G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago: University of Chicago Press. 1987.

Landau B., Smith L.B., S.S. Jones. The importance of shape in early lexical learning // Cognitive Development. 1988, 3(3). P. 299–321.

Markman E.M. *Categorization and naming in children: Problems of induction.* The MIT Press. 1989.

Murphy G.L. The big book of concepts. Cambridge (MA): MIT Press. 2002.

Rosch E. Natural Categories // Cognitive Psychology. 1973, 4. P. 328–350.

Shylaja K., Manjula R. Assessment of thematic relations in 2-4 years normally developing children // Communication Disorders, Deaf Studies & Hearing Aids. 2016, 4(1). P. 1–9.

Smiley S.S., Brown A.L. Conceptual preferences for thematic or taxonomic relations // Journal of Experimental Child Psychology. 1979, 28. P. 249–257.

Werner H. Comparative psychology of mental development. New York: International Universities Press. 1957.

Xu F., Carey S. Infants' metaphysics: the case of numerical identity // Cognitive Psychology. 1996, 30. P. 111–153.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 25.04.2021

Дата принятия к печати: 19.06.2021

Сведения об авторе:

Кошелев Алексей Дмитриевич – канд. физ-мат. наук, доцент, главный редактор Издательского дома ЯСК

Контактная информация:

107031, Москва, Б. Лубянка, д. 13/16, стр. 1

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1643-6146>

e-mail: koshelev47@gmail.com

Для цитирования:

Кошелев А.Д. О генезисе у ребенка понятий и лексических значений // Вопросы психолингвистики №2(48) 2021, С.156–170, doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-156-170

UDC 81'37

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-156-170

Research article

ON THE GENESIS OF THE CHILD'S CONCEPTS AND LEXICAL MEANINGS

Alexey D. Koshelev

LRC Publishing House, Moscow, Russia

Abstract

The article shows that the primary cognitive units of infants, thanks to which they begin to understand individual fragments of the visible world, are integral situations ('a boy is eating porridge', 'Mother is reading a book', etc.), since they satisfy the initial children's needs and desires. In the process of child's development, these situations are divided into specific participants (BOY, PORRIDGE, SPOON, PLATE) and relationships ('plate – porridge', 'porridge portion – spoon', 'spoon – boy's mouth'). The separated participants, i.e., the functional parts of situations, become the first children's concepts. Later, in the same way (by dividing new situations into participants), more special and complex concepts are formed: 'motor', 'carburetor', 'trombone', etc. As a result, the article concludes that human concepts are not innate, as J. Fodor and early Chomsky believe, or are combinations of the simplest innate concepts, according to A. Wierzbicka, I. Mel'čuk and S. Pinker. All concepts rather arise as products of the decomposition of holistic situations that the child has previously learned.

Simultaneously with the formation of concepts, a thematic classification arises in children: when sorting triads of objects (dog-cat-bone; plate-cup-spoon), the child combines into one group objects that jointly participate in a typical situation (e.g., the dog and the bone, the plate and the spoon), rather than objects that perform similar functions in the situation: the dog and the cat or the plate and the cup (taxonomic classification). It is shown that the source of the thematic classification is not encyclopedic knowledge, as it is commonly believed (G. Murphy, E. Markman), but the primary integral situations and the binary relations arising from their decomposition.

In the final part of the article, the role of language in the formation of children's classifications is analyzed, the genesis of metaphorical and metonymic meanings is discussed, and refined definitions of these meanings are given.

Keywords: holistic situation, concept formation, taxonomic classification, thematic classification, metaphor, metonymy

References

- Annett, M. (1959) The classification of instances of four common class concepts by children and adult. *British Journal of Educational Psychology*. 29(3). 223–236.
- Berwick, R.C., Chomsky, N. (2016) *Why Only Us: Language and Evolution*. Cambridge, MA, MIT Press.
- Eliseeva, M.B. (2014) *Stanovlenie individual'noj jazykovoj sistemy rebenka: rannie etapy* [Formation of the Child's Individual Language System: Early stages]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury publ. 344 p. (in Russian).

Isenina, E.I. (1986) *Doslovnij period razvitiya reči u detej* [The Pre-lexical Period of Speech Development in Children]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. 162 p. (in Russian).

Kol'tsova, M.M. (1973) *Dvigatel'naja aktivnost' i razvitie funkcij mozga rebënka* [Motor Activity and Development of Brain Functions in Children]. Moscow, Pedagogika publ. 141 p. (in Russian).

Kol'tsova, M.M. (1980) *Razvitie signal'nyx sistem dejstvitel'nosti u detej* [Development of Reality Signal Systems in Children]. Leningrad, Nauka publ. 164 p. (in Russian).

Koshelev, A.D. (2019) *Essays on the Evolutionary-Synthetic Theory of Language*. Moscow; Boston: LRC Publishing House; Academic Studies Press.

Koshelev, A.D. (2020) *On the Genesis of Thought and Language*. Moscow; Boston: LRC Publishing House; Academic Studies Press.

Koshelev, A.D. (2020) On the cognitive foundation of lexical classification of the subject world. *Journal of Psycholinguistics*, 4(46). 59–75 (in Russian).

Lakoff, G. *Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind*. Chicago: University of Chicago Press. 1987.

Landau, B., Smith, L.B., Jones, S.S. (1988) The importance of shape in early lexical learning. *Cognitive Development*. 3(3). 299–321.

Lepskaja, N.I. (1997) *Jazyk rebënka. Ontogenez rečevoj kommunikacii* [The Child's Language. Ontogeny of speech communication]. Moscow, Filologičeskii fakul'tet MGU publ. 152 p. (in Russian).

Luria, A.R. (1976) *Cognitive development: Its cultural and social foundations*. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press.

Markman, E.M. (1989) *Categorization and naming in children: Problems of induction*. The MIT Press.

Murphy, G.L. (2002) *The big book of concepts*. Cambridge (MA), MIT Press.

Piazhe, Zh. (1994) *Rech' i myshlenie rebënka* [Speech and thinking of the child]. Moscow, Pedagogika-Press. 1994 (in Russian). 524 p.

Rosch, E. (1973) Natural Categories. *Cognitive Psychology*. 4. 328–350.

Shylaja, K., Manjula, R. (2016) Assessment of thematic relations in 2-4 years normally developing children. *Communication Disorders, Deaf Studies & Hearing Aids*. 4(1). 1–9.

Smiley, S.S., Brown, A.L. (1979) Conceptual preferences for thematic or taxonomic relations. *Journal of Experimental Child Psychology*. 28, 249–257.

Vygotsky, L.S. (1986) *Thought and Language*, newly revised, translated, and edited by A. Kozulin. Cambridge, MA, MIT Press.

Werner, H. (1957) *Comparative psychology of mental development*. New York, International Universities Press.

Xu, F., Carey, S. (1996) Infants' metaphysics: the case of numerical identity. *Cognitive Psychology*. 30. 111–153.

©Koshelev A.D., 2021

Article history:

Received: 25.04.2021

Accepted: 19.06.2021

Bionotes:

Alexey D. Koshelev – PhD (Physical and Mathematical Sciences), Associate professor, Editor-in-chief, LRC Publishing House

Contact information:

13/16, build. 1, B. Lubyanka St., Moscow, Russia, 107031.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1643-6146>

e-mail: koshelev47@gmail.com

For citation:

Koshelev, A.D. On the Genesis of the Child's Concepts and Lexical Meanings. *Journal of Psycholinguistics*. 2 (48), pp. 156–170. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-156-170 (in Russian)

УДК 81.23

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-171-178

Научная статья

ПРИНЦИП СИСТЕМНОСТИ ПРИ АНАЛИЗЕ РЕЧЕВЫХ ПРОЦЕССОВ

Тарасов Евгений Федорович

Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Аннотация

Объектом анализа в нашей статье является принцип системности при исследовании речевых процессов, реализующийся в подходе к анализу речи, в соответствии с которым речь полагается элементом системы, состоящей из совместной деятельности (СД) коммуникантов и их речевого общения (РО), которая детерминирует все их речевые действия. Предметом теории системности речевых процессов является организация системы, которая отображает познанные исследователем связи, возникающие между взаимодействующими и общающимися коммуникантами, связи, которые детерминируют речевое управление общающимися поведением друг друга. Метод исследования, используемый в статье – это теоретический и метатеоретический анализ основных положений системно-деятельностного подхода к изучению речевых процессов. Управление поведением людей осуществляется при помощи знаковых сообщений, что возможно только при схожем образе мира у коммуникантов, который складывается при присвоении идентичной предметной культуры. Предметная этническая культура – есть субстанция сознания, присвоение которой обеспечивает общность сознаний носителей языка и которая является обязательной предпосылкой знакового общения, т.к. тела языковых знаков, обладая только субстанцией, сами по себе никаких знаний не несут. Речевые процессы, осуществляемые сотрудниками в СД, детерминированы структурой СД и РО, а кроме того, всем социумом, культуру которого они присвоили и которая теперь в виде образов сознания составляет содержательную сторону языковых знаков. Системная детерминация определяет как константные, так и переменные свойства речевых процессов.

Ключевые слова: системный подход, речь, совместная деятельность, речевое общение, языковое и неязыковое сознание, образы сознания

Цель статьи – обосновать мысль о том, что речевые процессы могут быть адекватно изучены только в рамках системного подхода. Известно, что системный подход позволяет строить новую познавательную реальность в прежних объектных областях, вводить в научный обиход новые познавательные (объяснительные) схемы и вскрывать внутри анализируемого объекта новые связи, допускающие множественное членение объекта [Блауберг, Юдин 1973, Садовский 1974, Уемов 1978].

Речевые процессы – это явления, которые в лингвистике называются говорением и слушанием, исчерпывают всю речевую феноменологию. Говорение и слушание составляют функционирование языка, и их изучение является центральной проблемой научной лингвистики, все остальные проблемы изучения языка можно полагать производными.

Содержание принципа системности, как он понимается в данной статье, состоит в следующем. В речи коммуникантов, сотрудничающих в совместной деятельности (СД) отображаются только те фрагменты их сознания, которые они считают релевантными для осуществления их СД. СД – это, по А.Н. Леонтьеву, инфраструктура сознания, репрезентированная субъекту сознания в виде образов и овнешнения их в форме вербальных моделей, т.е. в речи. Инфраструктура сознания существует в суперструктуре, которой является общество и общественные отношения (см. ниже).

Прежде чем мы попытаемся очертить всю сложную объектную область, где протекают речевые процессы, укажем, что связи внутри этой объектной области, охватывающей сотрудничающих и, следовательно, общающихся коммуникантов, ориентирующихся друг в друге и осуществляющих взаимное речевое воздействие, в наше время адекватно могут быть изучены только в рамках психолингвистики, обладающей лингвистическими и психологическими понятийными аппаратами, позволяющими анализировать как внешние предметные и знаковые (собственно речь), так и внутренние (оперирование образами сознания, отображающими реальность) звенья речевых процессов.

Представление о том, что речевые процессы с их внешними и внутренними звеньями могут быть изучены только в рамках системного подхода, не являются прерогативой теории речевой деятельности, такая точка зрения обоснована в общепсихологической теории деятельности А.Н. Леонтьева, где настойчиво подчеркивают, что собственно психологические феномены неотрывны от социальных феноменов как генетически, так и функционально.

Осенью 1969 г. на внутренней дискуссии А.Н. Леонтьев говорил: «Деятельность, образы, словом, все психологическое может быть понято только как инфраструктура в суперструктуре, которая есть общество, общественные отношения, словом, инфраструктура психологического может быть понятна только в ее связи с суперструктурой социального, потому что инфраструктура без этой суперструктуры не существует вообще» [Леонтьева 1990: 149–150].

Принципы системного подхода, как мы видим, в теории деятельности А.Н. Леонтьева начали складываться одновременно с системным подходом в методологии науки и философии, что вполне объяснимо, если вспомнить, что теория деятельности сформировалась в рамках культурно-исторической школы Л.С. Выготского задолго до того, как системный подход стал обсуждаться в методологии науки.

Принцип системности, применимый к анализу речевых процессов, феноменологически данных в наблюдении только цепочкой тел языковых знаков (квазипредметов), состоит в том, чтобы включить в объектную область, во-первых, внутренние процессы оперирования говорящими образами своего сознания (отображающими познанными ими реальную действительность), которые они затем вербально моделируют, переводя тем самым образы своего индивидуального сознания в образы своей этнической культуры, ассоциированные с телами языковых знаков продуцируемой речи, а также процессы оперирования реципиентом общекультурными образами сознания в ходе смыслового восприятия речи, которые он интерпретирует при помощи образов своего индивидуального сознания, вводя в свою жизнь новые сконструированные им знания. Во-вторых, в объектную область целесообразно ввести членов социума (присвоивших общую этническую культуру и сформировавших свою психику), которые общаются, организуя свою совместную деятельность, регулируя при помощи знаков поведение друг друга.

Таким образом, в центре объектной области лингвиста должны находиться сотрудничающие и общающиеся члены социума, использующие языки, которые адекватны для решения их задач. Речевые процессы при таком системном подходе обладают статусом элемента системы, их протекание во внешней форме зависит как от сознания коммуникантов, так и от суперструктуры (по А.Н. Леонтьеву), т.е. от их совместной деятельности и от их социальных отношений.

Следовательно, кроме внешней речи, т.е. кроме цепочки тел языковых (и неязыковых) знаков к речевым процессам относятся внутренние звенья: 1) образы тел языковых знаков различной психической модальности; 2) образы предметов, действий, явлений, ассоциированных с образами тел языковых (и неязыковых знаков), т.е. значениями слов, известных носителям этнического языка и используемых ими для вербального моделирования и овнешнения для других содержания речевого высказывания. Для овнешнения кроме вербального языка в социуме используются другие языки: языки движений и жестов, мимики и выразительных движений, знаковые, иконические, символические, а также метаязыки – эти языки используются для овнешнения внутреннего знания *для другого*; языки тела, языки образов и состояний, языки моторных программ – эти языки используются для понимания *себя в этом мире* [Зинченко 2010: 285–292].

Речевые процессы имеют сложную структуру и поэтому целесообразно иметь точное представление о том, что входит в собственно речевой процесс.

Внешнее проявление речи – это произносимые и одновременно воспринимаемые звуки или зрительно (или тактильно) воспринимаемые графемы, которые есть тела языковых знаков, обладающие только субстанцией.

С этими телами языковых знаков ассоциированы, во-первых, знания в виде звуковых или зрительных образов (в случае восприятия графем), которые позволяют идентифицировать воспринимаемые звуки и графемы как языковые знаки, а, во-вторых, образы сознания различной модальности, которые носители языка ассоциируют с телами языковых знаков и которые усваиваются в процессе овладения этнической культурой и этническим языком. Кроме того, каждый носитель языка обладает индивидуальной формой и объемом общественного сознания, которое включает в себя как фрагмент общее для всех носителей языка языковое сознание, правда, усвоенное в объеме, детерминированном деятельностью и практикой речевого общения личности, так и индивидуальное сознание – образы сознания, из общего культурного фонда сознания, сформированные в результате прохождения личности по индивидуальной жизненной траектории, которая обусловила не только уникальные фрагменты сознания, но и индивидуальное поле восприятия, содержащее в основном зрительные чувственные образы, не являющиеся собственно образами сознания, которые единственно служат средством познания для каждого члена социума.

Таким образом, говорящий, прежде чем он начнет производство речи, анализирует жизненную ситуацию, в которой он находится с целью определить достаточно ли его индивидуальных усилий для решения стоящей перед ним задачи или ему необходимо сотрудничество других членов социума, а, следовательно, результат этого анализа приводит его к выводу о необходимости развертывания речевого общения (РО) или к отказу от такого общения.

После принятия решения о начале речевого общения с целью вовлечения собеседника в совместную деятельность потенциальный инициатор РО формирует цель РО – вовлечение потенциального сотрудника в СД, ориентируется в ситуации и собесед-

нике – создает в своем сознании образы ситуации РО и СД, а также образ собеседника (будущего сотрудника), намечает последовательность задач (план действий), решение которых приведет к осуществлению СД.

РО развертывается субъектом, исходя из построенного плана задач в форме речевых воздействий на собеседника с целью привлечь его непроизвольное внимание, затем удержать его внимание, ориентировать его в себе, обозначив свои познавательные возможности и свою потребность, ради удовлетворения которой развертывается РО и СД, далее создается атмосфера общения, характеристики которой адекватны для решения задач организации РО и СД. Именно задача (цель) организации СД для удовлетворения потребности субъекта речевого воздействия и придает смысл каждому его речевому высказыванию субъекта РО, который А.Н. Леонтьев назвал личностным смыслом [Леонтьев 2012: 111].

Личностный смысл любого действия члена социума в том числе и речевого действия – это тот феномен, который лишает речь ложной суверенности, приобретаемой ею в результате редуционистской изоляции, практикуемой в лингвистике, ибо формирование личностного смысла содержания речевого сообщения реципиентом – самая существенная цель говорящего.

Для вовлечения реципиента в СД говорящий должен мотивировать реципиента принять участие в СД, что реципиент сделает только в том случае, если ему это выгодно. Мотивация участия реципиента состоит в актуализации его некоторой реальной потребности (если такая актуализация необходима), в предложении предмета-мотива, удовлетворяющего потребности и ориентирования реципиента в той деятельности, в которой он достигнет предмет-мотив. Как раз эта деятельность, которую реципиент развертывает ради собственной выгоды, и есть та деятельность сотрудничества, необходимая говорящему.

Представляется, что показанная инфраструктура неречевой активности коммуникантов определяет их речевые действия только как элементы – важные и абсолютно необходимые, но только элементы системы, образуемой неречевыми знаковыми и незнаковыми действиями сотрудничающих членов социума, которые не могут существовать в одиночку и образуют необходимые им коллаборации.

Предметы и действия, образующие инфраструктуру взаимодействия членов социума, отображаются в поле сознания коммуникантов и становятся объектом вербального моделирования при их овнешнении в речи только в том случае, если коммуниканты сочтут их необходимыми для достижения своих целей в СД. Нужно подчеркнуть, что не все, что попадает в поле восприятия отображается в поле сознания. А.Н. Леонтьев предупреждал о необходимости различать поле восприятия и поле сознания: «...отождествление психического отражения и сознания, это не более чем иллюзия нашей интроспекции» [Леонтьев 2012: 94].

В.П. Зинченко, пытаясь показать, что восприятие объектов реальной действительности еще не означает их осознание, пишет: «...глаз в течение дня делает 100 тысяч фиксаций, т.е. он «вырезает» из окружающего огромное количество картинок. Полезно попытаться вспомнить, что же за день было воспринято. После такой попытки легко прийти к выводу, что мы на мир смотрели пустыми глазами. Но огорчаться не следует. Если бы нам показали все увиденные за день картинки, то мы бы их, несомненно, узнали» [Зинченко 2010: 287].

Из различения поля восприятия и поля сознания следует важный методический вывод: если лингвист попытается объяснить характеристики речевой цепи влиянием неречевой инфраструктуры, то он должен учитывать возможность приписывания своего поля сознания говорящему и реципиенту, т.к. эти поля могут не совпадать ни у них и, тем более, у стороннего наблюдателя-исследователя. И еще один важный вывод для исследователя речевых процессов: исследователь должен изучать речь *общающихся людей*, а не их речь, изолированную от инфраструктуры РО.

С.Э. Поляков, ссылаясь на И. Канта, обосновывает мысль, что мы при помощи наших психологических репрезентаций, конструируем мир особым образом, отличным от «реальности в себе, отображая, воспроизводя, представляя в себе своим психическими средствами «реальность в себе» («реальность в себе», как известно, кантовский термин, обозначающий еще не познанную человеком реальную действительность)» [Поляков 2017: 37].

Для нас ключевыми являются слова «своими психическими средствами», т.к. они указывают на то, что разные члены социума могут репрезентировать одну и ту же реальную действительность по-разному, хотя они формируют свое сознание как инструмент познания, черпая познавательные средства из одного источника – из общей для них этнической культуры. Следует заметить, что проблема общности сознаний членов этноса (и уже – коммуникантов) отрефлексирована и в философии (проблема интерсубъективности), и в науке (проблема ничейного сознания у Г. Шпета) [Шпет 2006: 306].

Но не совпадающие индивидуальные психические репрезентации одного и того же объекта не являются фундаментальным препятствием для достижения взаимопонимания, т.к. вербальное моделирование неидентичных психических репрезентаций – это процесс определенной унификации (обобщения) индивидуальных психических репрезентаций, которые в речевом общении замещаются знаниями, конструируемыми из общих для коммуникантов уже существующих знаний (образов сознания), ассоциированных с языковыми знаками и знаками других языков сознания. Психологи многократно подчеркивали, что использование вербального языка – это шаг за пределы своего субъективного сознания в общую для всех носителей конкретного этнического языка культуру.

Теперь мы переходим к анализу задач, решаемых членами социума при помощи речи.

Онтогенетически первая задача, решаемая взрослым и ребенком – это задача построения психики ребенка, она решается, как уже упоминалось выше, в предметной деятельности взрослого и ребенка, погруженной в речь и общение. Решение этой задачи продолжается в течение всей жизни человека (исключая период инволюции). Маркером этого постоянного процесса присвоения своей этнической культуры является развитие значений слов, которыми владеет личность.

Инструктивное обучение, в которое включается ребенок, достигший школьного возраста, осуществляется в форме речевого воздействия со стороны наставника с целью построения в сознании ребенка картины мира, которую ему может предложить общество.

Вступление члена социума в профессиональную деятельность, предполагает владение речевыми процессами (производство и восприятие речи) для организации профессионального РО и профессиональной СД, что позволяет вербальное управление поведением сотрудников.

Членство в конкретном социуме делает каждого индивида объектом речевого воздействия, осуществляемого общественными институтами по формированию сознания членов социума.

Участие в коллективных СД предполагает умение формировать при помощи речи идентичные для всех участников образы сознания, рассматривая совокупность сознаний всех участников коллектива как единое сознание для всех тел членов коллектива.

Анализ перечисленных задач, решаемых в социуме при помощи речи, убеждает нас в том, что речь (речевые процессы) целиком детерминированы СД и формами РО, только в структуре которых они и могут быть адекватно исследованы.

© Тарасов Е.Ф., 2021

Литература

Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. 271 с.

Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010. 592 с.

Леонтьев А.Н. Дискуссия о проблемах деятельности // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. / Под ред. В.В. Давыдова и др. М.: Издательство АПН СССР, 1990. 460 с.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Книга, 2012. 176 с.

Поляков Э.С. Концепты и другие конструкции сознания. СПб.: Питер, 2017. 624 с.

Садовский В.Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М.: Наука, 1974. 279 с.

Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. 272 с.

Шпет Г.Г. Philosophia Natalis. Избранные психолого-педагогические труды / Отв. ред., сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2006. 624 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 05.06.2021

Дата принятия к печати: 22.06.2021

Сведения об авторе:

Тарасов Евгений Федорович – доктор филол. наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН

Контактная информация:

125009, Россия, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2062-0824>

e-mail: eft35@mail.ru

Для цитирования:

Тарасов Е.Ф. Принцип системности при анализе речевых процессов // Вопросы психолингвистики №2(48) 2021, С.171–178, doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-171-178

UDC 81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-??-??

Research article

SYSTEMACY PRINCIPLE IN THE ANALYSIS OF SPEECH PROCESSES

Evgeny F. Tarasov

Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia

Abstract

The article analyzes the principle of systemacy in the speech process study which is implemented in the approach to speech analysis where speech is considered an element of a system consisting of joint activity (JA) of communicants and their verbal communication (VC), this system determining all speech actions of the communicants. The subject of the theory of speech processes systemacy is the organization of the system that reflects the connections arising between interacting and communicating communicants, learned by the researcher, i.e., the connections that determine the communicants' mutual speech control over each other's behavior. The research method used in the article is a theoretical and metatheoretical analysis of the main provisions of the system-activity approach to the speech process study. People's behavior is controlled by means of symbolic messages, which is possible only with a similar image of the world among the communicants, the latter being developed while acquiring identical subject culture. Subject-empirical culture is the substance of consciousness, the acquisition of which ensures the common consciousness of native speakers, and which is an obligatory prerequisite for sign communication, since the bodies of linguistic signs, being only a substance, do not themselves carry any knowledge. Speech processes carried out by the co-actors in the JA are determined by the structure of JA and VC, and in addition to that, by the whole society, whose culture they have acquired and which now, in the form of images of consciousness, constitutes the content side of linguistic signs. System determination specifies both constant and variable properties of speech processes.

Key words: systems approach, speech, joint activity, speech communication, linguistic and nonlinguistic consciousness, images of consciousness

References

Blauberg I.V., Judin, Je.G. *Stanovlenie i sushhnost' sistemnogo podhoda* [Formation and essence of a systematic approach]. Moscow, Nauka publ., 1973. 271 p. (In Russian).

Zinchenko, V.P. *Soznanie i tvorcheskij akt* [Consciousness and the creative act]. Moscow, Jazyki slavjanskih kul'tur publ., 2010. 592 p. (in Russian).

Leont'ev, A.N. *Diskussija o problemah dejatel'nosti* [Discussion about the problems of activity]. In: Davydov, V.V. et al (eds.) *Dejatel'nostnyj podhod v psichologii: problemy i perspektivy* [Activity approach in psychology: problems and prospects]. Moscow, Izdatel'stvo APN SSSR, 1990, 460 p. (in Russian).

Leont'ev, A.N. *Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Kniga, 2012. 176 p. (in Russian).

Poljakov, Je.S. *Koncepty i drugie konstrukcii soznaniya* [Concepts and other constructions of consciousness]. Saint Petersburg, Piter publ., 2017. 624 p. (in Russian).

Sadovskij, V.N. *Osnovaniya obshhej teorii sistem: Logiko-metodicheskij analiz* [Foundations of general systems theory: Logical and methodological analysis]. Moscow, Nauka publ., 1974. 279 p. (in Russian).

Uemov, A.I. *Sistemnyj podhod i obshhaja teorija sistem* [Systems approach and general systems theory]. Moscow, Mysl' publ., 1978. 272 p. (in Russian).

Shpet, G.G. *Philosophia Natalis. Izbrannye psihologo-pedagogicheskie trudy* [Philosophia Natalis. Selected psychological and pedagogical works]. Moscow, ROSSPJeN publ., 2006. 624 p. (in Russian).

© Tarasov E.F., 2021

Article history:

Received: 05.06.2021

Accepted: 22.06.2021

Bionotes:

Evgeny F. Tarasov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Psycholinguistics, Institute of Linguistics RAS

Contact information:

1/1 Bolshoi Kislovsky pereulok, Moscow, Russia, 125009

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2062-0824>

e-mail: eft35@mail.ru

For citation:

Tarasov, E.F. (2021) Systemacy Principle in the Analysis of Speech Processes. *Journal of Psycholinguistics*. 2 (48), pp. 171–178. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-171-178 (in Russian)

УДК 81.33

Научная статья

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-179-198

ИНОЯЗЫЧНАЯ ТРЕВОЖНОСТЬ В ОВЛАДЕНИИ РУССКИМ ЯЗЫКОМ КАК ИНОСТРАННЫМ

Яйич Новоградец Марина

Философский факультет Загребского университета, Кафедра русского языка,
Отделение восточнославянских языков и литератур, Загреб, Хорватия

Чагаль Ивана

Философский факультет Загребского университета, Кафедра русского языка,
Отделение восточнославянских языков и литератур, Загреб, Хорватия

Аннотация

Данная работа посвящена определению причин возникновения и измерению степени языковой тревожности в овладении русским языком как одного из важнейших аффективных факторов в обучении иностранному языку. Причины возникновения трудностей в изучении иностранного языка, а также развития языковой тревожности могут быть разными. Исследование было проведено на материале выборки ответов анкетирования, проведенного с 80 хорватскими студентами бакалавриата, изучающими русский язык как иностранный на философском факультете Загребского университета. Для измерения языковой тревожности был использован опросник, включавший в себя Шкалу измерения языковой тревожности при изучении иностранного языка, разработанную авторами Э. Хорвитц и др. [1991].

Рабочая гипотеза заключалась в том, что уровень тревожности при изучении русского языка как иностранного снижается в следующих случаях: 1) на более старших курсах, 2) у студентов, изучающих другой иностранный язык, 3) у изучавших русский язык до поступления в университет, 4) у студентов с интегративной и инструментальной мотивацией и 5) у побывавших в русскоязычной среде. Результаты исследования показали, однако, что в пределах умеренного уровня тревожности выделяются определенные категории, в которых студенты проявляют более высокий уровень тревожности. Основными источниками тревожности являются межличностная коммуникация и боязнь негативной оценки окружающих. В будущих исследованиях необходимо исследовать иноязычную тревожность в различных контекстах обучения иностранным языкам и с психолингвистической точки зрения.

Ключевые слова: изучение иностранного языка, аффективные факторы, иноязычная тревожность, русский язык как иностранный, хорватские студенты

1. Введение

Процесс изучения иностранного языка в академической среде для многих учащихся является проблемой, которая часто связана со сниженной самооценкой, с присутствием чувства неловкости и беспокойства, что негативно влияет на прогресс в овладении языком. Факторы, влияющие на изучение иностранного языка, Лоренцо Бергилюс [Лоренцо Бергилюс 2004: 17] подразделяет на три категории: внутренние факторы, которые представляют собой когнитивные процессы, способствующие

приобретению знаний; ситуационные факторы, присутствующие в контексте обучения, и, наконец, индивидуальные факторы. Лоренцо Бергильос добавляет, что они, в свою очередь, подразделяются на две категории: неизменяемые по способу обучения – такие, как возраст, пол или первый (родной) язык, и изменяемые по способу обучения – такие, как мотивация, тревожность, отношение к предмету и процессу его постижения, а также уверенность в себе и чувство собственного достоинства [Лоренцо Бергильос 2004: 17].

Аффективные факторы могут облегчить и улучшить обучение, но могут усложнить и задержать его. Эффективность процесса овладения иностранным языком «непосредственно связана с психологической готовностью обучаемого усваивать и применять иностранный язык как на уроке, так и в жизненной ситуации, верить в свои способности, не бояться делать ошибки и не испытывать «стеснения» в общении на неродном языке, т.е. уметь преодолевать психологические барьеры» [Шепеленко 2017: 118].

Т. Шепеленко [2017: 120] отмечает, что мотивация является одним из главных факторов, влияющих на степень усвоения второго языка, без которого невозможно достичь поставленных целей, независимо от программы обучения и наличия квалифицированного преподавателя. С другой стороны, мотивация представляет собой «внутреннее побуждение, импульс, чувство или сильное желание, толкающее индивида к особому действию» [Поляков 2012: 164].

Отношение к изучению иностранного языка и процессу его постижения также может повлиять на успешность в овладении языком. Оно может быть положительным, отрицательным и нейтральным. При отрицательном отношении отсутствует интерес, студент не несет ответственности за свои проступки, его неудачи объясняются внешними причинами; при нейтральном отношении у учащегося нет определенных целей, он равнодушен к результатам [Шепеленко 2012: 120]. Положительное отношение включает проявление интереса к результату учебы, самостоятельное определение целей учебы, наличие высокой самооценки, а также способность к самообразованию [Шепеленко 2012: 120].

Однако одним из аффективных факторов, от которых зависит успешное общение на иностранном языке, является тревожность, в данном случае, иноязычная тревожность, которая описывается как беспокойство и негативная эмоциональная реакция, возникающая при изучении или использовании второго языка [MacIntyre 1999: 27]. Поскольку в хорватском научно-педагогическом контексте до сих пор нет исследований, посвященных языковой тревожности в овладении русским языком как иностранным, цель данной работы – измерить степень языковой тревожности у хорватских студентов, изучающих русский язык на различных уровнях обучения и определить основные причины возникновения языковой тревожности у студентов.

2. Иноязычная тревожность

Иноязычная тревожность, по мнению Э. Хорвитц и др. [1991: 30], связана с оценкой эффективности в академическом и социальном контекстах, поэтому полезно провести параллели между языковой тревожностью в контексте обучения иностранному языку и тремя связанными с ней видами тревожности по эффективности: коммуникативной тревожностью или тревожностью при межличностной коммуникации (англ. *communication apprehension*), тестовой тревожностью (англ. *test anxiety*) и боязнью негативной социальной оценки (англ. *fear of negative evaluation*).

Коммуникативная тревожность «спровоцирована фактической и/или ожидаемой необходимостью общаться на иностранном языке с другими учащимися или

преподавателем» [Шепеленко 2017: 121]. Такая тревожность связана с трудностями, которые испытывают учащиеся при выражении своих мыслей и целей. Тревожность, как утверждает Е. Михалевич Джигунович, связана не только с иностранным языком, но также присутствует в повседневной жизни при использовании родного языка [Михалевич Джигунович 2002: 11]. Если субъект чувствует боязнь, неуверенность при коммуникации, тогда усиливаются отрицательные переживания, которые субъект ассоциирует с задачей и предметом; при этом проявляется деструктивная роль языкового барьера – молчание и предпочтение говорить на своём родном языке или, в лучшем случае, произносить нескольких самых обычных фраз [Каскевич 2012: 169]. Преподаватель иностранного языка постоянно сталкивается в своей работе с проблемой, когда учащиеся не хотят использовать изучаемый иностранный язык для решения коммуникативных задач [Девицкая 2013]. Е. Михалевич Джигунович считает, что люди, испытывающие трудности в общении в группах, скорее всего, будут испытывать еще большие трудности в общении на занятиях по иностранному языку, где они слабо контролируют коммуникативную ситуацию, их деятельность постоянно контролируется и оценивается [Михалевич Джигунович 2002: 20]. З. Девицкая утверждает, что даже некоторые из учащихся, имеющие положительное отношение к изучению иностранного языка, когда надо адекватно применить языковые знания в конкретной речевой ситуации, оказываются неспособными это сделать, они не готовы к общению на иностранном языке [Девицкая 2013].

Тревожность в тестовых ситуациях – это тревожность, «вызываемая контролем знаний и умений, когда учащийся испытывает душевные страдания до, во время и после контрольного задания, экзамена, что приводит к получению низкого балла» [Шепеленко 2017: 121]. Тестовая тревожность, связанная со страхом за академическую успеваемость, исходит из страха провала на тестах, зачетах и экзаменах, из страха неудачи, и поскольку оценка является неотъемлемой частью изучения иностранного языка, то и тревожность перед оценкой присутствует [Horwitz и др. 1991: 30]. Тестовая тревожность обусловлена рядом причин. Т. Шепеленко пишет, что предыдущий негативный опыт при прохождении испытаний влияет на учащегося, что может создавать сильный эмоциональный дискомфорт в ожидании предстоящих контрольных и экзаменов и приводит к появлению другой причины: недостаточной подготовки к занятию. Учащийся готовится к занятиям в последнюю минуту или вообще не готовится из-за неумения планировать свое время, организовывать себя, из-за сложности изучаемого материала [Шепеленко 2017: 123]. Э. Хорвитц и др. считают, что студенты, испытывающие тестовую тревожность на уроках иностранных языков, вероятно, имеют значительные сложности в обучении, поскольку тестирование проводится часто, и даже самые подготовленные студенты часто ошибаются.

Третьим типом тревожности является боязнь негативной социальной оценки, которая представляет собой «боязнь получить неудовлетворительную оценку, боязнь осуждения и постоянное ожидание отрицательного мнения со стороны других учащихся и педагога, попытка избегать тестовых ситуаций из-за грозящей опасности неудачи. Такая тревожность вытекает из потребности учащихся произвести положительное впечатление на окружающих» [Шепеленко 2017: 123]. Этот тип тревожности присутствует во многих формах социального взаимодействия, которые сопровождаются какой-либо оценкой, а одним из них является и устное общение на уроке иностранного языка [Mihaljević Djigunović 2002: 50]. Хотя страх негативной

оценки аналогичен тестовой тревожности, он шире по своему охвату, может возникнуть в любой социальной оценочной ситуации, такой, как собеседование при приеме на работу или выступление/ответ на уроке иностранных языков [Horwitz и др. 1991: 30]. Учащиеся боятся насмешек со стороны других учеников и, из-за желания защитить себя, не хотят активно участвовать и общаться на занятиях иностранного языка.

3. Исследование иноязычной тревожности хорватских студентов, изучающих русский язык как иностранный

По данным проанализированных нами источников в Хорватии не было проведено достаточного количества исследований на тему тревожности при изучении иностранных языков, а особенно русского языка как иностранного. В литературе о процессе преподавания и обучения иностранным языкам известно, что фактор тревожности негативно влияет на эффективное изучение иностранного языка, о чем также свидетельствуют отдельные исследования за рубежом [Price 1991; Horwitz и др. 1991; Дальбергенова и Ахметова 2019], а в Хорватии большинство работ на эту тему относится к изучающим английский язык [Mihaljević Djigunović 2000].

3.1. Цель исследования

Главная цель нашего исследования – измерить уровень тревожности в овладении русским языком у хорватских студентов 1–4 курсов, изучающих русский язык как иностранный на философском факультете Загребского университета, а также определить основные причины, вызывающие тревожность и степень их влияния на процесс обучения.

Первая рабочая гипотеза основывалась на измерении уровня тревожности и состояла в том, что у студентов старших курсов обучения предполагался более низкий уровень тревожности, чем у студентов начальных курсов, хотя и принималось во внимание, что все студенты будут проявлять умеренный уровень тревожности, поскольку в данном случае речь идет о языке, который студенты сами выбрали для изучения и который будет частью их будущей профессии (в зависимости от того, что они выберут в дальнейшей учебе, они становятся переводчиками или учителями русского языка). С учетом представленной теории ожидалось, что основными причинами тревожности будут: коммуникативная тревожность (психологические барьеры при межличностной коммуникации), боязнь негативной оценки – как формальной (во время экзамена), так и социальной (боязнь осуждения и ожидание отрицательного мнения со стороны одноклассников).

Другие гипотезы были основаны на влиянии остальных индивидуальных факторов на изучение иностранного языка. К пяти индивидуальным факторам, которые могут повлиять на уровень тревожности в связи с изучением русского языка как иностранного, относятся: изучение другого иностранного языка, изучение русского языка до поступления на факультет, интегративная мотивация (уровень языковой компетенции, который студенты хотят получить в изучении русского языка), инструментальная мотивация, пребывание студентов в русскоязычной среде. Исследование было проведено с помощью анонимного анкетирования. Ожидаемые результаты были связаны с подтверждением гипотез о том, что уровень тревожности при изучении русского языка как иностранного снижается: 1) у студентов старших курсов; 2) у студентов, изучающих на факультете другой иностранный язык; 3) у изучавших русский язык до поступления в университет; 4) у студентов с интегративной и инструментальной мотивацией; 5) у студентов, пребывающих в русскоязычной среде.

3.1.1. Опрошенные

Исследование проводилось на материале выборки ответов анкетирования, проведенного с 80 хорватскими студентами бакалавриата, изучающими русский язык как иностранный на философском факультете Загребского университета. Средний возраст испытуемых составил примерно 20 лет и колебался от 18 до 27 лет. Количество студентов – участников анкетирования – с каждого курса было одинаковым: 20 студентов (25%) первого, 20 студентов (25%) второго, 20 студентов (25%) третьего и 20 студентов (25%) четвертого курсов.

Согласно полученным данным, 12 студентов (15%) изучали русский язык до поступления в университет, а другие (85%, или 68 студентов) никогда раньше не изучали русский язык. Из 12 студентов, изучавших русский язык до поступления в университет, 4 учились русскому языку в школе иностранных языков, 5 студентов в средней школе, а 3 студента изучали русский язык через Интернет. 60 из опрошенных студентов (75%) задумывались о перспективах трудоустройства при выборе курса по изучению русского языка, а остальные 20 студентов (25%) не думали об этом.

Большинство студентов, точнее 60 человек (75%), изучает другой язык на факультете, кроме русского. Из 80 опрошенных, 6 студентов (7,5%) изучают хорватский язык (их первый язык), а 54 студента (67,5%) изучают другой иностранный язык. Среди 54 студентов, изучающих другой иностранный язык, 31 студент (38,75%) изучает английский язык, по 4 студента (5%) изучают французский и немецкий языки, по 3 студента (3,75%) изучают испанский и итальянский языки, по 2 студента (2,5%) изучают чешский, шведский, польский языки, по 1 студенту (1,25%) изучает португальский, турецкий и венгерский языки. 20 студентов (25%) не изучают другие иностранные языки, кроме русского.

Большинство опрошенных (85%, или 68 студентов) никогда не оказывались в русскоязычной среде, в то время как 12 (15%) хотя бы один раз общались с представителями русскоязычной среды. Большая часть из тех, кто был знаком с носителями русского языка (8 студентов), являются студентами четвертого курса. На вопрос, насколько хорошо они хотят овладеть русским языком, 1 студент (1,25%) ответил «слабо», 13 студентов (16,25%) ответили «средне», а 66 студентов (82,5%) ответили «очень хорошо».

3.1.2. Методы исследования

Для измерения иноязычной тревожности у студентов была использована анкета, разделенная на две части. Первая часть анкеты состояла из социально-демографической части, в которой опрошенные приводили свои личные данные: возраст, ступень обучения на факультете, средний балл по изучению русского языка. Кроме того, они также отвечали на ряд дополнительных социально-демографических вопросов, которые помогли определить, в какой степени отдельные факторы влияют на тревожность в изучении русского языка как иностранного. Так, студенты ответили на вопросы, касающиеся уровня языковой компетенции, которую они хотят получить на русском языке; изучают ли на факультете другой язык, кроме русского; посещали ли когда-либо Российскую Федерацию или какую-либо русскоязычную страну; думали ли о трудоустройстве, выбирая для изучения русский язык.

В основной части анкеты использовался хорватский вариант Шкалы измерения языковой тревожности при изучении иностранного языка или *FLCAS* (англ. *Foreign Language Classroom Anxiety Scale*), разработанной авторами Э. Хорвиц и др. [1991: 32].

Шкала-опросник включает в себя 33 утверждения, справедливость которых оценивалась по шкале Ликерта с оценками: 1 – решительно не согласен, 2 – не согласен, 3 – ни то, ни другое (ни согласен, ни не согласен), 4 – согласен, 5 – полностью согласен. В большинстве утверждений значение 5 указывает на самый высокий уровень тревожности, в то время как в некоторых случаях характер вопросов заключался в том, что показателем наибольшей тревожности было значение 1. По этой причине реакции на эти утверждения были исключены из анализа на последнем этапе эксперимента. Уровень тревожности каждого студента рассчитывался из суммы баллов по 33 пунктам. Таким образом, диапазон баллов, которые можно было получить, варьировал от 33 до 165.

Уровни тревожности при изучении русского языка как иностранного были разделены на основе классификации Е. Михалевиц Джигунович [Михалевиц Джигунович 2002: 164]: если у студента было меньше 76 баллов, то у него низкая тревожность, если у него было от 76 до 119 баллов – у него умеренная тревожность, а если у него более 119 баллов – это высокая тревожность. Результаты каждого курса сравнивались и были показаны в процентах или как среднее арифметическое (\bar{x}).

4. Результаты исследования

В этом разделе представим результаты исследования в соответствии с поставленными целями. Как было упомянуто выше, главная цель исследования состояла в измерении уровня тревожности при изучении русского языка как иностранного среди студентов русского языка философского факультета Загребского университета. Для этого были проанализированы данные, полученные на материале опросника, составленного по методике *FLCAS*. В результатах определены и классифицированы причины тревожности. Кроме того, другие цели исследования состояли в выяснении того, влияют ли отдельные факторы (изучение другого иностранного языка, уровень желаемой языковой компетенции в русском языке, изучение русского языка до поступления на факультет, пребывание в русскоязычной среде, размышление о трудоустройстве при поступлении на факультет) на уровень тревожности, и если влияют, то в какой степени.

4.1. Уровни тревожности при изучении русского языка как иностранного

Данные, полученные в результате опроса студентов на 1 – 4 курсах, отражены в процентах на Рисунке 1.

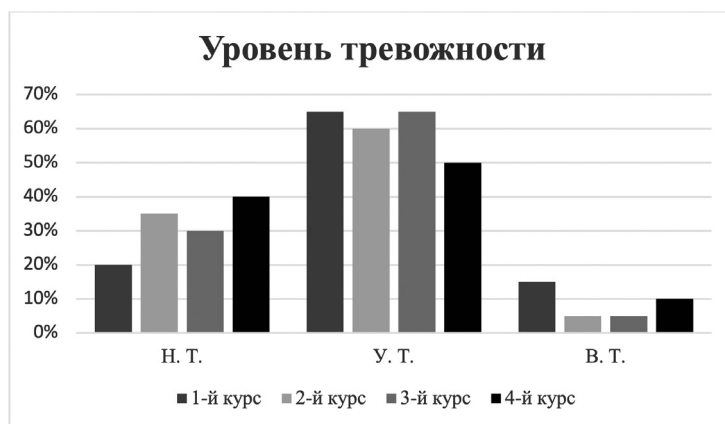

Рис. 1. Уровень тревожности (каждого курса)

Среди 20 студентов первого курса 4 студента (20%) испытывает низкую иноязычную тревожность (Н.Т.) в процессе обучения иностранному языку, 13 студентов (65%) испытывают умеренную тревожность (У.Т.), а 3 студента (15%) испытывает высокую тревожность (В.Т.). Минимальный результат между ними – 71 балл (абсолютный минимум – 33 балла). Один студент первого курса получил самый высокий результат по результатам тестирования (среди всех курсов) – 141 из возможных 165 баллов. Среднее арифметическое результатов тестирования студентов первого курса составляет 94,8 балла.

Снижение иноязычной тревожности, по сравнению с первым курсом, обнаружено у студентов второго курса. У 7 студентов (35%) низкая иноязычная тревожность, 12 студентов (60%) испытывают умеренную тревожность, а только 1 студент испытывает высокую иноязычную тревожность (5%). По результатам тестирования, студент с самым низким уровнем тревожности на втором курсе получил 46 баллов, а самый высокий результат среди второкурсников – 141 балл. Среднее арифметическое результатов второго курса – 81,2 балла.

Среди студентов третьего курса у 6 студентов (30%) низкая иноязычная тревожность, у 13 студентов (65%) умеренная тревожность, и у 1 студента (5%) высокая иноязычная тревожность. Минимальный результат между ними – 59 баллов, а максимальный результат одного студента третьего курса – 121 балла. Среднее арифметическое результатов третьего курса – 88,5 балла.

На четвертом курсе, по сравнению с первым и третьим, снижается иноязычная тревожность. Среди 20 студентов четвертого курса, 8 студентов (40%) испытывают низкую иноязычную тревожность в процессе обучения иностранному языку, 10 студентов (50%) испытывают умеренную тревожность, а 2 студента (10%) испытывает высокую тревожность. Минимальный результат среди студентов всех курсов получил студент четвертого курса, его результат – 45 баллов. Максимальный результат среди четверокурсников – 125 баллов, а среднее арифметическое результатов четвертого курса – 85,25 балла.

Рис. 2. Уровень тревожности всех курсов

На Рисунке 2 результаты всех курсов показывают, что 25 студентов (31%) испытывают низкую иноязычную тревожность, 48 студентов (60%) испытывают умеренную тревожность, и 7 студентов (9%) высокую тревожность.

4.2. Причины иноязычной тревожности при изучении русского языка как иностранного

Полученные данные о типах языковой тревожности представлены в Таблице 1 (1 – решительно не согласен, 2 – не согласен, 3 – ни согласен, ни не согласен, 4 – согласен, 5 – полностью согласен).

Таблица № 1

Типы языковой тревожности

Курс	Типы языковой тревожности	1	2	3	4	5
1– 4	Тревожность при межличностной коммуникации	15,62 %	30,62 %	21,41 %	19,22 %	13,13 %
	Тестовая тревожность	31,75 %	23,5 %	14 %	18 %	12,75 %
	Негативная оценка окружающих	26,11 %	23,06 %	16,11 %	22,5 %	12,22 %
	Психологические проблемы в учебном классе	27,16 %	25,23 %	20,68 %	17,84 %	9,09 %

Результаты показывают, что студенты испытывают тревожность при межличностной коммуникации, а также тогда, когда возможны негативные реакции со стороны других – своих одноклассников или преподавателей. У студентов меньшую иноязычную тревожность вызывают тестовые ситуации и психологические проблемы в учебном процессе (в аудитории).

В Таблице 2 показано, как изучающие русский язык ответили на вопросы, касающиеся тревожности при межличностной коммуникации (1 – решительно не согласен, 2 – не согласен, 3 – ни согласен, ни не согласен, 4 – согласен, 5 – полностью согласен).

Таблица № 2

Тревожность при межличностной коммуникации

Тревожность при межличностной коммуникации	1	2	3	4	5
1. Я совсем не уверен в себе, когда говорю на уроке русского языка.	12,5 %	21,25 %	23,75 %	25 %	17,5 %
9. Я начинаю паниковать, если должен говорить без подготовки.	7,5 %	32,5 %	20 %	22,5 %	17,5 %
14.* Я не нервничаю, когда разговариваю с носителем языка.	13,75 %	26,25 %	16,25 %	22,5 %	21,25 %

18.* Я чувствую себя уверенным, когда я говорю на уроках русского языка.	6,25 %	28,75 %	26,25 %	25 %	13,75 %
24. Я стесняюсь говорить на русском языке перед другими студентами.	18,75 %	28,75 %	20 %	17,5 %	15 %
27. Я начинаю нервничать, когда говорю на уроках русского языка.	27,5 %	31,25 %	21,25 %	13,75 %	6,25 %
29. Я нервничаю, когда понимаю не все, что говорит преподаватель.	23,75 %	42,5 %	23,75 %	6,25 %	3,75 %
32.* Мне легко в обществе с носителями русского языка.	15 %	33,75 %	20 %	21,25 %	10 %

*для этих утверждений оценка перевернута

Результаты показывают, что студенты чувствуют тревожность в ситуациях, которые описывают утверждения 1, 18, 14, 9 и 21. Утверждение 24 может пониматься и как боязнь перед негативной оценкой окружающих, но из-за элемента коммуникации определяется как один из пунктов, который представляет собой тревожность при межличностной коммуникации.

Ответы студентов, связанные с тестовой тревожностью, показаны в Таблице 3 (1 – решительно не согласен, 2 – не согласен, 3 – ни согласен, ни не согласен, 4 – согласен, 5 – полностью согласен).

Таблица № 3

Тестовая тревожность

Тестовая тревожность	1	2	3	4	5
2.* Я не боюсь делать ошибки на русском языке.	7,5 %	22,5 %	20 %	28,75 %	21,25 %
8.* Я обычно спокоен во время тестов, диктантов, проверок.	5 %	25 %	21,25 %	26,25 %	22,5 %
10. Я переживаю по поводу своих неудач на уроках русского языка.	13,75 %	32,5 %	16,25 %	23,75 %	13,75 %
19. Я боюсь, что учитель будет исправлять каждую мою ошибку.	78,75 %	11,25 %	1,25 %	3,75 %	5 %
21. Чем больше я готовлюсь к тесту, тем больше у меня сомнений в том, что я справлюсь.	53,75 %	26,25 %	11,25 %	7,5 %	1,25 %

*для этих утверждений оценка перевернута

Согласно собранным данным, студенты не чувствуют себя спокойными в тестовых ситуациях, которые описаны в утверждениях 2 и 8.

В Таблице 4 (1 – решительно не согласен, 2 – не согласен, 3 – ни согласен, ни не согласен, 4 – согласен, 5 – полностью согласен) показаны ответы студентов, связанные с негативной оценкой окружающих.

Таблица № 4

Боязнь негативной оценки окружающих

Негативная оценка окружающих	1	2	3	4	5
3. Я боюсь, когда знаю, что преподаватель меня спросит о чем-нибудь.	16,25 %	26,25 %	11,25 %	33,75 %	12,5 %
7. Я думаю, что мои одногруппники знают русский язык лучше меня.	16,25 %	15 %	21,25 %	32,5 %	15 %
13. Я смущаюсь добровольно отвечать на вопросы.	28,75 %	21,25 %	18,75 %	11,25 %	20 %
15. Я расстраиваюсь, когда не понимаю то, что преподаватель исправляет.	28,75 %	23,75 %	28,75 %	12,5 %	6,25 %
20. Мое сердце начинает сильно биться, когда меня спрашивает преподаватель.	37,5 %	21,25 %	12,5 %	21,25 %	7,5 %
23. Мне кажется, что мои одногруппники говорят по-русски лучше меня.	18,75 %	21,25 %	16,25 %	32,5 %	11,25 %
25. Уроки русского проходят быстро, и я волнуюсь, что отстаю.	30 %	31,25 %	11,25 %	18,75 %	8,75 %
31. Я боюсь, что студенты будут смеяться над моим русским языком.	52,5 %	25 %	7,5 %	8,75 %	6,25 %
33. Я нервничаю, когда преподаватель задает вопросы, к которым я не готов.	6,25 %	22,5 %	17,5 %	31,25 %	22,5 %

В связи с негативной оценкой окружающих результаты показывают, что студенты испытывают тревожность в контекстах, связанных с утверждениями 7 и 33.

В Таблице 5 (1 – решительно не согласен, 2 – не согласен, 3 – ни согласен, ни не согласен, 4 – согласен, 5 – полностью согласен) показаны ответы студентов, связанные с другими факторами, которые вызывают тревожность.

Таблица № 5

Психологические проблемы в учебном классе

Психологические проблемы в учебном классе	1	2	3	4	5
4. Я боюсь, когда не понимаю, что учитель говорит на уроке.	28,75 %	26,25 %	22,5 %	16,25 %	6,25 %
5.* Я не переживаю вообще, если будет больше уроков русского языка.	42,5 %	28,75 %	15 %	8,75 %	5 %
6. На уроках русского я думаю о вещах, далеких от содержания урока.	16,25 %	38,75 %	20 %	17,5 %	7,5 %
11.* Я не понимаю, почему некоторые люди расстраиваются из-за русского.	7,5 %	10 %	40 %	26,25 %	16,25 %
12. На уроках я так нервничаю, что забываю то, что знаю.	30 %	20 %	8,75 %	25 %	16,25 %
16. Даже если я хорошо подготовлюсь к уроку, я волнуюсь.	35 %	26,25 %	15 %	17,5 %	6,25 %
17. Я часто не хочу ходить на уроки русского языка.	30 %	31,25 %	13,75 %	13,75 %	11,25 %
22.* Я не чувствую давления при подготовке к уроку.	12,5 %	13,75 %	37,5 %	25 %	11,25 %
26. На уроках русского я чувствую большее напряжение, чем на других занятиях.	43,75 %	21,25 %	10 %	17,5 %	7,5 %
28.* Перед занятиями русского я спокоен.	13,75 %	32,5 %	31,25 %	13,75 %	8,75 %
30. Большое количество правил, которое я должен выучить, приводит меня в замешательство.	38,75 %	28,75 %	13,75 %	15 %	3,75 %

*для этих утверждений оценка перевернута

Из 11 пунктов, которые соотносятся с психологическими проблемами в учебном классе, у студентов появляется тревожность в пунктах 11 и 22.

4.3. Влияние остальных индивидуальных факторов на тревожность

После изучения уровней и причин тревожности при обучении русскому языку как иностранному следующим шагом является проверка влияния отдельных факторов на тревожность. Первый фактор – изучение другого иностранного языка, кроме русского. Описательная статистика представлена в Таблице 6.

Таблица № 6

Изучение другого иностранного языка

Курс	Изучают ли студенты еще один иностранный язык?	Количество студентов	Среднее арифметическое (\bar{x}) результатов теста тревожности
1 – 4	Да	54	88, 26
	Нет	20	83, 45
	Изучают хорватский язык	6	93, 33

Результаты показывают, что студенты, изучающие еще один иностранный язык, кроме русского, имеют среднее арифметическое баллов теста тревожности FLCAS выше, чем студенты, не изучающие другой язык на факультете. Данные даже показывают, что студенты, которые изучают другой язык, но он является их родным языком (хорватский язык), имеют самый высокий уровень иноязычной тревожности среди опрошенных.

Вторым фактором является изучение русского языка до поступления на факультет. Студенты (12 студентов), которые изучали русский язык до поступления на факультет, имеют более низкий уровень иноязычной тревожности, полученный измерением среднего арифметического на тесте тревожности FLCAS ($\bar{x}=81,33$ балл), чем студенты (68 студентов), которые до поступления на факультет не изучали русский язык ($\bar{x}=88,51$).

Третий индивидуальный фактор, на который следует обратить внимание, – это интегративная мотивация, уровень языковой компетенции, которого студенты желали бы достигнуть при обучении русскому языку. (см. Таблицу 7).

Таблица № 7

Желаемый уровень овладения русским языком

Курс	Насколько хорошо студенты хотят овладеть русским языком	Количество студентов	Среднее арифметическое (\bar{x}) результатов теста тревожности
1 – 4	Слабо	1	89
	Средне	13	95,83
	Очень хорошо	66	78,29

Один студент ответил, что хочет овладеть русским языком в той мере, в какой он ему нужен для сдачи экзамена и окончания факультета. Те 66 студентов, которые ответили, что хотят овладеть русским языком очень хорошо, чтобы говорить как носители языка, имеют более низкий уровень иноязычной тревожности, чем те 13 студентов,

которые ответили, что хотят овладеть русским языком, чтобы удовлетворить свои коммуникативные потребности.

Четвертым фактором является существование инструментальной мотивации. Было проверено, существует ли отличие в уровне тревожности при обучении русскому языку как иностранному среди студентов, которые размышляли о перспективах трудоустройства при поступлении на факультет и тех, которые об этом не задумывались. Описательная статистика представлена в Таблице 8.

Таблица № 8

Размышление о трудоустройстве при поступлении на факультет

Курс	Размышляли ли студенты о трудоустройстве при поступлении на факультет?	Количество студентов	Среднее арифметическое (\bar{x}) результатов теста тревожности
1 – 4	Да	60	88,1
	Нет	20	85,45

Данные показывают, что более высокий уровень иноязычной тревожности отмечается у студентов, которые размышляли о трудоустройстве при поступлении на факультет ($\bar{x}=88,1$), чем у тех, которые этого не делали ($\bar{x}=85,45$).

Последний фактор – пребывание студентов в русскоязычной среде. Было проверено, существует ли отличие в уровне тревожности при обучении русскому как иностранному среди студентов, которые бывали в какой-либо русскоязычной среде, и тех, кто никогда этого не делал. По полученным данным, уровень тревожности выше у студентов (68 студентов), которые не пребывали в русскоязычной среде ($\bar{x}=88,34$ баллов), чем у студентов, которые там были ($\bar{x}=82,33$ баллов). Студенты, всего 12, которые пребывали в русскоязычной среде, в социально-демографической части анкеты написали, что находились там не более, чем один месяц.

5. Обсуждение

На основании результатов, полученных при расчете среднего арифметического для каждого курса, можно заключить, что студенты первого курса испытывают большую иноязычную тревожность, чем студенты на старших курсах. Показатели высокой иноязычной тревожности на старших курсах снижаются, кроме второго курса, результаты которого указывают, что у этих студентов самый низкий уровень тревожности. Можно сказать, что в этом исследовании результаты, полученные у второго курса, достаточно неожиданные, хотя обнадеживающие, поскольку показывают, что студенты-второкурсники способны изучать иностранный язык с большей эффективностью.

Снижение иноязычной тревожности на более старших курсах может быть связано с повышением уровня языковой компетенции. У студентов старших курсов больше знаний, опыта работы с различными преподавателями (поскольку некоторые преподаватели – носители русского языка).

Среднее арифметическое каждого курса, по определению Е. Михалевич Джигунович [Михалевич Джигунович 2002: 164], было бы классифицировано как умеренный уровень тревожности (\bar{x} первого курса = 94,8; \bar{x} второго курса = 81,2; \bar{x} третьего курса = 88,5; \bar{x} четвёртого курса = 85,25). Результат в какой-то степени ожидаемый, так как речь идет о студентах, изучающих русский язык как иностранный,

которые планируют дальнейшую работу, связанную со знанием языка. Тем не менее, результаты показывают, что в пределах этого умеренного уровня тревожности выделяются некоторые категории, в которых студенты проявляют более высокий уровень тревожности. Первая гипотеза верна, потому что у студентов старших курсов более низкий уровень тревожности, чем у студентов начальных курсов (кроме студентов второго курса).

Основными источниками тревожности являются межличностная коммуникация и негативная оценка окружающих, которые предполагают ответы на некоторые пункты FLCAS. Видно, что студенты ощущают немного более высокий уровень тревожности (хотя не такой выдающийся), когда дело доходит до коммуникации в классе (утверждение 1: «я никогда не уверен в себе, когда говорю на уроке русского языка», утверждение 18: «я уверен, когда я говорю на уроках русского языка», утверждение 9: «я начинаю паниковать, если должен говорить без подготовки», утверждение 24: «я стесняюсь говорить на русском языке перед другими студентами»). Кроме того, студенты проявляют определенный дискомфорт в общении с носителями языка (утверждение 14: «я не нервничаю, когда разговариваю с носителем языка»).

Студенты испытывают тревожность в ситуациях, касающихся негативной социальной оценки, когда они находятся в неожиданной ситуации (утверждение 33: «я нервничаю, когда преподаватель задает вопросы, к которым я не готов»). Студенты иногда думают, что у однокурсников уровень знаний лучше, чем у них (утверждение 7: «я думаю, что мои одноклассники знают русский язык лучше меня»), но одновременно не боятся быть осмеянными (утверждение 31: «я боюсь, что студенты будут смеяться над моим русским»).

Далее, студенты чувствуют тревожность перед экзаменами (утверждение 8: «я обычно спокоен во время тестов, диктантов, проверок», утверждение 2: «я не боюсь делать ошибки на русском языке»). Самый низкий уровень тревожности студенты показали в утверждении 19 («я боюсь, что учитель будет исправлять каждую мою ошибку»), и это показывает, что студенты думают, что надо исправлять ошибки и что одной из задач преподавателей является исправление ошибок, потому что это часть процесса обучения.

Кроме тревожности при межличностной коммуникации, тестовой тревожности и боязни негативной социальной оценки, существуют и другие факторы, связанные с тревожностью – психологические проблемы в учебном классе. Среди 11 пунктов опросника, которые соотносятся с психологическими проблемами, есть ситуация, когда студенты расстраиваются из-за уроков иностранного языка и испытывают тревожность во время подготовки к урокам русского языка (утверждение 11: «я не понимаю, почему некоторые люди расстраиваются из-за русского», утверждение 22: «я не чувствую давления при подготовке к уроку»).

Влияние отдельных факторов на уровень тревожности существует, но в большинстве переменных число опрошенных сильно различается.

Знание другого иностранного языка, опыт общения, знание правил другого языка способствуют уменьшению тревожности при межличностной коммуникации, поскольку студент чаще оказывается в ситуациях общения, которые могут вызвать тревожность, и уже привык к таким ситуациям. Результаты анализа показали, что тревожность при изучении русского языка выше у тех, кто изучает другой иностранный язык, чем у тех, кто не изучает.

Высокий уровень тревожности испытывают также студенты, изучающие хорватский язык – родной язык всех студентов. Оказалось, что вторая гипотеза неверна.

Результаты показали, что студенты, которые изучали русский язык до поступления на факультет, имеют более низкий уровень тревожности, чем студенты, которые начали изучать язык после поступления на факультет. Это показывает, что у них было больше опыта общения и что они больше привыкли к языку, чем те, кто начал изучать язык в университете – третья гипотеза подтвердилась.

Что касается желаемой языковой компетенции в русском языке, то здесь обнаружено следующее: учащиеся, которые ответили, что хотят выучить русский язык для удовлетворения своих коммуникативных потребностей (ответ «средне»), имеют более высокую тревожность, чем те, которые хотят выучить русский язык, чтобы говорить, как носители языка (ответ «очень хорошо»). Интегративная мотивация в этом случае положительно влияет на снижение тревожности в изучении русского языка как иностранного, а это означает, что четвертое предположение было правильным.

Студенты, которые выбрали изучение русского языка с учетом будущей работы – те, которые думали о трудоустройстве, – показали более высокий уровень тревожности, чем те, которые не думали о будущей работе. Поэтому пятое предположение оказалось неверным. Результаты могут быть объяснены давлением в связи с размышлениями о будущем, вызывающим у них больше тревожности в изучении русского языка, поскольку от учебного процесса зависит их успех в будущем.

Как показывают результаты двух групп студентов – тех, которые побывали в русскоязычной среде, и тех, которые в ней никогда не были, вторая группа испытывала больший уровень тревожности, поэтому шестое предположение оказалось верным. Но следует отметить, что среди студентов, которые посетили русскоязычную страну, только один находился там в течение 2 месяцев, 3 студента пребывали там в течение 1 месяца, а остальные около 1–2 недель. Согласно этим данным, можно сказать, что на развитие коммуникативных навыков студентов влияет не только погружение в русскоязычную среду, но и другие психологические факторы, такие, как мотивация и отношение к культуре и народу изучаемого языка.

6. Заключение

Тревожность в контексте изучения иностранных языков является фактором, определяющим успех изучения иностранного языка. Для Э. Хорвитц и др. [1991] языковая тревожность определяется как совокупность чувств, принципов поведения и убеждений в процессе обучения иностранному языку, что, по их мнению, представляет собой уникальность этого процесса.

Как видно из проведенного нами исследования, хорватские студенты в той или иной степени испытывают языковую тревожность. Это особенно выражено на первом курсе обучения и снижается на старших курсах. Тем не менее, результаты показывают, что в пределах этого умеренного уровня тревожности выделяются определенные категории, в которых студенты проявляют более высокий уровень тревожности. Основными источниками тревожности являются коммуникативная тревожность и боязнь негативной оценки окружающих.

Кроме того, учитывая влияние отдельных факторов на уровень тревожности, можно заключить, что не все наши гипотезы-предположения оказались верными.

Согласно результатам данного исследования, напрашивается также вывод о том, что при обучении иностранному языку необходимо учитывать фактор тревожности.

Следовательно, преподаватель должен учитывать фактор тревожности и пытаться создать прежде всего дружественную атмосферу; он должен прибегать к различным методикам, чтобы снизить тревожность не только у менее успешных, но и у успешных студентов; при исправлении ошибок студентов преподаватель должен знать, какие ошибки, когда, сколько и как их исправлять.

Настоящее исследование, изучающее разные формы проявления языковой тревожности, находится в соответствии с подобными работами, выполненными с другими студентами в других странах, например, на материале тестирования русских студентов, изучавших английский язык иностранный [Котельникова, Шпортко 2017], и иранских студентов, изучавших русский язык [Искандари 2015].

Исследование показывает, что иноязычную тревожность следует рассматривать не только с психологической точки зрения, но и с психолингвистической. Успешное овладение иностранным языком в академических условиях зависит от преодоления различных уровней иноязычной тревожности и ее взаимодействия с другими индивидуальными психолингвистическими факторами. Некоторыми из самых важных факторов являются языковая компетенция и метаязыковое сознание, которые предстоит исследовать наряду с иноязычной тревожностью.

© Яйич Новоградец Марина, Чагаль Ивана, 2021

Литература

Дальбергенова Л.Е., Ахметова А.Ж. Проблема психологических трудностей в обучении иностранным языкам // *Проблемы педагогики*. 2019. Т. 3. № 42. С. 5–9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-psihologicheskikh-trudnostey-v-obuchanii-inostrannym-yazykam> Дата обращения: 24.03.2020.

Девуцкая З.Б. Готовность к общению на иностранном языке как фактор успешности обучения. 2016. URL: https://publikacia.net/archive/uploads/pages/2016_4_7/17.pdf Дата обращения: 24.03.2020.

Искандари М. Учебная тревожность как психологический барьер при обучении русскому языку в иранских вузах: причины и пути преодоления // *Дискуссия*. 2016. Т. 4. № 67. С. 142–148. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchebnaya-trevozhnost-kak-psihologicheskij-barier-pri-obuchanii-russkomu-yazyku-v-iranskih-vuzah-prichiny-i-puti-preodoleniya> Дата обращения: 17.06.2021.

Каскевич А.А. Исследование языкового барьера среди студентов в процессе изучения иностранного языка // *Мир науки, культуры, образования*. 2012. № 6. С. 168–170. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-yazykovogo-bariera-sredi-studentov-v-protseste-izucheniya-inostrannogo-yazyka> Дата обращения: 24.03.2020.

Котельникова Е.Ю., Шпортко И.А. Исследование языковых барьеров у студентов технических специальностей при изучении иностранных языков // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. Т. 1–1. № 67. С. 200–203. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-yazykovykh-barierov-u-studentov-tehnicheskikh-spetsialnostey-pri-izuchenii-inostrannyh-yazykov> Дата обращения: 17.06.2021.

Поляков О.Г. Когнитивные и аффективные факторы успешного обучения иностранному языку в высшей школе // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2012. Т. 7. № 18. С. 162–164. URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2012/7-1/42.html> Дата обращения: 24.03.2020.

Шепеленко Т.М. Психологические аспекты изучения иностранных языков // *Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики.* 2017. № 1. С. 117–125. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-aspekty-izucheniya-inostrannyh-yazykov>
Дата обращения: 24.03.2020.

Horwitz E.K., Horwitz M.B., Cope J.A. Foreign Language Classroom Anxiety // Horwitz E. K., Young D. J. *Language Anxiety: From Theory and Research to Classroom Implications.* Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1991. С. 27–39.

Lorenzo Bergillos, F. J. La motivación y el aprendizaje de una L2/LE // *Sánchez Lobato J., Santos Gargallo I. Vademécum para la formación de profesores: enseñar español como segunda lengua L2 - lengua extranjera LE.* Madrid: SGEL, 2004. С. 305–328.

MacIntyre P. D. Language Anxiety: A Review of the Research for Language Teachers // Young D. J. *Affect in foreign language and second language learning: a practical guide to creating a low-anxiety classroom.* Boston: McGraw-Hill College, 1999. С. 24–45.

Mihaljević Djigunović J. Uloga straha od jezika u učenju stranog jezika // *Strani jezici.* 2000. N. 29. S. 9–13.

Mihaljević Djigunović J. Strah od stranoga jezika: kako nastaje, kako se očituje i kako ga se osloboditi. Zagreb: Naklada Ljevak, 2002.

Price M. L. The Subjective Experience of Foreign Language Anxiety: Interviews with Highly Anxious Students // Horwitz E. K., Young D. J. *Language Anxiety: From Theory and Research to Classroom Implications.* Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1991. С. 101–108.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18.05.2021

Дата принятия к печати: 22.06.2021

Сведения об авторах:

Яйич Новоградец Марина – доктор филологических наук, постдокторант Кафедры русского языка Отделения восточнославянских языков Философского факультета Загребского университета

Контактная информация:

Ivana Lučića 3, Zagreb 10000, Hrvatska

<https://orcid.org/0000-0002-8322-8988>

e-mail: mjnovno@ffzg.hr

Чагаль Ивана – магистр-филолог русского языка и литературы, Кафедра русского языка Отделения восточнославянских языков Философского факультета Загребского университета

Контактная информация:

Ivana Lučića 3, Zagreb 10000, Hrvatska

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1551-1765>

e-mail: ivana.cagalj25@gmail.com

Для цитирования:

Яйич Новоградец Марина, Чагаль Ивана. Иноязычная тревожность в овладении русским языком как иностранным // *Вопросы психолингвистики №2(48) 2021*, С. 179–198, doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-179-198

UDC 81.33

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-179-198

Research article

FOREIGN LANGUAGE ANXIETY IN THE ACQUISITION OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Jajich Novogradec Marina

Faculty of Humanities and Social Sciences of the University of Zagreb, Department of Russian Language, Department of East Slavic Languages and Literatures, Zagreb, Croatia

Chagalj Ivana

Faculty of Humanities and Social Sciences of the University of Zagreb, Department of Russian Language, Department of East Slavic Languages and Literatures, Zagreb, Croatia

Abstract

The aim of the paper is to measure and define the causes of foreign language anxiety in learning RFL, as one of the most important affective factors in foreign language teaching. The causes of difficulties in foreign language learning, as well as the development of language anxiety, can be different. The study examines the sample of 80 Croatian undergraduate students majoring in Russian language and literature at the Faculty of Humanities and Social Sciences of the University of Zagreb. In order to measure language anxiety, the questionnaire that included Foreign Language Classroom Anxiety Scale, developed by E. Horwitz et al. [1991] was used.

The hypotheses were that the level of anxiety would decline at advanced levels of language learning; with the students who were learning another foreign language at the university; those who had learned Russian before entering the university; as well as those who had integrative and instrumental type of motivation in learning the language, and those who had visited Russian speaking country before.

In the area of moderate level of anxiety, certain categories in which students showed high level of anxiety were allocated.

The main causes of anxiety were communication apprehension and fear of negative evaluation. Future studies need to take into consideration foreign language anxiety in different contexts of foreign language learning and psycholinguistic perspective of the issue.

Keywords: anxiety, foreign language, RFL

References

Dal'bergenova, L.E., Ahmetova, A.Zh. (2019) *Problema psihologičeskih trudnostej v obuchenii inostrannym jazykam* [The problem of psychological difficulties in foreign language teaching]. *Problemy pedagogiki*. 3 (42), 5–9. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-psihologičeskih-trudnostej-v-obuchenii-innostrannym-yazykam> [Accessed: 24th March 2020]. (in Russian).

Devickaja, Z.B. (2016) *Gotovnost' k obshheniju na inostrannom jazyke kak faktor uspeshnosti obuchenija*. [Readiness to communicate in foreign language as a factor of successful learning]. Available from: https://publikacia.net/archive/uploads/pages/2016_4_7/17.pdf [Accessed: 24th March 2020]. (in Russian).

Iskandari, M. (2016) *Uчебnaja trevozhnost' kak psihologicheskij bar'er pri obuchenii russkomu jazyku v iranskih vuzah: prichiny i puti preodolenija* [Classroom anxiety as a psychological barrier in teaching Russian at Iranian universities: causes and overcoming]. *Diskussija*. 4 (67), 142–148. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchebnaya-trevozhnost-kak-psihologicheskij-barier-pri-obuchenii-russkomu-yazyku-v-iranskih-vuzah-prichiny-i-puti-preodoleniya> [Accessed: 17th June 2021]. (in Russian).

Kaskevich, A.A. (2012) *Issledovanie jazykovogo bar'era sredi studentov v processe izuchenija inostrannogo jazyka. Mir nauki, kul'tury, obrazovanija*. 6, 168–170. [Students' language barrier research in the process of foreign language learning]. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-yazykovogo-bariera-sredi-studentov-v-protsesse-izuchenija-inostrannogo-yazyka> [Accessed: 24th March 2021]. (in Russian).

Kotel'nikova, E. Ju., Shport'ko, I.A. (2017) *Issledovanie jazykovyh bar'erov u studentov tehniceskikh special'nostej pri izuchenii inostrannyh jazykov. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 1–1 (67), 200–203. [The research of language barriers by technical engineering students in learning foreign languages]. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-yazykovyh-barierov-u-studentov-tehniceskikh-spetsialnostej-pri-izuchenii-inostrannyh-jazykov> [Accessed: 17th June 2021]. (in Russian).

Poljakov, O.G. (2012) *Kognitivnye i affektivnye faktory uspeshnogo obuchenija inostrannomu jazyku v vyshej shkole* [Cognitive and affective factors of successful foreign language teaching in a high school]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 7 (18), 162–164. Available from: <https://www.gramota.net/materials/2/2012/7-1/42.html> [Accessed: 24th March 2020]. (in Russian).

Shepelenko, T.M. (2017) *Psihologicheskie aspekty izuchenija inostrannyh jazykov* [Psychological aspects of foreign language learning]. *Vestnik PNIPU. Problemy jazykoznanija i pedagogiki*. 1, 117–125. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-aspekty-izuchenija-inostrannyh-jazykov> [Accessed: 24th March 2020]. (in Russian).

Horwitz, E.K., Horwitz, M.B., Cope, J.A. (1991) Foreign Language Classroom Anxiety. In: Horwitz, E.K., Young, D.J. (eds.) *Language Anxiety: From Theory and Research to Classroom Implications*. Englewood Cliffs, Prentice-Hall, pp. 27–39.

Lorenzo Bergillos, F.J. (2004) La motivación y el aprendizaje de una L2/LE [Motivation and learning of L2/FL]. In: Sánchez Lobato, J., Santos Gargallo, I. (eds.) *Vademécum para la formación de profesores: enseñar español como segunda lengua L2 – lengua extranjera LE* [Vademecum for teachers' training: teaching Spanish as a second language L2 – foreign language]. FL, Madrid, SGEL, pp. 305–328. (in Spanish).

MacIntyre, P.D. (1999) Language Anxiety: A Review of the Research for Language Teachers. In: Young D. J. (ed.) *Affect in foreign language and second language learning: a practical guide to creating a low-anxiety classroom*. Boston, McGraw-Hill College, pp. 24–45.

Mihaljević Djigunović, J. (2000) Uloga straha od jezika u učenju stranog jezika [The role of language anxiety in foreign language learning]. *Strani jezici* [Foreign languages]. 29, 9–13. (in Croatian).

Mihaljević Djigunović J. (2002) *Strah od stranoga jezika: kako nastaje, kako se očituje i kako ga se osloboditi* [Foreign language anxiety: appearance, manifestation and overcoming]. Zagreb, Naklada Ljevak. (in Croatian).

Price, M.L. (1991) The Subjective Experience of Foreign Language Anxiety: Interviews with Highly Anxious Students. In: Horwitz, E.K., Young, D.J. (eds.) *Language Anxiety: From Theory and Research to Classroom Implications*. Englewood Cliffs, Prentice-Hall, pp. 101–108.

©Jajich Novogradec Marina, Chagalj Ivana, 2021

Article history:

Received: 18.05.2021

Accepted: 22.06.2021

Bionotes:

Jajich Novogradec Marina – Postdoctoral researcher at the Department of Russian Language, Department of East Slavic Languages and Literatures, Zagreb

Contact information:

Ivana Lučića 3, Zagreb 10000, Hrvatska

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8322-8988>

e-mail: mjnovo@ffzg.hr

Chagalj Ivana – MA in Russian Language and Literature

Contact information:

Ivana Lučića 3, Zagreb 10000, Hrvatska

e-mail: ivana.cagalj25@gmail.com

For citation:

Jajich Novogradec, Marina & Chagalj, Ivana. Foreign language anxiety in the acquisition of Russian as a foreign language. *Journal of Psycholinguistics*. 2 (48), pp. 179–198 . Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-179-198 (in Russian)

УДК 81.23

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-199-204

Обзорная статья

ХII КОНГРЕСС МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ (ISAPL)

3 – 5 июня 2021 г.

Жукова Лариса Станиславовна

Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Очередной, двенадцатый по счету, Конгресс Международного общества прикладной психолингвистики (ISAPL), организованный при поддержке Университета Авейру (Португалия), прошел с 3 по 5 июня 2021 г. в онлайн формате. На этот раз основная тема конгресса звучала следующим образом: «Новые перспективы в психолингвистических исследованиях: язык, культура, технологии». Впервые за время существования ISAPL термин «культура» был вынесен в заглавие темы конгресса, что говорит о заинтересованности наших зарубежных коллег тематикой, которая давно стоит во главе угла российской психолингвистики, а именно, о взаимовлиянии языка, сознания и культуры.

- Помимо этого, на конгрессе традиционно обсуждались следующие проблемы:
- Язык и познание.
- Производство и восприятие речи.
- Чтение и Письмо.
- Овладение языком. Изучение иностранного языка.
- Билингвизм и полилингвизм.
- Понимание, эмоции, память в общении.
- Языковые нарушения и патологии речи. Фоноаудиология.
- Психолингвистика и манипуляция сознанием: Язык и власть. Политический дискурс.
- Язык и образование. Психопедагогика языка. Убеждение в коммуникации и образовании.
- Язык и социальный контекст. Анализ дискурса. Диалог.
- Методология психолингвистики применительно к анализу литературных текстов.
- Новые проблемы чтения/письма, связанные с появлением компьютеров. Последствия пользования компьютером (Интернетом).
- Психолингвистический взгляд на средства массовой информации (СМИ). Этические/негативные аспекты коммуникации посредством СМИ.
- Влияние психолингвистики на развитие информационных технологий.
- Транснациональные/транскультурные проблемы в современном обществе.
- Экология языка и др.

Свои доклады представили 165 участников из разных стран: Бразилии, Португалии, Аргентины, Мексики, Италии, Франции, Бельгии, Германии, России, Польши, Словакии, Румынии, Чехии, Словакии, Украины, Болгарии, Венгрии, Грузии, Казахстана, Индии, Вьетнама, Японии.

Конгресс открыла почетный президент ISAPL проф. Леонор Скляр-Кабрал. Она обратилась к участникам с приветственным словом, рассказав немного об истории ISAPL, и пожелала всем плодотворной работы.

Работа конгресса началась с пленарного доклада проф. Жозе Мораиса (Брюссельский свободный университет, Бельгия) «Прикладная психолингвистика во времена социальных потрясений». Профессор Мораис – известный в мире специалист по чтению, восприятию речи, грамотности. Кроме того, он практикующий нейропсихолог и общественный деятель, горячо отстаивающий права всех слоев населения на получение качественного образования. В своем докладе он представил ретроспективу научных представлений о взаимодействии языка и сознания, особо остановившись на том факте, как изобретение письменности повлияло на развитие человеческого сознания, как грамотность влияет на языковое восприятие, как обучение грамоте меняет наш мозг и его функции. Основной тезис доклада состоял в том, что триада «язык-познание-грамотность» напрямую зависит от исторических и культурных процессов в человеческом обществе. В частности, на них влияет социальное неравенство. В продвижении этой идеи проф. Мораис видит высокую идеологическую роль психолингвистики; кроме того, он считает, что роль ученого неотделима от роли общественного деятеля.

Доклад вызвал живую дискуссию, а тема влияния грамотности на процессы мышления и восприятия была продолжена на Круглом столе «Влияние грамотности на вербальную память и обработку речи», организаторы которой, Р. Колински (Брюссельский свободный университет, Бельгия) и Р. Габриэл (Университет Санта-Крус-ду-Сул, Бразилия), ставили целью обсудить, насколько приобретение навыков грамотности влияет на процесс восприятия речи, какие аспекты кратковременной вербальной памяти при этом затрагиваются, и как это можно использовать в обучении.

Второй день конгресса начался с яркого доклада М. Майа (президента ISAPL 2021–2024 гг., профессора Федерального университета Рио-де-Жанейро, Бразилия) «Психолингвистика. Метапознание и образование». Под метапознанием автором понимается способность человека к осмыслению собственных процессов мышления и уже – к рекурсии, т.е. созданию вложенных, вторичных мыслительных образов. Эта способность отличает нас от других приматов, и ее появление стало возможным благодаря генной мутации, приведшей 70.000 лет назад к появлению т.н. префронтального синтеза (Prefrontal synthesis) – способности человека противопоставлять объекты и явления в своём воображении. Эта способность отражается и в языке. В частности, в том, что человек способен понимать значение синтаксических конструкций со сложной иерархией подчинения («вложенных» конструкций, *embedded structures* – в терминах Н. Хомского) и способен анализировать собственное языковое поведение, т.е. самообучаться. Однако современная система образования совершенно игнорирует эти особенности человеческого мышления, и в результате, в условиях большого потока информации, порой ненужной (в литературе даже возник термин *infodemic* для описания данной ситуации), наблюдается постепенное снижение читательских навыков у школьников, не способных понять суть читаемого текста. Современная психолингвистика призвана помочь разрешить данную проблему, предложив новые, более эффективные методы обучения. Сам проф. Майа со своими коллегами из Федерального университета Рио-де-Жанейро в течение

двух лет проводил эксперимент в средней школе по внедрению технологии айтрекинга в обучение навыкам эффективного чтения (т.е. позволяющего правильно улавливать смысл прочитанного), и это дало положительные результаты, позволив учащимся средней школы значительно обогнать своих сверстников, не обучавшихся по данной методике, и приблизиться к уровню студентов колледжа.

Д-р Ж. Кулардо (Вице-президент ISAPL 2021–2024 гг., Университет Париж 1 Пантеон – Сорбонна, Франция) в своем пленарном докладе «Психолингвистика искусственного интеллекта/психолингвистика или машинный код» также затронул проблемы образования, однако с другого ракурса – его интересовали вопросы, связанные с внедрением в нашу жизнь новых цифровых технологий и искусственного интеллекта, особенно остро вставшие перед школой в период пандемии Ковид-19. (Как должно быть организовано обучение в классе? Какова будет роль учителя? Как установить полноценную обратную связь с учениками? и др.) В настоящее время ребенок с раннего детства оказывается окруженным аудиовизуальными устройствами, такими как телевизор, компьютер, системы искусственного интеллекта, которые оказывают существенное влияние на развитие его когнитивных способностей: современные дети по-другому выстраивают систему взаимоотношений с внешним миром и осознают себя через этот мир. Со временем человеку придется научиться эффективно общаться с машинами, достигая взаимного понимания, однако, что при этом произойдет с самим человеком, какую перестройку претерпит его мозг? Вполне возможно, как считает исследователь, что величина произошедших при этом перемен будет сравнима с теми физиологическими изменениями, которые произошли с человечеством 300.000 лет назад с появлением вида Homo Sapiens.

Помимо пленарных докладов, во время утренних заседаний конгресса были проведены Круглые столы со следующей тематикой:

- «Тесты, разработанные для оценки навыков чтения школьников: надежность, валидность и стандартизация», организатор: проф. А. Пинеиро (Федеральный университет Минас-Жерайс, Бразилия), приглашенные докладчики: проф. Л. Скляр-Кабрал (почетный президент ISAPL, Бразилия); д-р Д. Вилена (Университет Порто, Португалия).

- «Психолингвистические аспекты коммуникативного этностиля в художественном общении», организатор: проф. Д. Гоциридзе (Тбилисский государственный университет им. Иване Джавахишвили, Грузия), приглашенные докладчики: Н.С. Мосиашвили, Т. Пайчадзе, К. Абдулаев, Т. Ягоднишвили (Грузия).

- «Психолингвистическое исследование полиглотии и его применение для целей изучения языков», организатор: проф. Д.Б. Никуличева (ИЯз РАН, Россия), приглашенные докладчики: д-р Г. Казаков (МГИМО, Россия), проф. Э. Полезе (Исследовательский центр Jülich GmbH, Германия), С. Кулаков (Московский гуманитарный университет, Россия).

Во второй половине дня проводились симпозиумы, регулярные сессии и мастер-классы. Российская школа психолингвистики была представлена Симпозиумом «Язык-сознание-культура: взаимосвязь и методы психолингвистических исследований», организаторы: проф. Н.В. Уфимцева (ИЯз РАН, Россия) и проф. И.Ю. Марковина (Институт лингвистики и межкультурной коммуникации Сеченовского университета, Россия). В своем вводном докладе организаторы Симпозиума изложили взгляды

современной российской психолингвистики на проблему взаимосвязи языка, сознания и культуры, базирующиеся на теории речевой деятельности А.А. Леонтьева и культурно-исторической концепции психики Л.С. Выготского, где язык понимается как социокультурный феномен, сознание человека – как образ мира, а культура – как система сознания. Несколько слов было сказано об ассоциативном эксперименте как основном методе исследования сознания, позволяющем выявить несоответствия в образах сознания представителей различных этносов, являющиеся порой причиной взаимного непонимания последних. Анализ результатов таких экспериментов дает возможность организовать эффективную межкультурную коммуникацию, что очень важно в условиях глобализующегося мира. В этом и состоит, по мнению Н.В. Уфимцевой и И.Ю. Марковиной, одна из основных ролей современной психолингвистики.

В ходе дальнейшей работы Симпозиума прозвучали доклады различной тематической направленности:

- Взаимосвязь языка и идентичности (Этой теме был посвящен доклад О.В. Балясниковой и Л.С. Жуковой (ИЯз РАН, Москва) «Национальный язык и этническая идентичность: социолингвистические и психолингвистические подходы к исследованию»).

- Проблемы понимания текста (Это направление было представлено докладом Е.В. Харченко с коллегами из Челябинска (Е.Г. Дорониной, Ю.В. Казаковой) «Восприятие и интерпретация текста в поликультурной среде»).

- Исследование активных языковых процессов (Данная тема прозвучала в докладе молодого исследователя из Новосибирска – С. Евдокимовой, которая занимается поиском примеров языковой вариативности на материале ассоциативно-вербальной сети).

- Формирование языкового сознания в зависимости от культуры (Данное направление было представлено сразу несколькими докладами. Так, исследовательская группа, в которую входят И. Ленарт, И.Ю. Марковина, А.Р. Махмутова (Москва, Россия) и О. Эндроди (Будапешт, Венгрия), изучали особенности языкового сознания русских и венгерских дошкольников. Исследование Т.В. Романовой и М.Ю. Товкес (Нижний Новгород, Россия), выполненное на материале англо- и русскоязычного сегмента сети «Твиттер», посвящено вопросам восприятия женщин с высоким политическим статусом в разных культурах. А.Г. Полянская (Москва, Россия) исследовала на русскоязычном ассоциативном материале, как период пандемии повлиял на динамику ассоциативного значения слов из сферы торговли).

- Особенности языковой ситуации в различных регионах России и методы ее изучения (Т.Г. Боргоякова (Абакан, Россия) представила доклад «Парадигматическое и синтагматическое измерение в языковом сознании хакассов»; исследование М.И. Кысылбайковой (Якутск, Россия) было посвящено особенностям концепта «культура» в языковом сознании якутов).

- Исследования различных аспектов би- и мультилингвизма (Эта тематическая область была представлена наибольшим количеством докладов и вызвала живой отклик со стороны слушателей, что, очевидно, обусловлено остротой данного вопроса в современном полиэтничном обществе. Так, Б.Н. Ахиджак (Майкоп, Россия) в своем докладе «Двуязычие, бесконфликтный способ сосуществования в полиэтничной среде» исследует взаимодействие двух и более языков в языковом сознании

билингвов на материале литературных произведений адыгских писателей-билингвов, содержащих этнически-маркированную лексику. Тема доклада В.Л. Завьяловой из Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Москва) «Восприятие иноязычных акцентов в англоязычной коммуникативной среде» обусловлена ростом количества людей в мире, для которых английский язык не является родным. Таким образом, способность адекватно воспринимать речь с иностранным акцентом становится одним из обязательных навыков в англоязычной среде. Доклады Л.С. Заморщиковой и И.С. Хохоловой (Якутск, Россия) были посвящены языковой ситуации в Республике Саха (Якутия); М.К. Абаева (Алматы, Казахстан) исследует языковую креативность ребенка-билингва) и др.

На заключительном заседании 5 июня Организационный комитет подвел итоги 12-го Конгресса ISAPL и наметил планы дальнейшей работы. Материалы Конгресса решено было опубликовать в специальном выпуске журнала *Signo* (издаваемом одним из организаторов Конгресса – бразильским Университетом Санта-Крус-ду-Сул). С тезисами докладов можно ознакомиться на официальном сайте Конгресса: https://isapl2020.org/wp-content/uploads/2021/06/BOOK_OF_ABSTRACTS_2021_06_02.pdf.

© Жукова Л.С., 2021

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15.06.2021

Дата принятия к печати: 25.06.2021

Сведения об авторе:

Жукова Лариса Станиславовна – кандидат филол. наук, научный сотрудник Института языкознания РАН

Контактная информация:

125009, Москва, Большой Кисловский пер, д.1, стр.1

ORCID: 0000-0001-7983-008X

e-mail: l.s.zhukova@yandex.ru

Для цитирования:

Жукова Л.С. XII Конгресс Международного общества прикладной психолингвистики (ISAPL), 3–5 июня 2021 г. // Вопросы психолингвистики №2(48) 2021, С. 199–204, doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-199-204

UDC 81.23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-199-204

Survey article

ONLINE 12th ISAPL INTERNATIONAL CONGRESS

June 3 – 5, 2021

Larisa S. Zhukova

Institute of linguistics, RAS, Moscow, Russia

© Zhukova L.S., 2021

Article history:

Received: 15.06.2021

Accepted: 25.06.2021

Bionotes:

Larisa S. Zhukova – Candidate of Philology, researcher, Institute of linguistics, RAS

Contact information:

125009, Moscow, Bolshoy Kislovsky 1, bld.1

ORCID: 0000-0001-7983-008X

e-mail: l.s.zhukova@yandex.ru

For citation:

Zhukova, L.S. (2021) Online 12th ISAPL International congress. June 3–5, 2021. *Journal of Psycholinguistics*. 2 (48), pp. 199–204. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-199-204 (in Russian)

**КРУГЛЫЙ СТОЛ
«ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИГЛОТИИ
И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ»**

Никуличева Дина Борисовна

Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Круглый стол «Психолингвистическое исследование полиглоти и его применение для целей изучения языков» проходил 5 июня 2021 года в рамках 12 Международного он-лайн конгресса ISAPL «Новые перспективы психолингвистических исследований: язык, культура, технологии» (Бразилия, 3-5 июня 2021).

Переведа множество масштабных научных мероприятий в онлайн-режим, пандемия сыграла и определенную положительную роль, дав возможность участия в научных мероприятиях исследователям из большого количества стран с разных континентов. Так, круглый стол, посвященный исследованиям полиглоти и их применению к практике изучения языков, собрал более 30 участников из Латинской Америки, Европы и Азии, в том числе, из Бразилии, Португалии, Италии, Франции, России, Украины, Грузии, Казахстана и др. Круглый стол был организован Д.Б. Никуличевой (ИЯз РАН), а приглашенными докладчиками стали Элиза Полезе из Италии и Григорий Казаков и Степан Кулаков из России.

Тема исследования феномена полиглоти была представлена во вводном выступлении **Д.Б. Никуличевой**. Если раньше эта тема преимущественно поднималась в публикациях самих полиглотов, то сегодня полиглоти стала и объектом лингвистических исследований. С 2009 года появилась серия книг и статей, посвященных изучению полиглоти в психолингвистической и лингводидактической перспективе. Это книги Д.Б. Никуличевой «Как найти свой собственный путь к иностранному языку: лингвистические и психологические стратегии полиглотов» (2009), «Говорим, читаем, пишем: Лингвистические и психологические стратегии полиглотов» (2013), М. Эрарда «Babel No More» (2012), а также материалы Нью-Йоркской конференции Multilingual Proficiency: Language, Polyglossia and Polyglottery (2016) и др.

В России феномен полиглоти начал изучаться в рамках экспериментальной психолингвистики. Результаты регулярно публикуются в «Вопросах психолингвистики». Например, статьи Д.Б. Никуличевой «Применение психолингвистических стратегий полиглотов в практике изучения иностранных языков» (2013, № 18, с. 90–97), «Моделирование языкового сознания полиглота: динамика концептуальной метафоры в процессе языковой приобретения» (2015, №26, с. 136–143) и «Изучение лингводидактических стратегий полиглотов: развитие теории полиглоти и ее практическое применение» (2018, №36, с. 70–83).

С 2013 года было организовано несколько знаковых международных лингвистических конференций по полиглоти: Международная конференция

«Многоязычие: язык, полиглоссия и полиглотия» (Нью-Йорк, 2013 г.), Международный симпозиум по языковому образованию, полиглотии и геолингвистике (Москва, 2018 г.) и Круглый стол «Психолингвистическое исследование полиглотии» в рамках XIX Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации (Москва, 2019). Эта же тема была в центре внимания на специальном заседании Центра межкультурных исследований им. А.А. Леонтьева при Институте языкознания РАН 1 марта 2018 г.

Интерес научного сообщества совпал с ростом международной активности собственно полиглотов, о чем свидетельствуют практические конференции и слеты полиглотов, которые регулярно проводятся в разных странах с 2013 года: Polyglot Conferences in Budapest (2013), Novi Сад (2014 г.), Нью-Йорк (2015 г.), Салоники (2016 г.), Рейкьявик (2017 г.) и Любляна (2018 г.); Встречи полиглотов в Берлине (2014–2016 гг.) и Братиславе (2017–2019 гг.). Теоретический синтез и лингвистический анализ их результатов представлен в серии обзорных публикаций Г.А. Казакова в журнале «Вопросы Психолингвистики» (2013, № 18, с. 65; 2017, № 33, с. 258–260; 2018). № 37, стр. 176–178; № 38, стр. 228–231).

Причины такого интереса очевидны: мировое сообщество вступило в эпоху Интернет-общения, когда онлайн-контакты стали обычным делом, а получение информации с YouTube и других электронных ресурсов происходит мгновенно. В то же время, по мере развития психолингвистического анализа, он предлагает новые возможности применения опыта конкретных полиглотов в широкой лингводидактической практике. Ведь полиглотия, понимаемая как сознательно достигнутое индивидуальное многоязычие, предполагает использование широкого спектра индивидуальных стратегий, которые могут быть смоделированы и применены в практике изучения иностранных языков обычными учащимися.

Мониторинг речевого поведения полиглотов в процессе изучения иностранных языков позволяет решить ряд важных дидактических вопросов, таких как: необходимый и достаточный для овладения иностранным языком лексический и грамматический объем вводимой информации; эффективные способы введения новой языковой информации и ее закрепления в кратковременной и долговременной памяти; индивидуальные методы совершенствования речевых навыков и скорейшего вхождения в активную речевую практику; методы поддержания мотивации и ресурсов в процессе изучения языка; способы поддержания большого количества изучаемых языков в активном рабочем состоянии и многие другие.

Дальнейшие выступления участников были посвящены результатам исследования отдельных аспектов лингводидактических стратегий полиглотов с целью их применения в практике изучения иностранных языков.

Перспективным направлением в психолингвистическом изучении полиглотии является мониторинг полиглотов в процессе изучения ими нового языка, проводимый как внешним лингвистическим наблюдателем, так и самим полиглотом, который ежедневно фиксирует свой прогресс в нескольких языках на разных этапах усвоения. В докладе «*Waves of intensity in language learning*» Д.Б.Никуличева познакомила участников круглого стола с некоторыми предварительными результатами наблюдений над полиглотом из Владикавказа Аланом Бигуловым в ходе его проекта «10 языков за 1000 дней». Одним из важных результатов стал вывод об объективном волнообразном

колебании результативности занятий языком в ходе языкового «марафона», несмотря на сохранение обязательней ежедневности занятий и их жестких временных рамок. Понимание этого привело полиглота к необходимости гибкого изменения алгоритмов занятий, чтобы избежать рутинизации и выходить на новый виток интенсивности. Важную роль при этом играет чередование 6 – 10-дневных суперинтенсивов по 8–12 часов прямого общения с носителями языка в режиме он-лайн с периодами закрепления полученных знаний и навыков в промежутки значительного ослабления интенсивности.

Тема интенсивности языковых занятий была продолжена в докладе **Григория Казакова** (МГИМО). Исходным пунктом его доклада «*How much input do we need to learn a language?*» стало положение о том, что основным фактором в овладении языком является *input*, то есть воспринимаемый языковой материал. На основании анализа лингводидактической литературы и обсуждений на онлайн-форумах полиглотов (по материалам выступлений на Polyglot Gathering 2017 в Братиславе) докладчик поставил вопрос о том, какой именно *input* (измеряемый количеством услышанных и прочитанных слов, при условии, что они понятны) необходим для изучения языка. Согласно эмпирическим оценкам участников упомянутого форума, они достигли уровня В1 после просмотра видео на целевом языке в течение 150 часов; В2 после 366; С1 после 590; и С2 после более чем 2000 (каждый последующий уровень включает часы предыдущего). Исходя из предположения, что один час фильма содержит около 5000 слов, Г.А. Казаков выдвинул предположение о том, что уровень В1 соответствует вводу 750 000 слов; В2 до 1 830 000; С1 до 2 950 000; и С2 до 10 000 000 и предложил использовать цифру 1 миллион слов (соответствующую преодолению порогового уровня В1-В2) как точку отсчета при определении необходимого количества часов аудиторных и домашних заданий, количества аудио- и видеоматериалов, а также количества текстов для чтения.

Тему обучения иностранным языкам, используя стратегии полиглотов, развила **Элиза Полезе** – полиглот, профессиональный преподаватель иностранных языков и автор тренингов по стратегиям параллельного изучения нескольких языков, работающая в настоящее время в Германии в Исследовательском центре Jülich GmbH, (г. Нидерцир). Э. Полезе изучила более двадцати пяти языков и преподает тринадцать из них в любом сочетании: итальянский, немецкий, английский, испанский, русский, французский, голландский, каталонский, португальский, греческий, хинди, арабский и эсперанто. Авторская методика позволяет ее ученикам не только быстро снимать языковой барьер в говорении на нескольких языках, но и найти способ совершенствоваться и поддерживать свои языки, не смешивая их. В своем докладе Э. Полезе сформулировала основные положения методики одновременного изучения нескольких языков, описанные в ее книге 2019 г. “Multilingual learning: how to become fluent in multiple languages” (итальянская версия книги «Come imparare più lingue contemporaneamente»). С лингвистической точки зрения, методика основана на обучении стратегиям того как: а) понимать и использовать те языковые особенности, которые являются наиболее частотными моделями, отражающими специфику данного языка, б) сосредоточить внимание на характерологических различиях между языками, в) переключаться с одного языка на другой. Сочетание этих факторов повышает эффективность и мотивацию в усвоении новых языков и позволяет легче поддерживать языки, усвоенные ранее.

Доклад **С. Кулакова** (РГГУ) “*Polyglot agenda over the years: data of round table discussions since 2013*” отразил иную грань изучения феномена полиглотии, представив круг тем, поднимаемых самими полиглотами в рамках их мирового сообщества. В качестве отправной точки докладчик назвал 2013 год, когда на Международной конференции по многоязычию (Нью-Йорк, 2013 г.) состоялся круглый стол «Полиглотия и образование», впервые объединивший как признанных лингвистов, так и известных полиглотов. После этого последовали ежегодные конференции Polyglot Conferences (с 2013 г.) и Polyglot Gatherings (с 2014 г.). Начиная с 2013 г., основными темами обсуждений неизменно являются такие вопросы, как: определение того, кого можно считать полиглотом, критерии измерения языковых знаний полиглота, особенности многоязычного переключения кодов в общении между полиглотами, возможности применения опыта полиглотов для улучшения языкового образования в мире. Материалы панельных дискуссий, проводимых в рамках Polyglot Gatherings и Polyglot Conferences, позволяют добавить в актуальную повестку дня такие новые темы, как: воспитание многоязычных детей, издательский рынок по изучению редких языков и по проблемам полиглотии, новые возможности трудоустройства полиглотов в современном мире. В целом, проведенный анализ свидетельствует о стабильном росте интереса мирового сообщества к феномену полиглотии и возрастанию возможностей для его практического применения.

Итог обсуждению тем круглого стола по изучению полиглотии подвела в своем выступлении проф. **Леонор Скляр-Кабрал** (Бразилия), подчеркнувшая значимость тематики, поднятой в докладах участников Круглого стола, наметивших новое и весьма перспективное направление современных исследований в сфере практической психолингвистики.

© Никуличева Д.Б., 2021

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 14.04.2021

Дата принятия к печати: 23.06.2021

Сведения об авторе:

Никуличева Дина Борисовна – доктор филологических наук, г.н.с. Института языкознания РАН, профессор переводческого факультета МГЛУ

Контактная информация:

125009, Москва, Большой Кисловский пер, д.1, стр.1

119034, Москва, Остоженка, 38

ORCID: 0000-0002-9281-0726

e-mail: nikoulitcheva@yandex.ru

Для цитирования:

Никуличева Д.Б. Круглый стол «Психолингвистическое исследование полиглотии и его применение для целей изучения языков» // Вопросы психолингвистики №2(48) 2021, С. 205-209, doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-205-209

UDC 81.23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-205-209

Survey article

**ROUND TABLE: PSYCHOLINGUISTIC STUDY OF POLYGLOTTERY
AND ITS APPLICATION TO LANGUAGE LEARNING**

Dina B. Nikulicheva

Institute of linguistics, RAS, Moscow, Russia

© Nikulicheva D.B., 2021

Article history:

Received: 14.04.2021

Accepted: 23.06.2021

Bionotes:

Dina B. Nikulicheva – Doctor of Philology, Chief researcher, Institute of linguistics, RAS, Professor of MSLU

Contact information:

125009, Moscow, Bolshoy Kislovsky 1, bld.1

119034, Moscow, Ostozhenka, 38

ORCID: 0000-0002-9281-0726

e-mail: nikoulitcheva@yandex.ru

For citation:

Nikulicheva, D.B. (2021) Round Table: Psycholinguistic Study of Polyglottery and Its Application to Language Learning. *Journal of Psycholinguistics*. 2 (48), pp. 205–209. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-205-209 (in Russian)

**Александра Александровна Залевская
(29.09.1929 – 09.05.2021)**

Этой весной российская и мировая психолингвистическая наука понесла тяжелую утрату – 9 мая 2021 года после продолжительной болезни ушла из жизни Александра Александровна Залевская – выдающийся ученый, заслуженный деятель науки Российской Федерации, основатель Тверской психолингвистической школы и просто замечательный человек.

Имя Александры Александровны давно стало синонимом высокой науки, олицетворением беззаветного служения делу всей жизни, эталоном ученого, профессионала высочайшей пробы – классика и легенды российской психолингвистики. Трудно перечислить все почетные звания и заслуженные награды А.А. Залевской, которыми отмечен ее поистине подвижнический труд: Президентом РФ ей было присвоено звание Заслуженного деятеля науки Российской Федерации; Международная академия психологических наук избрала А.А. Залевскую почетным действительным членом (академиком); она почетный профессор Тверского государственного университета, почетный профессор Харбинского педагогического университета (Харбин, КНР), почетный профессор Казахского университета международных отношений и мировых языков (Алматы, Казахстан), почетный работник науки и образования Тверской области. Многолетняя кропотливая работа со студентами, аспирантами, докторантами стала основой создания широко известной сегодня в России и за рубежом Тверской психолингвистической школы профессора А.А. Залевской. Содержанием глубоких теоретических исследований этой школы является изучение значения слова, работа с восприятием, пониманием и продуцированием текста, а также неисчерпаемые проблемы дву- и полиязычия.

В качестве бессменного редактора научного журнала «Вестник Тверского государственного университета», председателя диссовета при ТвГУ, научного руководителя или консультанта, Александра Александровна была, прежде всего, требовательна к себе самой и такой же отдачи, тщательности и глубины требовала от своих учеников. Это всегда служило залогом достижения высокой научной продуктивности и необыкновенной результативности исследований – за многие годы научной деятельности Александрой Александровной были написаны многочисленные статьи и монографии, большинство из которых в научных кругах разошлись на цитаты и широко известны как в России, так и за рубежом. За последние несколько десятилетий нет ни одной диссертации по психолингвистике, в которой бы не упоминались работы А.А.Залевской, – это один из самых цитируемых классиков-основателей современной интегративной науки этно-, психо-, социо-, менталингвистики. Будучи известным ученым с мировым именем, Александра Александровна оставалась очень скромным, доступным, приятным в общении человеком, всегда готова была поделиться знаниями и опытом, помочь и поддержать в научном поиске. Все, кому посчастливилось работать с этим удивительным человеком, кто знал ее лично, безмерно благодарны Александре Александровне не только за вхождение в мир настоящей науки, но и за душевную щедрость, за сердечность и теплоту.

Горько сознавать, что нет теперь с нами Большого Человека, пытливого ученого, неутомимой труженицы – нашего кумира, которого мы продолжаем любить и помнить. Александра Александровна осталась в своих книгах, в своих учениках и в наших сердцах... Светлая память светлomu человеку и низкий поклон!

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ

Рукопись, набранная в формате Word, должна быть отправлена по электронной почте на адрес редколлегии журнала: editorial-vpl@yandex.ru. Название файла должно выглядеть следующим образом: Фамилия И.О._Статья. Текст должен быть хорошо вычитан. Рукописи, содержащие ошибки и опечатки, к рецензированию и публикации не принимаются.

К рукописи, направляемой в редакцию, необходимо приложить сведения об авторах: ученая степень, ученое звание, должность и место работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адреса автора (авторов), код ORCID (авторам, у которых пока такого кода нет, рекомендуется его получить, зарегистрировавшись в ORCID: <http://orcid.org/>). Для статей, написанных в соавторстве, необходимо указать автора, с которым будет вестись переписка при рассмотрении рукописи редакцией. Название файла должно выглядеть следующим образом: Фамилия И.О._Сведения об авторе.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в ходе редакторской правки, должны решаться автором (авторами) в строго определенные редколлегией сроки, диктуемые планом издательства. Нарушение сроков ведет к отказу редакции допускать рукопись к опубликованию. Рабочие контакты с авторами осуществляются преимущественно посредством электронной почты, поскольку в редакции нет постоянного дежурства для приема телефонных звонков.

Авторы, предоставляющие рукописи в редакцию журнала «Вопросы психолингвистики», должны следовать Публикационной этике журнала (см. раздел Ответственность авторов). Рукописи, направленные в наш журнал для публикации, проходят обязательную проверку на плагиат текста через систему «Антиплагиат. Эксперт». При выявлении неправомерных заимствований, а также при низком коэффициенте оригинальности текста (<85%) рукопись отклоняется от публикации.

Обзоры и другие статьи, по объективным причинам требующие наличия большего количества цитирований, рассматриваются редакцией в индивидуальном порядке. Приветствуется самостоятельная проверка оригинальности текста в системе «Антиплагиат. Эксперт» с предоставлением справки (в электронном формате) о результатах проверки текстового документа на наличие заимствований.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

Все рукописи, поступающие в журнал, в обязательном порядке проходят процесс рецензирования.

Рукопись может быть отклонена редактором на этапе, предшествующем рецензированию, если для этого имеется веская причина (тематика статьи не соответствует тематике журнала; рассматриваемая статья очевидно низкого научного качества или содержит большое количество ошибок и опечаток; в представленных материалах выявлено принципиальное противоречие этическим принципам, которых должны придерживаться авторы(см. Публикационная этика журнала, раздел Ответственность авторов).

Все поступающие рукописи, не отклоненные по вышеизложенным причинам на первом этапе рассмотрения, направляются по профилю научного исследования на рецензию одному из членов Редакционного совета или независимому эксперту по рекомендации члена Редакционной коллегии. К рецензированию не привлекаются специалисты, работающие в том же научно-исследовательском учреждении или высшем учебном заведении, где выполнена работа. В редакции принято одностороннее «слепое» рецензирование – редакторы не раскрывают авторам фамилии рецензентов. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

Средний срок рецензирования составляет 2 месяца, в зависимости от загруженности экспертов. По итогам рассмотрения рукописи рецензент даёт обоснованные рекомендации о возможности публикации статьи:

- 1 - Принять без изменений.
- 2 - Принять после внесения незначительных изменений в соответствии с комментариями рецензента (повторная рецензия не требуется).
- 3 - Принять после внесения существенных изменений в соответствии с комментариями рецензента (требуется повторная рецензия).
- 4 - Отклонить. Комментарии, содержащиеся в рецензии, свидетельствуют о низком уровне статьи и невозможности ее доработки до приемлемого уровня.
- 5 - Отклонить. Статья не соответствует профилю журнала. Может быть рекомендована для публикации в научном издании другого профиля/другой тематики.

Результаты рецензирования направляются автору по электронной почте по адресу, указанному в статье, если иной не оговорен самим автором.

Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то статью направляют автору на доработку. В этом случае датой поступления в редакцию считается дата возвращения доработанной статьи. Доработка статьи не должна занимать более 2 месяцев с момента отправки электронного сообщения авторам о необходимости внесения изменений.

В случае несогласия с выводами рецензента автор статьи имеет право предоставить аргументированный ответ в редакцию журнала. Статья может быть направлена на повторное рецензирование либо на согласование в редакционную коллегию. В случае отказа авторов от доработки материалов им следует в письменной или устной форме уведомить редакцию об отзыве статьи с рассмотрения.

Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором, а при необходимости – редколлекцией в целом.

В случае положительного заключения главный редактор журнала определяет очередность публикаций в зависимости от тематики номеров журнала. После принятия редколлекцией журнала решения о допуске статьи к публикации редакция информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

КРЕОЛИЗОВАННЫЙ ТЕКСТ: СМЫСЛОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ

Креолизованный текст: Смысловое восприятие. Коллективная монография / Отв. ред. И.В. Вашунина. Ред. колл.: Е.Ф. Тарасов, А.А. Нистратов, М.О. Матвеев. – М.: Институт языкознания РАН, 2020. – 206 с.

Коллективная монография содержит результаты исследований, выполненные за счет гранта РФФИ (проект № 18-012-00652 «Креолизованный текст как средство управления языковым сознанием: теоретико-экспериментальное исследование») в Институте языкознания РАН.

Издание предназначено лингвистам, культурологам, преподавателям вузов и аспирантам по профилю психолингвистика.

Приобрести монографию можно в Отделе психолингвистики ИЯз РАН.
Тел.: (495) 690-14-64, e-mail: vashunina@yandex.ru

ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

СОЗНАНИЕ. ЯЗЫК. МОЗГ КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

Сознание. Язык. Мозг. Коллективная монография / Под ред. Е.Ф. Тарасова, И.В. Журавлева. – М.: Институт языкознания РАН, 2020. – 180 с.

Проблема соотношения языка, сознания и мозга раскрывается с разных сторон: поднимаются вопросы истории научных поисков и методологии исследований, предпринимается метатеоретический анализ различных подходов к объяснению функционирования сознания и мозга, рассматриваются различные аспекты мозговой локализации функции речи. Коллективная монография состоит из двух разделов, в которых представлены историко-методологические и эмпирические исследования. Авторы проблематизируют возможность картирования функции речи в мозге, демонстрируя ее сложное строение, ее многоканальность и полисенсорность.

Для лингвистов, психологов, специалистов по нейронаукам.

Приобрести монографию можно в Отделе психолингвистики ИЯз РАН.

Тел.: (495) 690-14-64, e-mail: zhuravlev@iling-ran.ru

Вышел из печати двухтомник:

Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова

Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России).

Том I. От стимула к реакции М.: Московская международная академия, 2018. – 560 с.

Том 2. От реакции к стимулу. М.: Московская международная академия, 2019. – 704 с.

Русский региональный ассоциативный словарь (ЕВРАС) – словарь, созданный по результатам массового ассоциативного эксперимента с жителями европейской части РФ. Испытуемыми по традиции были студенты вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Воронежа, Твери, Сыктывкара, Ростова-на-Дону, Владимира, Калуги, Рязани, Курска, Мурманска, Ижевска, Ульяновска в возрасте от 17 до 25 лет с родным языком русским – всего около 5500 человек. Эксперимент проводился с группами испытуемых в письменной форме с помощью анкет, которые включали 100 слов-стимулов из списка 1000 наиболее частотных слов русского языка с некоторым числом «экспериментальных» стимулов. Авторы сознательно включили в список 700 слов-стимулов из списка стимулов Русского ассоциативного словаря, чтобы иметь возможность изучать изменения, которые произошли в обыденном сознании русских в начале XXI века.

ЕВРАС включает Прямой словарь – от стимула к реакции (40,5 а.л.) и Обратный словарь – от реакции к стимулу (55,5 а.л.).

Словарь предназначен для широкого круга пользователей: ученых лингвистических и нелингвистических специальностей, студентов, изучающих русский язык в России и за ее пределами, преподавателей и всех, кто интересуется живым русским языком.

Ассоциативный словарь может найти практическое применение в области журналистики, социального проектирования, рекламной и иных сферах гуманитарной деятельности, где востребованы знания о русском языке и культуре его носителей.

Заказать словарь можно в ММА:

телефон +7(495) 616-43-23, e-mail: info@mmamos.ru

и в секторе этнопсихолингвистики Института языкознания РАН.